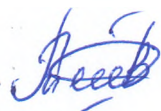

**МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

Тагаева Тахмина Рахматуллоевна

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
КОНЦЕПТА «ПЕЧАЛЬ» В ТАДЖИКСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА**

**Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика**

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель:

**Давлатмирова Манижа Бораковна,
д.ф.н., профессор**

Душанбе – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА	
1.1. Ведущие направления лингвоконцептологии и её терминологическая база.....	13
1.2. Междисциплинарная характеристика изучения эмоций.....	25
1.2.1. Объект эмоции в психологии.....	25
1.2.2. Изучение эмоций в области лингвистики.....	31
1.3. Специфические особенности эмоциональной картины мира и основные направления их исследования в различных языках.....	35
1.4. Методы и инструменты исследования эмоциональных концептов.....	41
Выводы по первой главе.....	48
ГЛАВА II. РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «ПЕЧАЛЬ» В ТАДЖИКСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА	
2.1. Лексикографический анализ эмоционального концепта «Ғам» («Печаль») в таджикском языке.....	53
2.2. Лексикографический анализ эмоционального концепта «Sadness» («Печаль») в английском языке.....	61
2.3. Репрезентация эмоционального концепта «Ғам» («Печаль») в таджикском языке на материале Национального корпуса таджикского языка.....	68
2.4. Корпусный анализ эмоционального концепта «Sadness» («Печаль») в английском языке на материале Британского национального корпуса (British National corpus).....	88
2.5. Дефиниционный анализ эмоционального концепта «Ғам – Sadness» («Печаль») в таджикском и английском языках.....	105
Выводы по второй главе.....	122

ГЛАВА III. ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «ПЕЧАЛЬ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДАХ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

3.1. Фразеологические единицы, актуализирующие эмоциональный концепт «Ғам – Sadness» («Печаль») в таджикском и английском языках.....	128
3.2. Эмоциональный концепт «Ғам – Sadness» («Печаль») в пословицах и поговорках таджикского и английского языков.....	145
Выводы по третьей главе.....	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	158
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	171

ВВЕДЕНИЕ

Эмотивная деятельность, согласно общепсихологическим представлениям, относится к внутренней сфере человека, соответственно, имеет скрытую форму зарождения и выражается внезапным выплеском эмоций как положительных, так и отрицательных. Печаль в поведенческих реалиях человека представляет совокупность восприятия фактов окружающей среды, социума, в котором реализуются родственные и неродственные, дружественные и враждебные, а также деловые отношения.

Природа человеческих эмоций во многом определяется биологическими процессами, однако их понимание и выражение тесно связаны с языком. Именно через язык эмоции приобретают культурно обусловленные формы и специфические способы вербализации, отражая особенности национального менталитета и социального взаимодействия. Лингвистика изучает, как разные языки кодируют эмоциональные состояния и каким образом язык служит инструментом передачи и интерпретации эмоций в коммуникации.

В рамках ценностной языковой картины мира концепт «Печаль» является сложным явлением по своему ценностному статусу. Печаль имеет определённую локализацию, воплощается в разуме, в более высокой материи экзистенциональности души, отличаясь наличием или отсутствием рассудка, здравомыслия и мудрости. Печаль может восприниматься как показатель глубокой внутренней рефлексии и ценностного осмысления жизни.

Настоящее исследование выполнено в русле актуальных направлений эмотивной и когнитивной лингвистики и посвящено изучению содержательных и репрезентативных характеристик концепта «Печаль». На материале таджикского и английского языков анализируется смысловое наполнение данного концепта и выявляются специфические языковые средства его выражения как компонента национальной языковой картины мира.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью системного описания эмоциональной лексики в сопоставительном аспекте.

Несмотря на наличие работ по эмотиологии, комплексное лингвокогнитивное исследование концепта «Печаль» на материале таджикского и английского языков с привлечением данных национальных корпусов (НКТА и BNC) ранее не проводилось. В работе используется метод корпусного анализа, который отвечает современному вектору лингвистики, направленному на выявление универсальных и этноспецифических параметров концептуализации исследуемой эмоции. Выбранный ракурс позволяет не только установить сходства и различия в концептуализации эмоции печали в двух лингвокультурах, но и внести вклад в развитие когнитивной лингвистики, лингвокогнитивной теории эмоций, а также практику межкультурной коммуникации.

Объектом исследования выступает эмоциональный концепт «Печаль» («Ғам» / «Sadness») как элемент концептуализации в таджикской и английской языковых картинах мира.

Предметом исследования являются конкретные способы лексикографической, фразеологической, паремиологической и корпусной репрезентации концепта «Печаль» («Ғам» / «Sadness») в таджикском и английском языках.

Степень разработанности темы исследования. Исследование концепта «Печаль» основывается на фундаментальных трудах зарубежных, российских и отечественных учёных в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и психолингвистики, в рамках которых рассматриваются вопросы концептуализации и категоризации концептов в языке.

Существенный вклад в развитие когнитивной лингвистики внесли Дж. Лакофф, М. Джонсон, а также Е. С. Кубрякова и Н. Н. Болдырев, чьи работы посвящены проблемам когнитивного моделирования, категоризации и концептуализации действительности в языке.

В области лингвокультурологии значительное место занимают исследования В. И. Карасика, В. В. Воробьёва и В. А. Масловой, посвящённые изучению взаимосвязи языка, культуры и национального мировидения. Вклад в развитие эмотиологии – науки об эмоциях в языке – внесли М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сепир,

Г. Гийом, Ш. Балли, В. И. Шаховский и Н. А. Красавский, исследовавшие способы языковой репрезентации эмоциональных состояний человека.

Особое значение для изучения языковой картины мира и процессов категоризации действительности имеют фундаментальные работы Н. Д. Арутюновой («Язык и мир человека», 1999), Б. А. Серебренникова («Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира», 1988), Ю. С. Степанова («Константы: словарь русской культуры», 1997), Е. С. Кубряковой («Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира», 2003), В. И. Постоваловой («Картина мира в жизнедеятельности человека», 1998) и В. Н. Телии («Метафоризация и её роль в формировании языковой картины мира», 1988).

Важное место среди указанных исследований занимает работа Ю. С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» (1997), в которой концепты рассматриваются как ключевые элементы культурной памяти и духовной культуры народа.

Проблемам изучения таджикской языковой картины мира посвящены исследования таджикских учёных, среди которых следует отметить работы Д. М. Искандаровой, М. Б. Давлатмировой, Н. И. Каримовой, С. Г. Сабировой, З. А. Гуловой, Д. К. Ниёзовой, Х. Х. Курбоновой и других исследователей. Вместе с тем анализ существующих научных исследований показывает, что лингвокогнитивное изучение концепта «Печаль» в сопоставительном аспекте, в частности в таджикском и английском языках, на основе широкого лексикографического и корпусного материала до настоящего времени не становилось предметом специального комплексного исследования. Данное обстоятельство определяет научную новизну и актуальность настоящего исследования.

Цель данной работы заключается в комплексном изучении системы языковых средств, репрезентирующих концепт «Печаль», а также анализе сфер его экспликации в таджикском и английском языках.

Для достижения поставленной цели в работе необходимо решить следующие **задачи:**

- 1) **Изучить** теоретические основания когнитивной лингвистики, определить её ключевые направления и сформировать терминологическую базу исследования концептов;
- 2) **Проанализировать** междисциплинарные подходы к исследованию эмоций;
- 3) **Описать** методологию изучения концептов и выявить их специфические особенности;
- 4) **Провести** комплексный лексикографический анализ, направленный на выявление семантических особенностей концепта «Ғам» (таджикский язык) и концепта «Sadness» (английский язык);
- 5) **Установить** основные закономерности функционирования концепта «Ғам» в таджикской языковой среде с привлечением данных Национального корпуса таджикского языка;
- 6) **Определить** специфику репрезентации концепта «Sadness» в англоязычном языковом пространстве с опорой на материалы Британского национального корпуса (British National Corpus);
- 7) **Сравнить** лексикографическое описание концепта «Ғам» в таджикском и «Sadness» в английском языках с целью выявления общих и культурно-маркированных признаков;
- 8) **Описать** структурно-семантические особенности фразеологических единиц, актуализирующих содержание концепта «Печаль» в таджикской и английской лингвокультурах;
- 9) **Охарактеризовать** корпус пословиц и поговорок, вербализующих концепт «Печаль» в паремиологической картине мира таджикского и английского народов.

Научная новизна исследования заключается в том, что проведено многоаспектное сопоставительное исследование концепта «Печаль» («Ғам» / «Sadness») в таджикской и английской ЯКМ в рамках когнитивно-корпусной парадигмы на материале корпусных данных (НКТЯ и BNC), что позволило уточнить частотность и контекстуальную сочетаемость репрезентантов концепта.

Также разработана классификация фразеологических и паремиологических единиц, актуализирующих состояние печали в двух языках в зависимости от специфики таджикской и английской лингвокультур.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в развитие антропоцентрического направления лингвистики, в частности в изучение эмоциональных концептов. Проведенный сопоставительный анализ концепта «Печаль» на материале таджикского и английского языков расширяет понимание механизмов репрезентации эмоций в разноструктурных языках, углубляет научные представления об этимологии и эволюции исследуемого концепта в контексте различных лингвокультур, позволяет выявить универсальные и специфические черты его интерпретации при сохранении равнозначного подхода к обоим языкам.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования языкового материала, выводов и обобщений при разработке университетских спецкурсов и спецсеминаров; они могут быть интегрированы в программы таких дисциплин, как «Лингвоконцептология», «Эмотиология», «Лингвокультурология», «Когнитивная лингвистика», способствуя углубленному освоению студентами соответствующей проблематики.

Методы исследования. Решение исследовательских задач осуществлялось с опорой на комплекс методов: описательный метод (для фиксации языковых фактов), концептуальный и компонентный анализ (для моделирования структуры концепта), компонентный анализ (для выявления семантических признаков) интерпретация словарных дефиниций, лексикографический анализ, обработка корпусных данных, интроспекция и сравнительно-сопоставительный метод, классификационный подход.

Теоретическую базу исследования представляют труды русских, зарубежных, а также отечественных лингвистов в области когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, С. А. Аскольдов-Алексеева, А. П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, А. Вежбицкой, В.З. Демьянкова, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика, О.А. Корнилова, Д.С. Лихачёва, Г.Г. Слышкина, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, М.В. Ю.С. Степанова,

И.А. Стернина, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, Э. Роша, В.Н. Телия, Д.М. Искандаровой, М. Б. Давлатмировой, Н. И. Каримовой, З.А. Гуловой и др.).

Материалом для исследования послужили данные, собранные посредством сплошной выборки из лексикографических источников таджикского языка: «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [ФТЗТ: 2008], «Фарҳанги нави тоҷикӣ-русӣ» [Калонтаров: 2008], «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» [ФТБР: 2006], «Русско-таджикский словарь» [Фазылов: 1957], «Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷикӣ» [Мухаммадиев: 1975], «Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ» [Фозилов: 1976], «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)» [Фозилов: 1964], «Мудрость трех народов: (Тадж., узб., рус. пословицы, поговорки и афоризмы в аналогии)» [Калонтаров: 1989], «Гулчини зарбумасалу мақолҳои халқҳои ҷаҳон» [Раҳимов: 2012], «Баёзи фолклори тоҷик» [БФТ: 1990], «Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ» [Писарчик: 1961] и др.

Словарей английского языка: «Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary» [Collins: 2018], «Longman Collocations Dictionary and Thesaurus» [Longman: 2013], «A complete dictionary of synonyms and antonyms, or Synonyms and words of opposite meaning» [Fallows: 1898], «The Oxford Thesaurus An A-Z Dictionary of Synonyms» [Urdang: 1991], «Толковый словарь английского языка Oxford English: 40000 слов и выражений современного английского языка» [Хокинс: 2008], «Cambridge Academic Content Dictionary» [CACD: 2009], «The American Heritage Dictionary of the English language» [Houghton: 2016], «Easier English. Basic synonyms» [Sargeant: 2004], «The Synonym Finder» [Urdang: 1978], «350 Idioms with Their Origin, or The Idiomatic Cake You Can Eat and Have It Too = 350 идиом и их происхождение, или как невинность соблюсти и капитал приобрести» [Шитова: 2011], «Oxford Dictionary of Idioms» [Siefring: 2004], «Английские пословицы и поговорки» [Гварджаладзе: 1971] и др.

В работе были также использованы онлайн-ресурсы, посвященные идиомам, выражающим эмоции радости и грусти: «Идиомы радости и печали на английском языке» [<https://engblog.ru/joy-and-sadness-idioms>], «Идиомы про эмоции. Радуюсь и грустим по-английски» [<https://elf-english.ru/2020/05/idiomy-pro-emocii->

raduemsya-i-grustim-po-anglijski/], «Idioms that express sadness» [<https://blog.knudge.me/idioms-that-express-sadness-7132b9e39cd9>], «Идиомы о грусти» [https://vk.com/wall-4311205_7065], «30 Idioms for Sadness» [<https://phrasedictionary.org/idioms-for-sadness/>], «100 Best Idioms for Sad» [<https://enlightio.com/idioms-for-sad/>].

А также в работе были использованы национальные языковые корпуса таджикского и английского языков: Национальный корпус таджикского языка [НКТЯ: <https://tajik-corpus.org/>], British National corpus [BNC: <https://www.english-corpora.org/bnc/>].

На защиту выносятся следующие положения:

1. **Концепт «Печаль» («Ғам» / «Sadness»)** представляет собой многослойное ментальное образование с полевой организацией, включающее ядро (инвариантные признаки утраты и душевного неблагополучия) и периферийные зоны, содержание которых детерминировано уникальным историко-культурным и религиозно-философским опытом таджикского и английского народов.

2. Несмотря на универсальный характер эмоции печали как психофизиологического феномена, её вербализация в сопоставляемых языках обнаруживает значительную этнокультурную специфику: в таджикской языковой картине мира (ЯКМ) концепт «Печаль» сакрализован и несет этическую нагрузку, в то время как в английской ЯКМ он в большей степени психологизирован и индивидуализирован.

3. Когнитивная структура концепта «Печаль» в таджикском и английском языках репрезентируется через систему метафорических моделей. В таджикском языке доминируют соматические (дарди дил, хуни дил, хунобаи дил (чигар), ашки ғам) и природные (оташи ғам, ғубори ғам, дуди ғам, сояи ғам, борони ғам, сӯзу ғам) метафоры, тогда как в английском языке концепт актуализируется через пространственные (downcast, low, downhearted, crestfallen, chapfallen) и колоративные (blue, feel blue) модели.

4. Лексикографическая и дефиниционная репрезентация концепта выявляет асимметрию семантических полей: таджикский лексический пласт

(«ғам», «андӯх», «хузн») демонстрирует высокую степень переплетения печали с понятиями «забота» и «сострадание», в то время как английский синонимический ряд («sadness», «grief», «sorrow») четко дифференцирует интенсивность и длительность эмоционального состояния.

5. Корпусный анализ на материале НКТЯ и BNC подтверждает дискурсивную специфику концепта: в таджикском языке концепт «Печаль» тяготеет к высокой художественной и поэтической речи, сохраняя связь с классической литературной традицией, тогда как в английском языке он чаще объективируется в обыденном и социально-психологическом контекстах.

6. Паремиологический и фразеологический фонды таджикского и английского языков аккумулируют национально-специфические способы преодоления печали. Если в таджикских поговорках печаль часто интерпретируется как фатальная неизбежность или путь к мудрости, то в английском фразеологическом фонде превалирует прагматический подход к описанию внешних проявлений и симптомов данного эмоционального состояния.

7. Анализ вербальных средств репрезентации концепта «Печаль» в таджикском и английском языках показывает как общие когнитивные основания, так и различия, связанные с менталитетом, религией и культурными традициями соответствующих народов.

8. Степень достоверности сопоставительного исследования концепта «Печаль» в таджикском и английском языках определяется применением оригинальной многоуровневой методики анализа, интегрирующей лексикографический, корпусный, фразеологический и паремиологический подходы в рамках междисциплинарной научной парадигмы.

Степень достоверности диссертационного исследования подтверждена в процессе его публичной апробации, в частности в участии автора в работе научных конференций, посвященных актуальным направлениям теоретико-прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики. Основные идеи, теоретические положения и эмпирические результаты исследования неоднократно становились предметом обсуждения на специализированных семинарах и заседаниях круглого

стола. Перечень основных мероприятий, в рамках которых осуществлялась апробация, включает:

- Международная научно-практическая конференция «Лингвистика XXI века: проблемы, перспективы, инновационные направления» (2023).
- Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современности: взгляд молодежи» (2024).
- Межвузовская научно-практическая конференция «Современные проблемы прикладной лингвистики в Республике Таджикистан» (2025).
- Международная научно-практическая конференция «XXIX Славянские чтения» (2025).
- Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современности: взгляд молодежи» (2025).

Фрагменты и отдельные выводы исследования получили освещение в ходе обсуждений на тематических семинарах и круглых столах, посвященных дискуссионным вопросам таджикского и английского языков. Основное содержание диссертации отражено в 5 публикациях, из которых 4 – в журналах, включенных в обновленный перечень ВАК, и 1 – в журнале, индексируемом научнометрической базой РИНЦ.

Структура работы. Композиционно диссертация выстроена в соответствии с целью и задачами работы и имеет следующую структуру: введение, три главы, заключение и список литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

1.1. Ведущие направления лингвоконцептологии и её терминологическая база

К концу XX столетия в лингвистике начинается новый этап развития, характеризующийся переосмыслением природы языка. Основным положением становится то, что «язык – это не только система разноуровневых единиц, но и история, культура, традиции, дух народа» [Горбунов: 2008, с. 103-111]. В связи с этим вопрос о соотношении языка и культуры, а также их связь с человеком приобретают центральное значение в современной лингвистической парадигме. Данный сдвиг от формальной лингвистики к гуманитарно-культурологическому пониманию языка свидетельствует о расширении предметного поля науки и её стремлении к междисциплинарности.

Эту тенденцию подчеркивает М.С. Каган в работе «Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке», где отмечается необходимость применения системно-синергетического подхода к научной деятельности. Он указывает, что *гуманитарное знание* является ключевым компонентом в научной сфере, поскольку именно в нем происходит пересечение информационных потоков, поступающих из других областей знания [Каган: 2001, с. 12-13]. Указанная точка зрения обусловлена тем, что человек «принадлежит и природе, и обществу, и культуре, и в его существовании, функционировании и развитии особенно ярко проявляются общие законы бытия...» [Каган: 2001, с. 12-13]. Такой подход делает его объектом исследования одновременно нескольких наук, но при этом ни одна из них по отдельности не способна дать исчерпывающего объяснения его сложной природы.

С данной мыслью невозможно не согласиться, ведь в современных условиях синтез научных направлений становится необходимым условием не только для понимания природы человека, но и для подробного описания процессов, в которых он участвует. Таким образом, обозначенная М.С. Каганом задача видится не просто

важной, но фундаментальной для всей гуманитарной парадигмы XXI века. Такой подход открывает возможности выйти за рамки узко специализированных моделей и приблизиться к более целостному пониманию человеческой природы и культуры.

Одной из характерных черт современного научного знания является тенденция к междисциплинарному синтезу, объединяющему методы и достижения ранее обособленных друг от друга научных дисциплин. Как показывает практика, наиболее значимые и продуктивные результаты достигаются именно на стыке наук. Что касается лингвистики, она все чаще пересекается с такими областями, как когнитивная психология, нейронаука, информатика, философия и даже биология. Это взаимодействие не только обогащает саму лингвистику, но развивает и смежные дисциплины, способствуя формированию новых научных направлений.

Е.С. Кубрякова, исследуя динамику научной парадигмы, выделяет следующие ключевые принципы: **экспансионизм, антропоцентризм, неофункционализм и экспланаторность**. Она подчеркивает важность антропоцентрического подхода, акцентируя внимание на языке как средстве познания внутреннего мира человека и отражения его ментальных состояний [Кубрякова: 1995]. Этот подход является особенно значимым в контексте лингвокогнитивного анализа эмоциональных концептов, так как язык выступает не только как средство коммуникации, но и как инструмент концептуализации субъективного опыта, включая эмоции.

Также не менее важен и принцип экспансионизма, отражающий стремление лингвистики выходить за пределы собственной дисциплины и активно взаимодействовать с такими смежными дисциплинами, как когнитивная наука, психология, культурология [Кубрякова: 1995]. Благодаря такому расширению границ возможен многогранный анализ языковых явлений – от нейрофизиологических до культурно-семантических.

Когнитивная лингвистика как отрасль теоретической и прикладной лингвистики сформировалась и наиболее активно развивалась в США в конце 70-х – начале 80-х годов. В английской научной традиции ее чаще называют «когнитивной грамматикой», что объясняется более широким пониманием

термина «грамматика». Фундаментальные положения когнитивной лингвистики были отражены в трудах таких исследователей, как Ч. Дж. Филмор [Fillmore: 1985, с. 222-254], Дж. Лакофф [Lacoff: 1968, с.4-29; Lacoff: 1977, с. 236-287; Lacoff: 1982; Lakoff: 1987], Р. Лангакер [Langacker: 1990; Langacker: 1991], М. Райс [Rice: 1980] и Л. Талми [Talmy: 1987; Talmy: 1988, с. 49-100]. Их исследования заложили основу для осмысления языка как когнитивного инструмента, формирующего и отражающего структуру мышления.

В становление и развитие российской когнитивной лингвистики большой вклад внесли такие учёные, как В.Г. Гак [Гак: 1998; Гак: 1977; Гак: 1998], Е.С. Кубрякова [Кубрякова: 2006, с. 3-14; Кубрякова: 2004], А.А. Уфимцева [Уфимцева: 1996], Г.В. Колшанский [Колшанский: 1990], Б.А. Серебренников [Серебренников: 1988], Ю.С. Степанов [Степанов: 1997], В.З. Демьянков [Демьянков: 1994, с. 17-33], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова: 1998] и другие представители российской научной школы.

В современной лингвистике осмысление концепта осуществляется в рамках нескольких научных подходов, различающихся по теоретическим основаниям и используемому аналитическому инструментарию. К числу таких подходов относятся: *когнитивный, лингвоконцептологический, лингвокогнитивный и лингвокультурологический*. Каждый из них по-своему интерпретирует сущность концепта и задаёт собственные способы его анализа.

1. Когнитивный и лингвоконцептологический подходы рассматривают концепт как смысловую единицу, лежащую в основе языкового значения. В рамках данных подходов концепт рассматривается как результат мышления, оформленный в языке и служащий средством хранения и передачи знаний. Представителями данного направления являются С.А. Аскольдов, Д.С. Лихачев, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, З.Д. Попова и другие. Они внесли значительный вклад в понимание концепта как основной смысловой единицы, лежащей в основе языкового мышления и отражающей картину мира, зафиксированную в языке.

2. Лингвокогнитивный подход ориентирован на изучение концептов как элементов когнитивной структуры, формирующихся в индивидуальном сознании

и отражающих социокультурный опыт. Он формируется на анализе знаний индивида, представленных в виде концептов, которые в совокупности образуют концептосферу. При этом особое внимание уделяется роли языковой семантики и коммуникативных процессов, обеспечивающих формирование, организацию и передачу знаний о мире. Такой подход позволяет рассматривать концепты как элементы когнитивной структуры, которые не только отражают, но и формируют индивидуальное и коллективное восприятие действительности [Воробьев: 1997, с. 32].

3. Лингвокультурологический подход обращен к культурологическому аспекту, в рамках которого культура интерпретируется как совокупность концептов и система связей между ними. Подобная трактовка представлена в работах Ю.С. Степанова, Г.Г. Слышкина и других исследователей, подчёркивающих роль концептов в формировании ментальной картины мира и культурной идентичности.

Необходимо подчеркнуть, что существующие научные подходы к пониманию концепта в лингвистике не противоречат друг другу. Напротив, они находятся в методологической взаимосвязи и дополняют друг друга, отражая двустороннюю природу концепта: с одной стороны – как значения языкового знака, а с другой – его ментальную содержательную суть, закреплённую в сознании носителей языка.

Следует полагать, что различия между указанными выше подходами заключаются, прежде всего, в направлении исследования. В рамках первого подхода анализ концепта начинается от языкового знака к концептосфере в целом (лингвоконцептологическое направление) либо к ее этнокультурно-маркированным фрагментам (лингвокультурологическое направление). Во втором случае исследование строится по обратному курсу – от содержания концепта к его языковой репрезентации (когнитивное направление). Различия между подходами прослеживаются также в выборе объекта анализа и в постановке исследовательских целей. Это еще раз подтверждает многогранность природы концепта и необходимость комплексного подхода к его изучению.

Самостоятельность лингвоконцептологии как научной дисциплины обеспечивается не только перечисленными подходами, но и специфическим набором характеристик, присущих изучаемому объекту – концепту. К ним относятся: аксиологическая маркированность (ценностность), единство образного и понятийного начал, двойственность (сочетание универсального и этноспецифического), конвенциональная природа, глубинная семантика, способность к трансформации и смысловая многомерность. Эти характеристики подчеркивают, что лингвоконцептология представляет собой динамичную и многогранную науку, которая исследует не только язык, но и взаимодействие языковых единиц с культурными и когнитивными процессами. Следовательно, она представляет собой динамичную область гуманитарного знания, ориентированную на комплексное исследование смысловой картины мира, зафиксированной в языке.

По мнению С.Г. Воркачева, предметом лингвоконцептологии является менталитет этносов, говорящих на определенных естественных языках. Он представляет собой совокупность поведенческих и когнитивных образов, отражающих особенности мировосприятия носителей языка.

Также С.Г. Воркачев акцентирует внимание на связи между лингвоконцептологией и межкультурной коммуникацией – дисциплиной, изучающей процессы взаимодействия между представителями разных этносов и культур. Несмотря на наличие общих черт между дисциплинами, стоит подчеркнуть, что каждая из них преследует свои специфические цели и применяет определенные методы. Лингвоконцептология сосредоточена преимущественно на теоретическом анализе языковых и когнитивных структур, тогда как межкультурная коммуникация ориентирована на практическое изучение механизмов межэтнического взаимодействия и понимания между культурами [Воркачев: 2001, с. 64-83]. Разграничение этих дисциплин представляется важным, поскольку позволяет четко определить границы исследования и избежать смешения теоретических и прикладных аспектов, что повышает методологическую четкость и обеспечивает логическую завершенность анализа.

Цель лингвоконцептологии заключается в раскрытии значений слов и выражений сквозь призму культурных представлений и в объяснении разнообразия мировоззренческих позиций, характерных различным языковым сообществам. Данное направление в науке позволяет обнаружить, каким образом язык не только отражает, но и формирует особенности национального менталитета.

Нельзя не отметить, что современная лингвоконцептология активно развивается в русле междисциплинарного подхода, интегрируя достижения философии, социологии, психологии и нейронаук. Такой междисциплинарный синтез открывает новые возможности для изучения языковых концептов, позволяя выявить закономерности их возникновения и особенности актуализации в речи. Как следствие, становится возможным более полное и детализированное объяснение того, как работают механизмы концептуализации действительности в языке.

Одной из важнейших тенденций современной лингвоконцептологии выступает усиление ее практической ориентации, о чем свидетельствует корпус работ, выполненных в данном русле. Анализ языковых концептов выходит за пределы сугубо теоретического осмысления и обретает актуальность в таких прикладных областях, как межкультурная коммуникация, переводоведение, маркетинг и рекламная деятельность. Понимание национально-культурной специфики концептов становится действенным инструментом воздействия на адресата, так как позволяет максимально точно учитывать его когнитивные установки и культурный фон. В XXI веке лингвоконцептология продолжает активно развиваться, открывая новые направления для теоретического и практического исследования. Применение различных подходов способствует расширению прикладных возможностей науки, позволяя использовать её результаты в различных областях, от образования и межкультурной коммуникации до коммерческой и рекламной деятельности.

В вопросе понимания сущности концепта Ю.С. Степанов считает, что концепт является микромоделью культуры, который одновременно порождает культуру и порождается ею, являясь «сгустком культуры» [Степанов: 2001].

Данный подход представляется особенно продуктивным, так как он подчеркивает взаимосвязь языка, мышления и культуры, что важно для анализа концептов как многослойных единиц сознания [Степанов: 2001].

В то же время С.Г. Воркачев указывает, что «наибольший разброс и рассогласованность в понимании сущности и смысла концепта наблюдается в лингвокультурологии», что связано с неоднозначностью самого понятия «культура» [Воркачев: 2004]. Такая критика является обоснованной, так как отсутствие единого и четко сформулированного определения культуры несколько затрудняет разработку универсальной методологии при исследовании концептов. С другой стороны, именно разнообразие подходов дает возможность исследовать концепты в контексте различных культурных практик и ментальных моделей. Таким образом, несмотря на определённые методологические риски, лингвокультурология сохраняет исследовательскую ценность благодаря своей междисциплинарности и гибкости.

Лингвоконцептология сосредоточена на изучении «лингвокультурных» концептов, которые несут в себе культурно-обусловленную семантику. По мнению С.Г. Воркачева, «в более узком понимании к ним относятся образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры». Он отмечает, что совокупность концептов не формирует целостной концептосферы как структурированного семантического пространства, а лишь занимает в ней определенную часть – **концептуальную область** [Воркачев: 2002, с. 79-95].

Становление лингвоконцептологии как научного направления относится к разработке категорийной модели языка и мышления, предложенной в трудах американского лингвиста Бенджамина Ли Уорфа [Уорф: 1980]. Его работы в 40-50-х годах XX века оказали большое влияние на формирование представлений о роли языка в построении и восприятии картины мира.

Лингвоконцептология продолжает эволюционировать благодаря исследованиям Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф: 2004]. В своей концепции когнитивной метафоры они представили точку зрения о том, что метафора является

не только стилистическим приемом, а фундаментальным механизмом мышления. Согласно их положению, символы и концепты используются для выражения сложных мыслей и представлений о мире. Таким образом, метафора выступает в качестве основного средства концептуализации действительности и играет важную роль в формировании ментальных моделей мира, что напрямую соотносится с задачами лингвоконцептологического анализа.

В последние годы лингвоконцептология продолжает активно развиваться, внедряя новые методы и подходы к изучению взаимосвязей между языком, мышлением и понятийными структурами. Значимым импульсом к поступательному развитию лингвоконцептологии стало проникновение в нее цифровых методов и достижений компьютерной лингвистики. Эти новации открыли перспективы для точного количественного анализа и обработки данных обширных текстовых массивов. Использование корпусной лингвистики открыло новые возможности для эмпирического изучения концептов и символов. Анализ языковых корпусов способствует более объективному выявлению частотных, контекстуальных и ассоциативных характеристик концептов, что расширяет методологическую базу лингвоконцептологических исследований.

Современный этап развития лингвоконцептологии отмечен смещением фокуса внимания на культурные и социальные детерминанты концептуализации. В центре исследовательских интересов оказывается не столько статичная когнитивная природа концептов, сколько их динамическая обусловленность культурно-историческими факторами.

Такой междисциплинарный подход способствует более глубокому пониманию природы языка и его роли в формировании мировоззрения и идентичности каждого человека.

Лингвокультурный подход.

Лингвокультурный подход направлен по траектории «культура → индивидуальное сознание» и интегрирует широкий круг проблем: от познания картины мира и системы культурных ценностей до национальной специфики языкового мышления и процессов межкультурной коммуникации. Как правило,

данный подход реализовывается через три базовые категории: язык, культура и нация. Исследование в рамках этого направления нацелено на выявление того, как культурные смыслы закрепляются в языке и формируют мировоззрение носителей конкретной лингвокультуры.

Известно, что лингвокультурология сформировалась в 1970 – 1990-х годах как продукт антропологической парадигмы в лингвистике, чье начало было положено еще в XIX веке В. фон Гумбольдтом, обосновавшим положение о взаимосвязи характера языка и характера народа. Он утверждал, что «разные языки по своей сути являются различными мировидениями», а также подчеркивал, что «своеобразие языка влияет на сущность нации» [Гумбольдт: 1985]. Оригинальность данного подхода заключалась в признании того, что за вариативностью языковых форм скрываются различия в когнитивных моделях и способах осмысления восприятия действительности, что позволяет рассматривать язык как ключевой репрезентант национально-культурной специфики.

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что лингвокультурология еще недавно рассматривалась как новое направление в европейском языкознании, в течение короткого времени прошла бурный период становления, в ходе которого были разработаны собственные категории и принципы. Это позволило ей к началу XXI века приобрести статус самостоятельной научной дисциплины.

С данным утверждением сложно не согласиться, потому как уже сегодня в рамках лингвокультурологии активно функционируют сложившийся понятийный аппарат (концепт, концептосфера и др.), а также своя методология, в том числе и методы концептуального анализа, которые активно применяются в анализе дискурсов и межкультурной коммуникации.

В.И. Тхорик отмечает, что лингвокультурология «объемлет как внутреннюю, так и внешнюю стороны языка», а ее задача включает рассмотрение как лингвистических, так и философских вопросов [Тхорик: 2000]. Это сближает ее с лингвострановедением, однако лингвокультурология отличается своей опорой на когнитивные методы анализа, направленные на выявление связей между языком, культурой и мышлением. Такого рода подход представляется особенно

перспективным, поскольку позволяет выйти за пределы поверхностного описания национальных реалий и сосредоточиться на глубинных механизмах концептуализации действительности.

Значительное количество исследований, проведенных в рамках лингвокультурологии, посвящено описанию и анализу различных лингвокультурных концептов, которые рассматриваются как основные единицы культуры, обладающие образным, понятийным и ценностным компонентами. В.И. Карасик в монографии «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» описывает методологию анализа концептов как лингвокультурных феноменов, подчеркивая их роль в отражении менталитета и культурных кодов общества [Карасик: 2004]. Он указывает на важность изучения концептов в аспекте их функционирования в дискурсе, где они обретают конкретные формы речевого выражения и интерпретации в сознании носителей языка.

Такой подход представляется особенно продуктивным, поскольку он объединяет когнитивный и коммуникативно-дискурсивный уровни анализа, позволяя изучать концепты не в отрыве от реального языка, а в процессе их реализации и переосмысления в конкретных ситуациях общения.

Направление, изучающее лингвокультурные концепты, ученые-лингвисты называют *лингвокультурной концептологией* или *лингвоконцептологией*. Как отмечает С.Г. Воркачев, в научной практике часто ставится знак равенства между «лингвокультурологией», «лингвокультурной концептологией» и «лингвоконцептологией», поскольку все три термина обозначают исследование репрезентации культуры в языке через концепты, обладающие образной, понятийной и ценностной составляющими [Воркачев: 2010, с. 5-27].

Тем не менее, несмотря на общую предметную область, вышеуказанные научные направления необходимо разделять. Центральным понятием данных направлений лингвистики является «концепт», который интерпретируется по-разному в зависимости от научного подхода.

Лингвокультурная концептология (лингвоконцептология) – раздел лингвокультурологии, соотносимый с антропологической лингвистикой. В то

время как лингвокультурология исследует лингвокультуру в целом, лингвоконцептология сосредоточена на изучении отдельных элементов этой лингвокультуры, а именно – лингвокультурных концептов.

По мнению В.В. Колесова, концепты представляют собой «определенные единицы этнического менталитета» и являются структурообразующими компонентами дискурса [Колесов: 1999, с. 112]. Данное определение подчёркивает связь концепта с языковой, ментальной и культурной составляющими, что соответствует общему вектору лингвоконцептологического подхода, направленного на выявление специфики национального мышления через языковое выражение.

С таким пониманием концепта можно согласиться, поскольку оно позволяет рассматривать концепт как сложную, многослойную единицу, отражающую особенности мировосприятия конкретной этнической общности. Кроме того, это определение подчёркивает динамическую природу концепта в дискурсе, где он проявляется не как абстрактная сущность, а как активно функционирующий элемент смыслопорождения.

Существенный вклад в становление и развитие современной отечественной когнитивной лингвистики внесла «Школа прикладной лингвистики в Республике Таджикистан». На протяжении последних двадцати лет кафедрой теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета под научных руководством и консультацией профессора, доктора филологических наук Д.М. Искандаровой была проделана значительная научная работа. Она выразилась в защите целого ряда кандидатских и докторских диссертаций, проведении многочисленных конференций и круглых столов, а также публикации статей и монографий по актуальным направлениям когнитивной лингвистики.

Особое внимание уделяется сопоставительному изучению концептов в разноструктурных языках. Среди самых заметных исследований можно выделить работы А.О. Пак «Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках» [Пак: 2009], З.А. Гуловой «Концепт «Еда» в русском и польском языках» [Гулова: 2013], М.Б. Давлатмировой «Универсальное и

этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «Судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков)» [Давлатмирова: 2019], Н.И. Каримовой «Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков)» [Каримова: 2020], Х.Х. Курбоновой «Национально-специфические особенности концепта «Сабр» (Терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах» [Курбонова: 2021], Ф.С. Махмудовой «Лексико-семантическое поле «добро/зло» в таджикской и китайской языковых картинах мира» [Махмудова: 2022], Ф.Д. Азизова «Репрезентация концепта «Гнев» в лексико-фразеологической системе русского и таджикского языков» [Азизов: 2023], М.Х. Шамбезода «Лингвокогнитивный анализ концепта «Мухоҷир/Мигрант» в таджикском языке» [Шамбезода: 2025] и многие другие.

Вклад «Школы прикладной лингвистики» под руководством Д.М. Искандаровой заключается не только в количественном расширении корпуса исследований, но и в качественной разработке методологических подходов, применимых к анализу концептов в условиях языкового и культурного многообразия. Особое значение имеет акцент на этнокультурной специфике концептов, а также на их репрезентации в сопоставительных языковых картинах мира, что особенно актуально в условиях поликультурного пространства постсоветского региона.

Учитывая методологическую основу, сформированную в рамках данной школы, настоящее исследование опирается на принципы сопоставительного анализа эмоциональных концептов, применяя их к изучению концепта «Печаль» в таджикской и английской лингвокультурах. Выбор данного концепта обусловлен его высокой культурной значимостью, универсальностью в человеческом опыте и одновременно ярко выраженной этнокультурной спецификой, проявляющейся в языковых средствах его выражения.

Анализ концепта «Печаль» позволит выявить как общечеловеческие когнитивные основания эмоции, свойственные различным культурам, так и особенности её концептуализации в таджикской и английской культурных

традициях. Такой подход не только расширяет представления о лингвокультурной репрезентации эмоций, но и способствует более глубокому пониманию механизмов формирования языковой картины мира в условиях межкультурного взаимодействия.

1.2. Междисциплинарная характеристика изучения эмоций

1.2.1. Объект эмоции в психологии

В современной психологии исследование эмоциональной сферы человека представляет собой одно из наиболее активно развивающихся направлений. Способность испытывать чувства и выражать свои эмоции является, без сомнения, одной из ключевых особенностей душевной организации человека. В связи с этим эмоции в жизни человека всегда вызывали интерес у исследователей.

Особенно подробно эмоции изучаются в рамках психологической науки. Нам представляется особенно важным рассматривать эмоции не только как внутренние психические состояния, отражающие субъективное отношение человека к происходящему, но и как социально и культурно обусловленные феномены, проявляющиеся в конкретных формах взаимодействия личности с окружающим миром. В ходе исследования природы эмоций в психологии традиционно затрагивается вопрос о значении эмоций в жизни человека, об их происхождении, формах проявления, а также классификации. Исследователи отмечают многообразие подходов к пониманию эмоций – от биологического и нейрофизиологического до социокогнитивного.

Мы соглашаемся с мнением ученых, которые подчеркивают, что обращение к области психологии эмоций сопровождается рядом проблем. Как показывает анализ литературы, в современной психологии отсутствует единое определение эмоциональных явлений. Каждый исследователь понимает термин «эмоция» по-своему. Предполагается, что именно эта множественность взглядов данного термина во многом зависит от теоретических положений и методологических подходов, лежащих в основе конкретного исследования.

В различных лексикографических источниках термин «эмоция» представлен множеством разнообразных дефиниций.

Так, в «Большом психологическом словаре» под редакцией Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко эмоции определяются как «особый класс психических процессов и состояний, отражающих происходящее в жизнедеятельности индивида» [БПС: 2009, с. 622]. Данное определение акцентирует внимание на адаптивной роли эмоций, связывая их с обеспечением жизнедеятельности человека.

Однако указанную выше формулировку некоторые психологи подвергают критике. В частности, Е.Д. Хомская и Н.Я. Батова обращают внимание на то, что представленный вариант определения недостаточно четко разграничивает эмоции и познавательные процессы, а также не учитывает целый ряд других особенностей эмоциональной сферы, такие как субъективность переживаний и их мотивационную функцию [Хомская, Батова: 1998, с. 11].

Подобная критика утверждает дискуссионный характер границ понятия «эмоция» в психологической науке и необходимость применения более дифференцированного подхода к его толкованию.

Вместе с тем в «Большом психологическом словаре» Н.Н. Авдеевой эмоции определяются как «состояния, связанные с оценкой значимости для индивида действующих на него факторов и выражающиеся прежде всего в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения его актуальных потребностей» [БПС: 2009, с. 400]. Данная трактовка подчёркивает оценочный и субъективный характер эмоций, что позволяет адаптировать ее к современным когнитивным подходам к изучению эмоциональной сферы.

Исходя из указанного выше, мы можем прийти к выводу, что представленное разнообразие определений отражает сложность явления эмоций и указывает на важность комплексного и междисциплинарного подхода к их изучению, который учитывал бы как физиологические, так и когнитивные и культурные аспекты. В контексте лингвокультурологических исследований это особенно важно, поскольку язык выступает не только средством передачи информации, но и репрезентантом эмоционального и культурного опыта.

Помимо лексикографических толкований понятия «эмоция», существуют также различные теоретико-практические трактовки, предлагаемые учеными-исследователями. Один из ведущих исследователей в области психологии эмоций Кэрролл Изард рассматривает эмоции как комплексное явление, включающее нейрофизиологические, двигательно-экспрессивные и чувственные компоненты. В своей работе «Психология эмоций» он утверждает: «Интраиндивидуальный процесс взаимодействия этих компонентов, в результате которого возникает эмоция, является результатом эволюционно-биологических процессов» [Изард: 2002, с. 69]. Мы согласны с Изардом в том, что комплексный подход, включающий биологические и субъективные компоненты, наиболее полно отражает природу эмоций. Такой подход, позволяет увидеть эмоции не только как субъективный опыт, но и как биологическую основу, что существенно расширяет возможности междисциплинарных исследований и помогает глубже понять природу эмоций в контексте их проявлений в языке и культуре.

И.А. Джидарьян, в свою очередь, писал, что эмоцией является «реакция личности и организма на ситуацию, способствующую или препятствующую жизнедеятельности, в зависимости от соответствия ценностным ориентирам личности» [Джидарьян: 1974, с. 156]. Мы принимаем во внимание этот взгляд, подчеркивающий важность личностно-ценностного компонента в эмоциональных реакциях, что особенно актуально при изучении влияния культурных и социальных факторов на эмоции.

Д. Майерс оценивает эмоцию как «реакцию организма, включающую физиологическое возбуждение, экспрессивное поведение и сознательный опыт» [Майерс: 2001, с. 532], выделяя тем самым триединую природу эмоционального процесса.

Интересное определение эмоций дает В.К. Вилюнас в работе «Психология эмоциональных явлений». Он утверждает, что эмоции представляют собой «единство специфического субъективного переживания и некоторого отображаемого содержания». Данная дефиниция описывает двойственную природу эмоций: субъективное и объективное, внутреннее и внешнее [Вилюнас:

1976]. Мы соглашаемся с такой позицией, поскольку она отражает сложность эмоциональных процессов и помогает исследователям учитывать их разнообразные проявления.

На основании приведенных выше толкований можно заключить, что эмоции представляют собой сложные психические процессы, отражающие субъективные переживания по поводу различных предметов и явлений в пространственно-временном континууме. Они способны оказывать влияние на функциональное состояние различных психических механизмов и проявляются через телесные изменения – в нервно-мышечной активности, дыхании, сердечно-сосудистой и гормональной системах.

Каждое из рассмотренных суждений акцентирует внимание на определенном аспекте эмоционального феномена. Нам представляется, что понимание эмоций требует синтеза этих взглядов и учета как биологических, так и психологических и социально-культурных факторов, что особенно важно при изучении эмоциональной сферы в междисциплинарном контексте.

Эмоции рассматриваются как сложные психические процессы, которые являются результатом деятельности головного мозга. Они формируются за счет изменений, происходящих во внешней среде, и могут влиять на уровень жизнедеятельности человека, пробуждая одни потребности и ослабляя другие, а также вызывая различные физиологические перестройки в организме.

В языке и науке существует множество теорий эмоций, отражающих разнообразие подходов к их изучению. Они делятся на три основные группы: **физиологические, когнитивные и интегративные теории.**

1. Физиологические теории исследуют эмоции как следствие телесных и нейрофизиологических реакций организма на внешние стимулы. К основным физиологическим теориям относятся:

- **Теория Джемса-Ланге.** Согласно этой теории, эмоции возникают в результате физиологических изменений в организме (дрожь, учащенное сердцебиение, потоотделение и т.д.). Человек сначала телесно реагирует на внешний стимул, а затем осознает эту реакцию как определенную эмоцию.

Например, мы плачем, потому что опечалены; дрожим, потому что боимся и т.д. [James: 1884, с. 188-205; Lange:1885].

Несмотря на критику, данная теория подчеркивает важную роль вегетативных, висцеральных реакций в формировании эмоциональных состояний.

- **Таламическая теория эмоций Кеннона-Барда.** У. Кеннон и П. Бард предложили концепцию, в соответствии с которой эмоциональные реакции возникают в результате активации подкорковых структур мозга, прежде всего таламуса. Именно таламус играет ключевую роль в формировании эмоций, так как только его возбуждение придает эмоциональную окраску деятельности коры головного мозга и инициирует соответствующие поведенческие и физиологические реакции [Cannon: 1927, с. 106-124].

- **Биологическая теория эмоций П.К. Анохина.** В рамках этой теории эмоции представляют собой физиологические состояния организма с выраженной субъективной окраской, сопровождающие все виды чувств и переживаний человека. Эмоции рассматриваются как часть приспособительного акта.

Суть биологической теории заключается в следующем: «положительные» эмоции возникают тогда, когда результат действия совпадает с его внутренней моделью – **акцептором действия** [Анохин: 1975].

Теория Дж.У. Папеса. По модели Папеса эмоции возникают в результате взаимодействия ряда структур лимбической системы мозга – гиппокампа, таламуса, гипоталамуса, поясной извилины и др. Эта сеть обеспечивает переработку сенсорной информации и придает ей эмоциональную окраску [Papez: 1937, с. 725-743].

2. Когнитивные теории

Теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, утверждает, что положительные эмоции возникают, когда реальные результаты деятельности соответствуют ожиданиям, а отрицательные – при их расхождении (когнитивный диссонанс). Состояние когнитивного диссонанса переживается как внутренний дискомфорт, побуждающий человека изменить свои ожидания, либо скорректировать действия, чтобы добиться нужного результата.

Таким образом, эмоции выполняют регуляторную функцию, направляя поведение и мышление [Фестингер: 2000].

Когнитивная теория Т.С. Шехтера. Эмоции формируются не только под воздействием телесных изменений, но и зависят от оценки ситуации с учетом прошлого опыта и текущих потребностей человека. Эмоциональные переживания могут изменяться под влиянием словесных инструкций и дополнительной эмоциональной информации, способной скорректировать восприятие ситуации [Schachter, Singer: 1962, с. 379-399].

Информационная теория эмоций П.В. Симонова связывает эмоции с обработкой информации из окружающего мира. Обычно эмоция возникает в ответ на неожиданное событие, к которому человек не был готов и не успел собрать необходимую информацию для адекватной реакции [Симонов: 1981; Симонов: 1966].

3. Интегративные теории

Современные модели эмоций стремятся объединить физиологические и когнитивные компоненты. Так, **экзистенциальный подход** рассматривает эмоции как переживания, связанные с бытием и смыслом жизни. **Социально-информационные и прототипные теории** трактуют эмоции как формы оценки и адаптации, а **концепция дискретности эмоций** утверждает существование универсальных базовых эмоций, распознаваемых во всех культурах.

Каждая из описанных теорий внесла значительный вклад в понимание природы эмоций. Одни подчеркивают физиологические механизмы (Джемс-Ланге, Кеннон-Бард, Анохин), другие – когнитивную оценку (Фестингер, Шехтер, Симонов). Современные подходы в психологии и нейронауке склоняются к интегративным моделям, сочетающим телесные, нейрофизиологические и когнитивные компоненты в объяснении эмоциональных процессов.

1.2.2. Изучение эмоций в области лингвистики

Лингвистика эмоций берет свое начало в многолетней дискуссии большой группы лингвистов (М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сепир, ван Гиннекен, Г. Гийом, Ш. Балли и др.) о том, следует ли изучать эмоциональные компоненты языка. Суждения исследователей по данному вопросу разделились. Одни ученые (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом) полагали, что основным признаком в языке является когнитивная функция и исключали изучение эмоционального компонента из предмета лингвистики. Другая команда исследователей (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль) утверждала, что выражение эмоций играет ключевую роль в языке.

Актуальна позиция М. Бреаля, согласно которой речь изначально возникла не как средство описания или логического рассуждения, а как способ выражения желаний и предписаний, невозможных без эмоционального сопровождения. Сегодня большинство лингвистов признает наличие в языке как эмоционального, так и рационального компонентов. Принято считать, что стилистика высказывания во многом определяется эмоциональным выбором говорящего, особенно в контекстах бытовой и художественной коммуникации [Bréal: 1904].

Ш. Балли также интересовался природой эмоций в языке. Он утверждал, что чем более эмоционально нагружен знак, тем в меньшей степени он лингвистичен; и наоборот – чем больше он становится лингвистичным, тем больше эмоциональности он теряет [Балли: 2009].

Опережая западных коллег, российские ученые ещё в рамках системно-структурной парадигмы лингвистики начали обсуждение базовых положений лингвистической теории эмоции. Их идеи нашли отклик и в зарубежной науке. Так, в 1987 году Ф. Данеш в докладе «Язык и эмоции» обосновал тесную взаимосвязь когниции и эмоции, подчеркивая важность изучения эмоционального аспекта языка. Это способствовало активизации исследований как в России, так и за рубежом, посвященных языковому выражению и коммуникативным функциям эмоций [Danes: 1987, с. 272-291].

Сфера эмоций является одним из предметов анализа многих дисциплин, таких как психология, философия, лингвистика. В последние десятилетия наблюдается активное развитие междисциплинарного подхода к их изучению, в результате чего формируются новые научные направления, находящиеся на стыке лингвистики, кибернетики, биологии и математики.

На этом фоне формируется **эмотиология** – направление, находящееся на пересечении психологии и языкознания и получившее широкое признание среди лингвистов второй половины XX века. Особый вклад в становление и развитие эмотиологии внесли такие ученые, как И.В. Арнольд, Э.С. Азнаурова, Е.М. Галкина-Федорук, В.И. Шаховский, Л.Г. Бабенко, Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая. Их труды обозначили переход к антропоцентрической парадигме, в рамках которой человек рассматривается как носитель эмоций и языковых способностей [Ионова: 1998, с. 4].

Весомый вклад в становление и развитие лингвистики эмоций принадлежит Волгоградской научной школе, сформировавшейся в начале 90-х годов XX века под руководством В.И. Шаховского [РЛ: ННИШВ: 2012]. Уже в 1969 году он защитил первую диссертацию по данной теме, и с тех пор лингвистика эмоций стала центральным направлением его научной деятельности. Особое внимание исследователь уделял лексике эмоций, обозначив их значимость в языке [Шаховский: 1995, с. 3-15; Шаховский: 2013]. Он рассуждал, что наименования эмоций и другие лексические средства выражения эмоциональных состояний являются эмотивными средствами и должны включаться в понятие «эмотивность» как центральную категорию в лингвистике эмоций.

В рамках эмотиологии выделяются понятия «**эмоциональность**» и «**эмотивность**». Под эмоциональностью понимается психологическая характеристика человека, отражающая его способность переживать и выражать эмоции. В свою очередь эмотивность представляет собой лингвистическое понятие – свойство языковых средств, используемых для выражения эмоций в процессе речевой коммуникации. Таким образом, объектом изучения эмотиологии являются

не сами по себе эмоциональные состояния, а способы их языкового воплощения в речи.

В.И. Шаховский изучал эмотивность как семантический компонент слова, в котором объективируются ее мельчайшие смысловые элементы – **эмотивные семы** [Шаховский: 1990]. Эти семы участвуют в формировании значения слова, репрезентируя эмоциональное содержание. По мнению исследователя, сема эмотивности может занимать различные позиции в семной структуре слова – от главной категориально-лексической семы до зависимой дифференциальной, что определяет степень ее участия в смысловой организации лексической единицы [Шаховский: 1990].

Таким образом, эмотивная семантика формирует денотативный макрокомпонент значения, получая статус полноценного компонента лексической семантики. Это указывает на системную роль в структуре значения слова и подчеркивает необходимость их лингвистического анализа в рамках эмотиологии.

В эмотиологии выражение эмоций понимается как их непосредственное речевое проявление, осуществляемое с помощью специфических языковых единиц – **эмотивов**.

На фоне общего интереса лингвистики к проблемам когнитивности эмоции все чаще рассматриваются как особая форма когниции – способ отражения, осмысления и оценки окружающей действительности. В данном контексте особый интерес представляют исследования Е.М. Вольф, которая подробно рассматривала оценочные номинации и структурные особенности высказываний, содержащих оценку. Развивая ее идеи, В.Г. Гак акцентировал внимание на роли эмоций и оценочности в структуре высказываний и текстов.

Лингвистическая традиция демонстрирует два основных подхода к трактовке эмоциональности. Согласно первому, разрабатывавшемуся Ю.С. Степановым, В.Г. Адмони, В.К. Харченко, эмоциональность выступает неотъемлемым элементом семантической структуры слова. Второе направление, представленное В.А. Звегинцевым, А.И. Смирницким, Э. Сепиром, выводит эмоциональность за границы собственно языкового значения.

Отношения между категориями эмоциональности и экспрессивности понимались учеными по-разному. В работах В.К. Харченко, Е.М. Галкиной-Федорчук, Ю.М. Осиповой и их единомышленников проводится мысль о том, что эти понятия не должны смешиваться и требуют четкого разграничения. В частности, Е.М. Галкина-Федорук настаивает на том, что «эмоциональное состоит в одном ряду с интеллектуальным и волевым, и каждое находит свои способы выражения в языке. Экспрессивность может пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное, и волевое в их проявлении. Поэтому экспрессивность гораздо шире эмоциональности» [Галкина-Федорук: 1958, с. 107]. Вторая группа исследователей (А.И. Ефимов, А.А. Реформатский, В.А. Звегинцев и др.) считала, что эти понятия совпадают, а их различие не представляет принципиальной важности.

В контексте изучения эмотивности важно учитывать мнение Л.А. Калимуллиной и Ю.А. Сорокиной. С их точки зрения, признание лингвистами условного характера вербального выражения эмоций, которое часто лишь приблизительно передает их реальное проявление, вызвало потребность в разработке и введении новых терминов. В результате этого процесса был предложен термин «**эмотивность**» как отдельная лингвистическая категория [Калимуллина: 2006, с. 72].

Традиционно «эмотивность» рассматривается как присущее языку семантическое свойство, которое отражает эмоциональные аспекты психики через специальные языковые средства, закрепляющие как общественные, так и личностные переживания – эмоциональные состояния, – находящие выражение в процессе коммуникации. [Мокрова: 2008, с. 560].

Л. Блумфилд уверен, что «значения слов, обозначающих состояние говорящего, ощущаемое только самим говорящим, например: *sad* «печальный», *gay* «веселый», *glad* «радостный», *happy* «счастливый», можно было бы определить, только если бы мы обладали детальными сведениями о том, что происходит в теле живого человека» [Блумфилд: 1968, с. 310].

Л.А. Калимуллина полагает, что объективные факторы, главным из которых выступает затрудненный доступ к наблюдению за чувственной сферой, порождают нечеткость и условность границ языкового выражения эмоций, что, соответственно, усложняет процесс исследования этой сферы. [Калимуллина: 2006, с. 71].

1.3. Специфические особенности эмоциональной картины мира и основные направления их исследования в различных языках

Вопрос о природе эмоций и способах их выражения активно обсуждается как в лингвистике, так и в психологии. Эмоции рассматриваются как универсальные феномены, имеющие биологическую основу, однако способы их вербализации, интерпретации и проявления подвержены влиянию социокультурных факторов.

Н.А. Красавский подчеркивает двойственную природу эмоций: с одной стороны, они являются врожденными и генетически обусловленными феноменами, с другой – являются социально-регулируемыми, поскольку способы их выражения зависят от культурно-специфических норм, усваиваемых в процессе социализации [Красавский: 2011, с. 168].

В.Г. Гак в своей фундаментальной работе «Языковые преобразования» обращает внимание на универсальную природу эмоций, рассматривая их как часть естественного развития человеческой расы. По его мнению, биологическая природа эмоций делает их присущими всем культурам, что позволяет говорить об их универсальности [Гак: 1998, с. 645].

В рамках универсального подхода эмоции рассматриваются как врождённые, физиологически обусловленные и присущие всем культурам. Однако перечень так называемых базовых или фундаментальных эмоций варьируется в зависимости от исследователя.

Так, К. Отли выделяет пять основных эмоций: **anger** (гнев), **disgust** (отвращение), **anxiety** (беспокойство, тревога), **happiness** (счастье), **sadness** (грусть) [Oatley: 1987, с. 33-35].

В отличие от него К.Э. Изард расширяет список до десяти, добавляя в него **anger** (гнев), **contempt** (презрение), **disgust** (отвращение), **distress** (страдание), **fear** (страх), **guilt** (вина), **interest** (интерес), **joy** (удовольствие), **shame** (стыд), **surprise** (удивление) [Изард: 2003].

Е.С. Яковлева называет восемь основных эмоций, выделяя **acceptance** (одобрение), **anger** (гнев), **anticipation** (ожидания), **disgust** (отвращение), **joy** (удовольствие), **fear** (страх), **sadness** (сумм), **surprise** (удивление) [Яковлева: 1994, с. 256], а П. Экман, опираясь на межкультурные исследования, определяет шесть базовых эмоций: **anger** (гнев), **disgust** (отвращение), **fear** (страх), **joy** (удовольствие), **sadness** (сумм), **surprise** (удивление) [Экман: 2010, с. 45].

Согласно концепции А. Вежбицкой, разнообразие эмоций возможно классифицировать, опираясь на ограниченный набор врожденных и универсальных составляющих; основанием для такого деления служат три базовых критерия: 1) наличие эмоций, общих для всех культур (*радость, печаль*); 2) наличие специфических мимических проявлений (*отвращение, удивление*); 3) адаптивную функцию эмоций, связанную с выживанием (*страх, боль*) [Вежбицкая: 1997]. По ее мнению, эмоциональные концепты включают в себя «сценарии» – типичные ситуации, с помощью которых человек выражает чувства, воспроизводит эмоции и выстраивает отношения с окружающими. Такие концепты служат важным инструментом для понимания культурных различий [Вежбицкая: 1996, с. 343].

Таким образом, эмоции находят различное языковое выражение в зависимости от культурных сценариев. Это разнообразие отражается в научных подходах к изучению категории эмотивности. Выделим наиболее существенные.

Коммуникативный подход. С точки зрения коммуникативной лингвистики эмотивность трактуется как реализация особой языковой функции, служащей для репрезентации эмоций. Несмотря на общую направленность исследований, в научной литературе отмечается расхождение в терминологии и трактовке этой функции.

Так, К. Бюлер в «Теории языка» наряду с репрезентативной и аппеллятивной функциями выделяет **экспрессивную функцию**, обусловленную выражением внутреннего состояния говорящего [Бюлер: 1993, с. 34].

По мнению Р. Jakobsona, эмотивная и экспрессивная функции в значительной степени совпадают, однако первый термин является более точным, так как он направлен на выражение отношения говорящего к сказанному, в том числе и с эффектом подлинных или притворных эмоций [Jakobson: 1975].

В то же время ряд исследователей (В.А. Аврорин, Н.Д. Арутюнова, Л.А. Калимуллина) настаивают на дифференциации данных терминов. В их интерпретации, экспрессивная функция «связана с выражением мысли либо с выразительным эффектом языковых единиц» [Калимуллина: 2006, с. 71].

В числе значимых исследований можно выделить работу С.Э. Носковой, в которой понятие «эмотивности» определяется как «лингвистическая характеристика выражения эмоциональности личности с помощью малых форм, специально предназначенных для усиления эмоциогенности содержания» [Носкова: 2006, с. 25].

Психолингвистический подход. В этой парадигме изучение эмотивности опирается на ряд теорий, в центре внимания которых находятся языковые единицы, вызывающие у носителя языка эмоционально окрашенные ассоциации. Д.Н. Шмелев, в частности, указывает, что «субъективные ассоциации, связанные с какими-то словами, у отдельных носителей языка создают своего рода эмоциональный ореол вокруг слова, предопределяя его восприятие тем или иным носителем языка» [Шмелев: 2003, с. 107]. Данный тип восприятия, как он считает, зависит от «тех контекстов, в которых оно встретилось говорящему, роли обозначаемых словом предметов и событий в его жизни, случайных звуковых сближений и т.д.» [Шмелев: 2003, с. 107].

Таким образом, эмотивность приписывается языковым единицам, наделенным эмоционально-ассоциативным потенциалом. В обозначенный рамках особую значимость приобретает концепция А.А. Залевской, утверждающей, что при изучении лексики должно обязательно учитываться ее эмоционально-

оценочное окружение. Помимо этого, автор обращает внимание на то, способность слова «сохранять связь с разносторонними чувственными характеристиками» как бы оспаривает понимание смысловых единиц как отвлеченных категорий «начисто лишенных эмоциональных и оценочных нюансов», которые, как принято считать, порождаются исключительно контекстом, речевой ситуацией и пр. [Залевская: 1988, с. 8].

Дальнейшее развитие языкознания привело к возникновению теории потенциальной эмоциональности языковых единиц (труды Н.О. Золотовой, В.Н. Гридина и др.). В русле данной концепции утверждается, что каждое слово – предполагаемый носитель эмоциональной нагрузки. Это означает, что внимание исследователя переключается с собственно семантики языкового знака на вариативность его употребления в речи, диктуемой эмоциональным фоном субъекта. [Гридин: 1983, с. 115].

Когнитивный подход к эмотивности предполагает изучение эмоциональной концептосферы языка, где главный интерес представляют концепты базовых эмоций. В трудах М. Джонсона, И.С. Баженовой, Дж. Лакоффа, З. Ковечеша осмысление эмоций происходит на основе метафорических моделей, причем каждая эмоция, как указывают ученые, может иметь целый спектр метафорических воплощений. По З.Ю. Балакиной, «эмоции почти никогда не выражаются прямо, но всегда уподобляются чему-то. Поэтому наиболее адекватным описанием эмоции является описание через метафоры, в которых эти эмоции концептуализируются в языке» [Балакина: 2012]. Также ею разрабатывается методика, которая выдвигает на первый план ценностные и образные характеристики эмоциональных концептов, мотивируя это тем, что

«сам по себе феномен эмоций в силу его природы активно оязыковляется образно-оценочными номинациями, которые в свою очередь обуславливают ценностную составляющую концептов» [Балакина: 2006, с. 6].

В.Ю. Апресян отмечает, что анализ метафор способствует более глубокому пониманию сущностных основ эмоций с отсылкой к тому, что «в метафорах концептуализируется именно само чувство, а не ситуация его возникновения или

какие-то его другие внешние параметры», то есть характер восприятия и рефлексии той или иной эмоции индивидом [Апресян: 1994, с. 92].

В.И. Карасик, Н.А. Красавский, К. Луц, З.Ю. Балакина в своих исследованиях обращаются к анализу эмоциональных концептов и выявлению закономерностей их отражения в языке. В интерпретации Н.А. Красавского, «эмоциональный концепт» – это «ментальное образование, культурно и этнически обусловленное, имеющее лексическую и/или фразеологическую форму, включающее в себя не только понятийную, но и образную, ценностную составляющую». Предлагаемая трактовка подводит к тому, что ментальные образования складываются в конкретных этнокультурных общностях и хронологически привязаны к конкретной фазе их общественно-исторической эволюции [Красавский: 2008, с. 49].

К. Луц обосновывает необходимость изучения эмоциональных концептов через погружение в конкретную культуру, основываясь на реконструкции ситуаций эмоциональных переживаний с учетом системы оценок, формируемой как индивидуальным, так и коллективным сознанием [Lutz: 1988, с. 237-239].

В своих исследованиях А. Вежбицкая рассматривает эмоциональные концепты через призму прототипических ситуаций – типичных ситуаций возникновения определенных эмоций – с опорой на универсальные семантические примитивы. Рассуждая о необходимости включения подобных примитивов в лингвистический инструментарий, она выдвигает следующее положение: «Если мы хотим, чтобы нас понимали, если мы хотим уметь объяснять, что люди говорят и что при этом имеют в виду, то независимо от того, можем мы или нет найти понятия, которые были бы исчерпывающе ясными, по-настоящему простыми и подлинно универсальными, мы должны выявить множество слов, которые были бы максимально ясными, предельно простыми и в наивысшей степени универсальными» [Вежбицкая: 1993, с. 185-206].

А. Вежбицкая доказывает, что опора на прототипические сценарии и базовый перечень семантических примитивов выступает как способ минимизации субъективизма в анализе эмоций, тем самым углубляя знания о сущности

человеческих эмоций. В этой связи автор замечает, что «даже такие очевидные английские синонимы, как *sad* (печальный) и *unhappy* (несчастный), опираются на разные понятийные структуры» [Вежбицкая: 1996, с. 326].

Семантический подход. В границах этого подхода эмотивность предстает как часть семантики слова, непосредственно участвующая в выражении эмоций. Термин «эмотивный компонент значения слова», введенный В.И. Шаховским, фиксирует ту часть семантики, которая репрезентирует эмоциональное состояние говорящего или его оценку предмета обсуждения. [Шаховский: 1987].

Взаимосвязь эмотивности и оценочности оказывается в центре внимания Т.А. Графовой, В.Н. Телии и др. Последняя, в частности, выделяет «эмотивно-оценочную модальность» как важнейший коннотативный элемент, который надстраивается над денотативным содержанием через «ассоциативно-образный мотив» [Телия: 1986, с. 122].

Когнитивно-дискурсивный подход. Если в доминирующих подходах к эмотивности приоритет отдается лексическим единицам, то в работах таких авторов, как О.И. Хачапуридзе, Е.М. Вольф, Е.И. Шендельс, А.С. Илинская, В.А. Портянников, Е.А. Волгина и др., предлагается расширить исследовательскую перспективу. Ученые аргументируют необходимость учета грамматических (морфологических и синтаксических) и просодических средств (ритмико-интонационных) как полноправных репрезентантов эмоциональности.

В лингвистике сложилось множество подходов к пониманию эмоций и их языковой фиксации, что в итоге стимулировало разработку обобщающей концепции. Впервые задачу систематизации всего корпуса языковых средств, передающих эмоции, сформулировал Д.А. Романов. Введенное им понятие «языковая репрезентация эмоций» охватывает все возможные варианты обозначения, описания и проявления эмоциональных состояний. По его словам, «само понятие языковой репрезентации эмоций, по существу, не введено в лингвистику в качестве термина, конденсирующего наряду с лексикой все остальные, не менее важные для языка формы, способы и уровни отражения эмоций» [Романов: 2004, с. 3-4].

Д.А. Романов, разделяя точку зрения М.В. Всеволодовой, Т.В. Гоголиной и других исследователей, рассматривает репрезентацию эмоций как осуществляемую средствами различных языковых уровней – от просодических до словообразовательных. Анализируя закономерности данного процесса, он подчеркивает его **многоуровневость**, предполагающую взаимодействие всех языковых уровней при реализации эмоционального значения, а также их взаимное усиление [Романов: 2004, с. 41-43].

В качестве ключевого свойства эмоциональных проявлений Д.А. Романов называет комплексность, то есть эмоции в языке выражаются не единичными средствами, а через целостную систему форм. Художественные нарративы подтверждают, что все типы эмоциональных репрезентаций могут взаимодействовать, формируя многообразные сочетания [Романов: 2004, с. 41-43].

Эмоции, являясь универсальными по своей природе, находят различное языковое выражение в зависимости от культурных и когнитивных факторов. Современные подходы – от психолингвистического до когнитивно-дискурсивного – подчеркивают сложность и многослойность категории эмотивности. Языковая репрезентация эмоций охватывает все уровни языка: от лексики до просодии. Эмотивность проявляется комплексно, формируя богатую картину эмоциональной выразительности в различных культурах.

1.4. Методы и инструменты исследования эмоциональных концептов

Лексикографический метод (ЛГМ) апробирует идею «планомерной инвентаризации единиц языка посредством их лексикографирования» [Блинова: 2003, с. 150].

ЛГМ дает возможность классифицировать языковой материал и выявить его специфические характеристики с помощью различных приемов, включая картографирование, (словарное) дефинирование, лексикографическое описание, систему помет и другие инструменты. Важно понимать, что назначение метода не

исчерпывается систематизацией или классификацией языковых единиц по какому-либо выбранному признаку; метод обеспечивает возможность всестороннего анализа объектов лексикографирования, их особенностей и функционирования в языке, включая антонимические и синонимические отношения, фразеологию и другие компоненты лексической системы. О том, что ЛГМ сохраняет свою значимость, говорит органическое единство словарной практики и теоретической интерпретации изучаемого материала.

Понятие «лексикографический метод» было впервые введено в научный обиход О.И. Блиновой. Вследствие этого данный метод следует рассматривать как один из методов лингвистического анализа языка [Блинова: 1996, с. 14-24].

Лексикографическое анализ опирается на конкретный язык, его определенный ярус или совокупность языков, что обеспечивает конкретную языковую основу для анализа и описания. Универсальность лексикографического метода заключается в том, что он обладает широкой применимостью и может быть использован для изучения различных объектов, охватывающих разные языковые уровни – лексический, семантический, словообразовательный, морфологический, синтаксический и другие.

Метод корпусного анализа. По мере развития информационных технологий на сегодняшний день большая часть информации, которую мы ежедневно используем, содержится преимущественно в цифровом формате. Материалы из традиционных печатных изданий переносятся в цифровую среду, потому как такая форма организации данных не только обеспечивает их долговременное хранение, но и способствует работе с ней на совершенно другом уровне, а именно, анализу и обработке информации.

Центральную группу особенностей языкового корпуса, определяющих его научную ценность, составляет в том числе репрезентативность – способность отражать все характерные черты изучаемой языковой области и демонстрировать лингвистические явления в самых разных контекстах.

Интенсивное развитие корпусной лингвистики стало причиной кардинальных изменений в ряде лингвистических дисциплин, таких как

лексикография, теория и практика перевода, а также других направлений языковедения.

Лексикограф Д.М. Синклер определяет корпусную лингвистику как «изучение языка, включающее в себя все процессы, связанные с обработкой, использованием и анализом письменных или устных машиночитаемых корпусов текстов» [Sinclair: 1991, с. 10].

Возникновению корпусной лингвистики предшествовал длительный период использования корпусных методов, которые ранее носили иные наименования и не осмыслялись как отдельное научное направление. Данный период именуется «доцифровым», так как ранее все языковые данные фиксировались и хранились без применения электронных и автоматических технологий. Ранние формы корпусов были представлены, в основном, в форме религиозных текстов – прежде всего Библией и другими священными писаниями. Начиная с XVIII века, с активным развитием лексикографии, корпусные принципы стали также использоваться при составлении словарей [Калинина: 2018].

Метод корпусного анализа также проявляется при изучении лексического состава и грамматической структуры конкретного языка. Корпусные технологии предоставляют уникальную возможность проводить мониторинг неологизмов на предмет выявления и фиксации, анализировать специфику их функционирования в контексте, а также исследовать сочетаемость различных грамматических конструкций.

Одной из основных функций лингвистического корпуса является получение лингвостатистических данных о частоте употребления различных форм, слов и словосочетаний. Эта функция позволяет выявлять семантические различия между синонимами, определять типичные контексты их употребления, а также разграничить жанровые и стилистические особенности и оттенки значений лексических единиц. Результатом частотного анализа текста становится формирование точной статистики, которая служит надёжной основой для выдвижения и проверки научных гипотез в рамках корпусных исследований.

Под **компонентным анализом** понимается метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, направленный на «разложение значения на минимальные семантические составляющие – семы» [Кузнецов: 2000, с. 233]. Данный метод позволяет выявить структуру значения слова и установить отношения между его семантическими элементами.

Процедура компонентного анализа предполагает детальное изучение значимых единиц языка путем выделения в их значении отдельных компонентов, отражающих элементарные смысловые признаки. Форма применения компонентного анализа зависит от общего понимания природы значения, цели использования этого метода и представления о необходимости соединения его с другими лингвистическими методами [Селиверстова: 2002, с. 6].

Стоит отметить, что метод компонентного анализа практически не применяется в «чистом» виде. На практике он обычно сочетается с описательным, сопоставительным и статистическим методами, что обеспечивает более комплексное рассмотрение исследуемого материала.

Сравнительно-сопоставительный (сопоставительный) метод в лингвистике понимается как исследование и описание одного языка через его сравнение с другим языком с целью выявления сходств и различий между их системами и установления специфических особенностей каждого из них.

Идея сопоставительного изучения языков берет начало в трудах Ф. де Соссюра, в частности в его «Курсе общей лингвистики», где были заложены основы структурного подхода к языку [de Saussure: 1916]. Эти положения получили свое развитие в исследованиях Ш. Балли, особенно в его работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка», которая положила начало формированию сопоставительного направления в лингвистике. По мнению Балли, анализ двух языков позволяет определить «характерные черты, которые особенно легко позволяют выявить оригинальность каждого из них, и общий тип, который каждый из них представляет» [Балли: 2001, с. 38-39].

Особый интерес в области сопоставительного изучения языков представляют работы учеников Ш. Балли. Так, А. Мальблан и Б.Б. Поллак занимались

сопоставлением французского и немецкого языков [Malblanc: 1948], а Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне исследовали структурные и семантические различия между английским и французским языками [Vinay & Darbelnet: 1958]. У истоков типологического исследования в российском языкознании находятся труды Е.Д. Поливанова [Поливанов: 1953], Л.В. Щербы [Щерба: 1974], И.И. Мещанинова [Мещанинов: 1959]. Значительное развитие сопоставительно-типологические исследования получили в 1950 – 1960-е годы XX века. В это время появились фундаментальные работы, посвященные методике анализа как родственных, так и неродственных языков (Б.А. Серебрянников [Серебрянников: 1970], В.Н. Ярцева [Ярцева: 1969], А.В. Федоров [Федоров: 1973], М.М. Копыленко [Копыленко: 1998], В.Г. Гак [Гак: 1998] и др.).

Сопоставительный метод исследования языковых явлений ценен тем, что позволяет оперировать большим и разносторонним материалом, что способствует более глубокому анализу исследуемых явлений.

Типологический анализ языков проводится вне зависимости от их генетической близости и направлен на выявление общих и отличительных признаков структурных единиц и отношений между двумя или несколькими языками.

Метод классификации в лингвистике – один из основных методов научного анализа, направленный на систематизацию и упорядочение языковых явлений по определенным признакам и основаниям через распределение языковых единиц по классам, группам, типам и категориям в зависимости от их общих свойств и функций.

Тематическая классификация является начальным и важным этапом в изучении системной организации единиц лексического уровня. Классификация лексического материала по тематическим группам относится к наиболее распространенным приемам описания лексики. Тематический анализ является универсальным методом изучения лексики.

Теоретическому исследованию тематических групп лексики посвящено огромное количество работ. Среди них стоит упомянуть основополагающие труды

А.А. Реформатского [Реформатский: 1996], А.А. Уфимцевой [Уфимцева: 1986], Д.Н. Шмелева [Шмелев: 1973], Ф.П. Филина [Филин: 1982], В.В. Левицкого [Левицкий: 2004], М.М. Покровского [Покровский: 1959], В.В. Виноградова [Виноградов: 1972], Ю.С. Сорокина [Сорокин: 1974], М.А. Бородиной [Бородина: 1981], В.Г. Гака [Гак: 1977], В.В. Колесова [Колесов: 1980], Г.А. Абрамовой [Абрамова: 1999] и др.

Метод интроспекции (самонаблюдения) используется для анализа хода языковых процессов в сознании носителей языка. Данный метод предполагает сознательное направление внимания исследователя на свое собственное сознание и анализ личного восприятия того или иного языкового явления.

Идея интроспекции как осознанного самонаблюдения лингвиста восходит к трудам А.М. Пешковского [Пешковский: 1927] и Л.В. Щербы [Щерба: 1974]. В последствии этот метод был детально проанализирован Л. Талми [Talmy: 2007], который предложил классифицировать лингвистическую интроспекцию на основе трех критериев: специфика условий наблюдения, глубины осознания языковых явлений и меры доступности языковых объектов для самонаблюдения. По Талми, путь от возникновения научного интереса до его воплощения в теоретической концепции включает несколько этапов: эмпирическое наблюдение языковых фактов, интроспективный анализ собственных ощущений для формулирования гипотезы и экспериментальное подтверждение ее состоятельности с привлечением других индивидов-носителей языка.

Метод выявления структуры концепта. Известно, что концепт является сложной структурой и состоит из множества компонентов (концептуальных признаков), дифференцированно отраженных в сознании и различающихся по степени абстрактности. По мнению Ю.С. Степанова, структура концепта имеет «слоистое» строение, где каждый слой отражает культурные особенности разных исторических периодов. Анализ этих слоев позволяет выявить культурные и когнитивные контексты, формировавшие данный языковой элемент [Степанов: 1996, с. 45].

В широком понимании «**концепт**» может быть представлен как круг, в центре которого находится ключевое значение, или ядро лексемы, а в периферийную зону входят все значения, возникшие под влиянием культурного и исторического контекста, традиций, а также индивидуального и народного опыта, включая субъективные ассоциации и коннотации [Фрумкина: 1996, с. 55-67].

Основным методом исследования концептов является **метод концептуального анализа**, нацеленный на «выявление парадигмы культурно-значимых концептов и описание их концептосферы» [Палеева: 2010, с. 61]. Анализ научных трудов по данной проблеме позволяет обнаружить, что концептуальный анализ не являет собой строго определенный метод изучения концептов. Сами работы объединены некоторой относительно общей целью, а пути ее достижения могут быть самыми разнообразными.

В основе изучения концепта или концептуальной области лежит обращение к объективированным «следам» когнитивной, мыслительной деятельности. Сама процедура анализа напрямую связана с вариативностью исследовательских взглядов: как ученый понимает природу концепта? какой способ его структуриации он выбирает, если вообще соглашается с идеей структурирования. В научном сообществе не сложилось консенсуса по этому поводу. З.Д. Попова и И.А. Стернин «отказывают» концепту в четкой структурной оформленности [Попова, Стернин: 2007]. При этом для Н.К. Рябцевой концепт – это «смысловой инвариант» со «строгой структурой» [Рябцева: 2005].

Методология концептуального анализа предполагает опору на два типа данных: полученных экспериментальным путем и извлеченных из лексикографических источников. Обращение к словарным данным выступает обязательной частью анализа языкового материала, поскольку именно словари служат основой для первичного ознакомления с изучаемой реальией и репертуаром языковых единиц, используемых для ее номинации и описания [Палеева: 2008].

Выводы по первой главе

В данной главе рассматривается вопрос о понимании и изучении природы языка не только как системы разноуровневых единиц, но и как объекта, связанного с историей, культурой, традициями и духом народа. Также затрагивается вопрос о соотношении человека с языком и культурой. Освещается процесс эволюции лингвоконцептологии как научного направления, в рамках которого приоритетным становится анализ концептов в структуре национального языкового сознания. Отдельно рассматривается специфика эмоциональных концептов как особый вид ментальных образований, тесно связанных с эмоционально-чувственным опытом индивида и общества.

Описывается становление лингвоконцептологии как самостоятельного научного направления, ориентированного на изучении концептов в культурно-языковом сознании. В данной перспективе раскрываются способы проявления и передачи элементов национального мировоззрения через язык, а также особенности формирования ментальных категорий носителей языка. Благодаря исследованиям о связи между языком и мышлением, восходящим к трудам Б.Л. Уорфа, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также Н.Ф. Алефиренко, В.И. Тхорика, В.И. Карасика и С.Г. Воркачева, лингвоконцептология продолжает развиваться, углубляя понимание механизмов концептуализации мира и культурной обусловленности языковых категорий.

Подчеркивается междисциплинарный характер изучения эмоций, основанный на исследованиях в области психологии, физиологии и лингвистики. В контексте изучения эмоций в сфере психологической науки традиционно затрагивается вопрос об их значении в жизни человека, происхождении, формах проявления и классификациях. Исследователи (У. Джеймс и К. Ланге, У. Кеннон и Ф. Бард, П.К. Анохин, Дж.У. Папес, Л. Фестингер, Т.С. Шехтер, П.В. Симонов) отмечают многообразие подходов к пониманию эмоций – от биологического и нейрофизиологического до социокогнитивного, что позволяет получить

комплексное представление об их роли в регулировании поведенческих паттернов и перцептивных механизмов.

Изучение эмоций в лингвистике сформировалось в процессе многолетней дискуссии западных (М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сепир, ван Гиннекен, Г. Гийом, Ш. Балли и др.) и российских (В.И. Шаховский, И.В. Арнольд, Э.С. Азнаурова, Е.М. Галкина-Федорук, Л.Г. Бабенко, Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая) ученых о том, должна ли лингвистика изучать эмоциональные составляющие в языке. Западные ученые разделились во мнениях: одна группа ученых (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом) исходила из того, что язык выполняет прежде всего познавательную функцию, а изучение эмоций не входит в задачи лингвистических изысканий. Другая команда исследователей (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль) утверждала, что выражение эмоций играет ключевую роль в языке.

Исследования и рассуждения российских ученых о базовых положениях лингвистической теории эмоций позволили сформировать новое научное направление, возникшее на пересечении психологии и языкознания – эмотиологии – и получившее широкое признание среди лингвистов второй половины XX века.

Особое внимание уделено становлению когнитивной лингвистики как раздела теоретической и прикладной лингвистики, в частности с обзором развития зарубежной (Ч.Дж. Филмор, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, М. Райс и Л. Талми), российской (В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, А.А. Уфимцева, Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, В.З. Демьянков, Н.Д. Арутюнова) и отечественной (Д.М. Искандарова, М.Б. Давлатмирова, Н.И. Каримова, Х.Х. Курбонова, А.О. Пак, З.А. Гулова, Ф.С. Махмудова, Ф.Д. Азизов, М.Х. Шамбезода) школ когнитивной лингвистики, что дает прочную методологическую базу для дальнейшего исследования эмоциональных концептов в языковых картинах мира.

В работе представлены различные классификации эмоций (К. Отли, К.Э. Изард, Е.С. Яковлева, А. Вежбицкая), а также раскрывается их роль в формировании концептуальной картины мира. Подробно рассматриваются основные направления в исследовании проблемы интерпретации категории эмотивности: коммуникативный подход (К. Бюлер, Ш. Балли, Р. Якобсон, В.А.

Аврорин, Н.Д. Арутюнова, Л.А. Калимуллина, С.Э. Носкова), психолингвистический подход (Д.Н. Шмелев, А.А. Залевская, Н.О. Золотова, В.Н. Гридин), когнитивный подход (З.Ю. Балакина, В.Ю. Апресян, Н.А. Красавский, К. Луц, А. Вежбицкая), семантический подход (В.И. Шаховский, Т.А. Графова, В.Н. Телия), когнитивно-дискурсивный подход (А.С. Илинская, Е.М. Вольф, О.И. Хачапуридзе, В.А. Портянников, Е.И. Шендельс, Е.А. Волгина, Д.А. Романов).

ГЛАВА II. РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «ПЕЧАЛЬ» В ТАДЖИКСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Проблема взаимосвязи языка и мышления остается одной из ключевых в современной лингвистике. Особое внимание уделяется национально-культурной специфике языка, изучению которой посвящены работы представителей различных научных школ. Научное осмысление данной темы было положено В. фон Гумбольдтом в XIX веке, чьи идеи получили дальнейшее развитие в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации. Существенный вклад в исследование данной проблематики внесли Э. Сепир, Б. Уорф, А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова и другие. В их трудах подчеркивается, что язык не только отражает объективную реальность, но и активно участвует в её концептуализации, формируя способы восприятия и осмысления мира.

Лингвокультурология как междисциплинарная область сосредоточена на передаче внутреннего состояния человека и общества через язык. Одной из ключевых, но одновременно и наиболее сложных областей лингвокультурологического анализа является отображение человеческих эмоций в языковом сознании. Эмоции опосредуют процесс познания окружающего мира человеком через призму собственных чувств и переживаний.

На фоне растущего интереса к национально-культурной специфике языка в лингвистике активно развивается концепт **«языковая картина мира» (ЯКМ)**, формирование которой опирается на понимание того, что язык – не только средство коммуникации, но и способ моделирования действительности.

В лингвистике понятие «картина мира» сравнительно новое, однако идея о том, что язык выступает в качестве творческого описания мира через субъективное моделирование, была сформулирована В. фон Гумбольдтом в начале XIX в. Он отмечал, что язык отражает историю и культуру народа, являясь выражением его духа: «Язык есть его дух, и дух народа есть его язык» [Гумбольдт: 1984, с. 68].

Современная лингвистика трактует языковую картину мира как специфическую, зафиксированную в языке схему восприятия действительности, отражающую уникальный культурно-национальный опыт. Согласно определению П.А. Небольсиной, «языковая картина мира – это зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности» [Небольсина: 2005, с. 6].

О.И. Лыткина дополняет, что языковая картина мира представляет собой систему образов, взглядов и представлений народа, находящих свое отражение в языке через лексические, фразеологические и другие языковые средства [Лыткина: 2009, с. 6].

Отечественные философы и лингвисты настаивают на том, что **концептуальная картина мира** значительно шире и богаче, чем языковая картина мира. Она охватывает весь спектр представлений человека о мире. Языковая картина мира, как вербализованная часть концептуальной картины, отражает её через языковые формы и культурно обусловленные концепты [Кубрякова: 1988, с. 142].

Язык, традиции, природная среда, воспитание, образование и социальные факторы – все это в совокупности формирует картину мира. Концептуальная же картина мира, в свою очередь, служит репрезентантом уровня и специфики интеллектуальной деятельности и ментальных особенностей человека, а вербализованная ее часть именуется внутренним лексиконом [Кубрякова: 1999, с. 6-13].

Таким образом, для изучения способов вербализации концептов, в том числе эмоционально окрашенных, особую ценность представляет обращение к лексикографическим источникам, где культурно-языковые смыслы получают свою нормативную фиксацию. Лексикография позволяет выявить, какие значения, ассоциации и оттенки включаются в лексическое поле того или иного концепта, и как они отражают особенности национального языкового сознания.

Для лексикографической ситуации второй половины XX – начала XXI столетия характерно явление, получившее в научной литературе наименование

«лексикографическая вспышка» или **«словарный бум»**. В этот период лексикография занимает одно из центральных мест в современной лингвистике, отражая процессы, происходящие в развитии лингвистических наук [Козырев: 2014, с. 8]. Становление и пути развития лексикографии глубоко проработаны в научном наследии целого ряда российских лингвистов. В их числе – В.В. Морковкин, Л.Г. Бабенко, П.Н. Денисов, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян, В.А. Козырев, В.Д. Черняк, В.В. Дубичинский, О.И. Блинова и другие.

В современной лингвистике активно используются такие понятия, как **«прием лексикографического анализа»**, **«лексикографический метод»**, **«лексикографический аспект»**, **«лексикографическое исследование»**. В диссертационных исследованиях последних лет понятия «лексикографический аспект» и «лексикографическое исследование» зачастую употребляются как синонимы и сводятся к анализу через призмы их словарной фиксации. «Прием лексикографического анализа» квалифицируется как одна из форм «функционального анализа, предметом которой являются словари и их структурные единицы, главным образом – словарные статьи» [Жеребило: 2011, с. 4].

Анализ лексикографических источников позволяет исследовать не только систему значений лексем, но и специфику их культурно-языковой репрезентации. Так, общеязыковые значения лексемы **«Печаль»** включают «чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи»; «внешнее проявление этого чувства»; «то, что печалит; событие, обстоятельство и т.п.», «вызывающее чувство грусти и скорби»; «забота, беспокойство и то, что их вызывает» (разговорное).

2.1. Лексикографический анализ эмоционального концепта «Ғам» («Печаль») в таджикском языке

Опорной лексемой для анализа эмоционального концепта «Печаль» в таджикском языке послужило слово «Ғам», выбор которой обусловлен словарными данными, а сочетание методов лексикографического и корпусного анализа дало

возможность описать структуру этого концепта в рамках языковой картины мира представителей таджикской лингвокультуры. [Тагаева: 2023, с.281-288].

В «Толковом словаре таджикского языка» под редакцией С. Назарзода лексема «**Ғам**» определяется как: «дилгирифтагии сахт, ки аз алами дарунӣ пайдо мешавад, ғусса, андӯх, хафагӣ, хузн» [ФТЗТ. Ч. 1: 2008, с. 372] – («*сильное чувство грусти, тоски, печали, что зарождается в результате душевных страданий и переживаний*») [Тагаева: 2023, с. 317].

В словаре «**Фарҳанги нави тоҷикӣ-русӣ**» Я. Калонтарова лексема «**Ғам**» переводится как «*горе, печаль, скорбь*». Также приводятся устойчивые сочетания с использованием данной лексемы, отражающие различные аспекты переживания печали. Например, *ғаму ғурбат* («*печаль, огорчения, забота*»), *ғами зиндагӣ* («*жизненные заботы*»), *ғам хӯрдан* («*горевать, печалиться, грустить, заботиться, беспокоиться*») [Калонтаров: 2008, с. 93].

В «**Таджикско-русском словаре**» под редакцией Д. Саймиддинова лексема «**Ғам**» переводится как «*печаль, грусть, скорбь, горе*» [ФТБР: 2006, с. 150].

Согласно данным «**Словаря таджикского языка (X – начало XX века)**» (под редакцией М.Ш. Шукурова) семантика концепта «**Ғам**» репрезентируется с помощью следующих синонимов: *ғусса* («*печаль, грусть, тоска, скорбь*»), *андӯх* («*горе, печаль, грусть, тоска*»), *хафагӣ* («*грусть, печаль, хандра, огорчение, обида, досада*») [ФЗТ. Ч. 2: 1969, с. 645].

Системообразующим элементом семантического поля концепта «Печаль» в таджикском языке является ряд однокоренных единиц (корень «**Ғам**»), каждая из которых способна передать всю гамму эмоциональных оттенков – от легкой грусти до глубокой печали: *ғамгин* («*печаль, грусть, огорчение; опечаленный, грустный*»); *ғамангез / ғамбор* («*печальный, грустный, тоскливый; унылый*»); *ғамӣ* («*печаль, грусть, огорчение*»); *ғамзада / ғамдор* («*опечаленный, огорченный; убитый горем*»); *ғамнок* («*горестный, печальный, грустный*»); *ғамин* («*печальный, грустный, огорченный*»); *ғамгинӣ* («*опечаленность, грусть; тоска, уныние*»); *ғамгинона* («*печально, грустно, тосливо*»); *ғамхона* («*печаль, грусть, огорчение, горесть*»); *ғамолуд / ғамолуда* («*опечаленный, грустный, печальный*»);

гамбемор («страдающий от горя и переживаний, болезнь, возникающая от большого горя»); **гамдида** («испытывший горечь, огорчение; опечаленный, удрученный»); **гамовар** («вызывающий грусть; печаль; навевающий тоску; причиняющий огорчения»); **гамнокӣ** («опечаленность, огорченность; грусть, тоска, уныние»); **гамзадагӣ** («опечаленный, огорченный; убитый горем»); **гамсаро / гамкада** («обитель скорби»); **гамафзо** («усиливающий скорбь, печаль»).

Кроме того, в таджикском языке широко используются следующие лексемы-синонимы, передающие оттенки печали, горя, тоски, огорчения и связанных с ними чувств: **азоб** («мучение, терзание, страдание, пытка»); **алам** («горе, печаль, страдание, боль»); **андӯх** («горе, печаль, грусть, тоска, уныние»); **ҳасрат** («печаль, скорбь, тоска, кручина»); **азият** («страдание, мука, мучение, беспокойство»); **гусса** («печаль, грусть, тоска, скорбь»); **озор** («обида, огорчение, притеснение, страдание, мука, мучение, боль»); **таассуф** («сожаление, жалость»); **маҳзун** («печальный, опечаленный, грустный, огорченный»); **ноумед / ноумедӣ** («потерявший надежду, упавший духом, отчаявшийся»); **ҳузн** («печаль, грусть, тоска, скорбь»); **ҳазин** («печальный, грустный, унылый, жалобный»); **андӯҳгин** («печальный, грустный, унылый, пригорюнившийся, печаль, тоска, уныние, горе»); **рӯҳафтода** («упавший духом, подавленный, в плохом настроении»); **рӯҳафтодагӣ** («упадочничество, упадочное настроение, подавленность, угнетенность, пессимизм»); **ҳузнавар** («вызывающий печаль, наводящий тоску, печальный, тоскливый жалобный»); **аламзада** («убитый горем, грустный, несчастный»); **дилтангӣ** («уныние, удрученность, грусть, печаль, тоска, скука, нетерпение, беспокойство, тревога»); **пуралам** («очень печальный, полный страданий»); **пуразоб** («мучительный, причиняющий мучения и боль»); **таассуфовар** («досадный, вызывающий сожаление, печальный, прискорбный»); **мусибатзада** («испытывший несчастье, бедствие, горе, пострадавший, несчастный»); **аламнок** («горестный, печальный, жалобный, мучительный, болезненный»); **маҳзунӣ** («печаль, грусть, тоска, уныние»); **хафа** («грустный, печальный, удрученный, огорченный, обидевшийся»); **зиқ** («печальный, грустный, опечаленный»); **афсурдархотир** («опечаленный, печальный, грустный»);

ҳасратнок («печаль, скорбь, тоска, кручина, переживающий печаль, скорбь, огорченный»); *андӯҳгинӣ* («печальный, грустный, унылый, пригорюнившийся»); *дилтангкунанда* («огорчение, обида, расстроенный, огорченный»); *димоғсӯхтагӣ* («расстроенный, огорченный, обиженный, огорчение, обида»); *хафагӣ* («грусть, печаль, хандра, огорчение, обида, досада»).

Эмоциональная лексема «Ғам» в современном таджикском языке определяется как *غم* дилгирифтагии сахт, ки аз алами дарунӣ пайдо мешавад, ғусса, андӯх, хафагӣ, ҳузн: **ғаму алам, ғаму андӯх, ғаму кулфат, ғаму ғусса; бори ғам** вазнинии андӯх: **ғам додан** андӯҳгин кардан; **ғам доштан** андӯҳгин будан; **ғам хӯрдан** андӯҳгин шудан, ғамгин гаштан; оқибати чизеро фикр карда хафа (зиқ) шудан; **дар ғам афтодан** андӯҳгин шудан, ғуссадор шудан; **дар ғами касе афтодан** дар фикри касе шудан; ба ғамхории касе банд шудан [ФТЗТ. Ҷ. 1: 2008, с. 372].

Семантика слова раскрывается через русские эквиваленты «печаль, тоска, скорбь, горе, обида». Характерный пример – выражение *ғами зиндагӣ* (жизненные невзгоды) фиксирует состояние глубокого душевного, нравственного страдания, спровоцированного несчастьем, неудачей и превратностями судьбы. Устойчивое сочетание *ғаму ғусса* «печаль, скорбь» в таджикском языке несет в себе значение глубокой крайней печали и горести. Устойчивое выражение *ғамашро набинам* «пусть ему, у него (нее) не будет горя», «я желаю ему (ей) только добра» в языке толкуется как искреннее пожелание человеку всего хорошего в его делах, отношениях, а также успешных свершений в его планах и мечтах. Сочетание *ғам додан* «опечалить, вызвать тоску и печаль»; «беспокоить, причинить хлопоты, беспокойство» в таджикском языке имеет значение «погрузить в печаль, вызвать в ком-нибудь печальное настроение», «опечалить кого-либо неприятной вестью». Также устойчивое сочетание *ғам хӯрдан* «переживать, грустить, горевать» в современном таджикском языке имеет значение «тяжело переживать какое-нибудь несчастье, испытывать глубокую скорбь, тосковать».

Толковый словарь таджикского языка дает нам следующее определение для эмоциональной лексемы «Ғамгин»: *غمگين* андӯҳгин, ғамнок, ғамдида, маҳзун; **ғамгин кардан (намудан)** андӯҳгин кардан, ба ғаму андӯх гирифтор кардан

(касери); **ғамгин шудан** андӯҳгин гаштан («*печальный, грустный, огорченный*») [ФТЗТ. Ч. 1: 2008, с. 373]. Например, **ғамгин кардан** «*печалить, огорчать*» отражается в языке как причинение душевной боли, печали и расстройства кому-либо. Выражение **ғамгин шудан** «*печалиться, впадать в уныние, грустить, тосковать*», напротив, в таджикском языке означает личное мрачное подавленное состояние, упадок духа.

Лексема «**Ғамангез**» в таджикском языке дает определение غمانگيز ғамовар, андӯховар, хузнавар; аламовар: **воқеаи ғамангез, оҳанги ғамангез, суруди ғамангез** («*причиняющий горе, печальный, вызывающий боль и горе, наводящий грусть и тоску*») [ФТЗТ. Ч. 1: 2008, с. 43]. Например, в сочетании **воқеаи ғамангез** «*печальное событие*» в таджикском языке отражает то, что произошло что-либо неприятное, то, что впоследствии вызывает негативные чувства и переживания. Выражение **оҳанги ғамангез** «*грустный тон*», «*грустная мелодия*» в таджикском языке определяется как производимый человеческим голосом или музыкальным инструментом звук определенной высоты. Сочетание **суруди ғамангез** «*печальная песня*» в языке определяется как музыкальная композиция, при прослушивании которой человек может испытывать чувство печали или тоски. Выражение **нигоҳи ғамангез** «*тоскливый взгляд*» в таджикском языке отражает грустное выражение, связанное с глубокой душевной болью и отражающееся на лице человека. Выражение **тасодуфи ғамангез** «*прискорбный, печальный случай*» в таджикском языке выражает событие, которое повлекло за собой негативные последствия. Также употребляется в значении: **ҳодисаи ғамангез** «*печальное событие*», «*печальный случай*».

Лексема «**Ғамзада**» в таджикском языке имеет значение غمزده он ки ғаму андӯх ўро афгор кардааст, ғамдида, андӯхдида; **дили ғамзада** дили ғамгин («*тот, кого охватило горе, опечаленный*») [ФТЗТ. Ч. 2: 2008, с. 499]. Например, выражение **дили ғамзада** «*опечаленное сердце*», «*разбитое сердце*» отражает сильное внутреннее душевное страдание, душа, измученная страданиями.

Лексема «**Ғамнок**» в таджикском языке имеет значение غمناک 1. **ниг. ғамгин**. 2. ғамовар, хузнангез: **ҳикояҳои ғамнок** («*печальный, огорченный; причиняющий*

горе, навевающий тоску; вызывающий печаль»). Например, *ҳикояҳои ғамнок* «печальные рассказы», «печальные истории» описывают сюжеты с безрадостным исходом или элигическим настроением. Лексема «**Ғамгинӣ**» *غمگينى* андӯхгинӣ, ғамнокӣ, хафагӣ, маҳзунӣ («печаль, тоска, скорбь, хандра, обида, досада») [ФТЗТ. Ҷ. 2: 2008, с. 499].

Лексема «**Ғамин**» в таджикском языке определяется как *غمين* андӯхгин, ғамнок, ғамдида, маҳзун («печальный, грустный; объятый горем; переживающий горе, испытавший много горя») [ФТЗТ. Ҷ. 2: 2008, с. 499].

Эмоциональная лексема «**Ғамбода**» определяется как *بادهغم* беморие, ки аз бисёр ғаму ғусса хӯрдан пайдо мешавад («болезнь, вызванная в результате сильных переживаний или из-за большого горя») [ФТЗТ. Ҷ. 2: 2008, с. 499].

Эмоция печали в таджикском языке также выражается синонимами, которые передают более глубокие и тяжелые проявления душевных страданий.

Анализ показал, что синонимическое поле концепта «Ғам» включает как отдельные лексемы, так и устойчивые словосочетания, призванные передавать разные грани эмоционального переживания, связанного с печалью. Опираясь на Национальный корпус таджикского языка и лексикографические труды, мы выявляем семантическую структуру концепта и особенности его языкового выражения. За основу берутся слово-идентификатор, обозначающее эмоцию печали; именно вокруг него группируются синонимические ряды, где доминантные лексемы характеризуются наиболее широким концептуальным содержанием, общим для всех элементов ряда. Через эту призму контекстуальный анализ лексем-репрезентантов концепта «Ғам» позволил определить частотность их появления в текстах и рассмотреть варианты их толкования в словарях и художественной литературе. При этом НКТЯ дает возможность скорректировать состав синонимов, объективно отражающих содержание концепта, что кратко подтверждает эффективность и перспективность корпусного подхода для повышения достоверности научных результатов. [Тагаева: 2024, с. 276-286].

Лексема «**Азоб**» – *عذاب* озор, дард, ранч, машаққат, укубат [ФТЗТ. Ҷ. 1: 2008, с. 43] («мучение, терзание, страдание, пытка») [Тагаева: 2024, с. 278]. В

эмоциональном контексте данная лексема используется для обозначения глубокой душевной боли и внутреннего страдания, возникающего в результате тяжелых переживаний. Например, *азоби рӯҳӣ* «душевное страдание» транслирует эмоциональный дискомфорт и внутренние переживания человека; *азоби ҳичрон* «тяжесть разлуки» – «тяжелое переживание, которое приносит много душевной боли и страданий»; *азоб додан (ба азоб монондан) касеро* «мучить, терзать кого-л.» – «причинять физические или нравственные страдания кому-л.»; *азоб кашидан (дидан)* «страдать, мучиться» – как «испытывать муки, физическую или нравственную боль, страдания; мучиться»; *дар азоб мондан* – «мучиться, страдать» [Тагаева: 2024, с. 278].

Лексема арабского происхождения «Алам» находит широкое применение в обоих языковых пластах – и в современном таджикском, и в классическом таджикско-персидском. Согласно дефиниции, представленной в «Толковом словаре таджикского языка», данная лексема обладает следующей семантикой: *الام* дард, ранҷ, озор, ғусса; алам доштан ғамгину аламнок будан, аламзада будан; алам кардан гуфт. таъсир кардан; сахт муассир шудан (аз чизе) [ФТЗТ. Ҷ. 1: 2008, с. 43]. В русскоязычной лексикографической традиции это слово соотносится с понятиями *горе, печаль, страдание, мучение, боль, досада; глубокое чувство грусти, скорби, состояние сильной душевной горечи*. Так, сочетание *бо алам* употребляется для для передачи значений «с тоской» или «с болью». Фразеологизированная конструкция *алам кашидан (опечалиться)* репрезентует состояние интенсивной душевной боли и грусти, обусловленное определенными событиями или обстоятельствами жизни субъекта. отмечается также разветвленная словообразовательная парадигма, включающая такие дериваты, как *аламангез (вызывающий горе), аламдида (опечаленный), аламзада (несчастный, убитый горем), аламовар (вызывающий горе), аламнок (печальный)* [Тагаева: 2024, с. 280].

Согласно данным лексикографических источников, лексическая единица «Андӯх» в современном таджикском языке имеет следующую фиксацию: *اندوه* ғам, ғусса, ҳузн [ФТЗТ. Ҷ. 1: 2008, с. 43], что соответствует русским эквивалентам

печаль, тоска, уныние, горе. В речи данное слово реализуется в таких сочетаниях, как *андӯҳи рӯзгор* (горести жизни); *бори андӯҳ* (груз печали, тяжесть горя), посредством которых вербализуется тяжелое внутреннее состояние, спровоцированное бедой, несчастьем или неудачей. Фразеологический оборот *дар андӯҳ афтодан* (горевать, опечалиться; загрустить, прийти в уныние) передает гнетущее чувство, характеризующееся высокой степенью беспокойства и душевной тяжести. В этом же ряду находится выражение *андӯҳ хӯрдан* (печалиться). В паремиологическом фонде таджикского языка зафиксирована пословица «*Андӯҳи дили сӯхта дилсӯхта донад*», дословно интерпретируемая как «Тоску опечаленного сердца понимает только тот, у кого тоже опечаленное сердце». Деривационная активность лексемы проявляется в наличии следующих производных: *андӯҳгин* (печальный, грустный, тоскливый), *андӯҳгинӣ* (печаль, грусть, тоска, скорбь), *андӯҳгинона* (печально, горестно, грустно), *андӯҳовар* (печальный, вызывающий грусть) [Тагаева: 2024, с. 282].

Лексема «**Ҳасрат**» получает следующее лексикографическое описание: חסרת
1. афсӯс, дареғ, пушаймонӣ. 2. ғам, ғусса, андӯҳ; хасрат кардан дарди дил гуфтан; орзу ва хоҳиши дил баён кардан [ФТЗТ. Ҷ. 2: 2008, с. 499]. В русскоязычном лексикографическом дискурсе данная единица представлена как *печаль, скорбь, тоска*. В качестве иллюстративного материала может быть приведено словосочетание *ҳасрату надомат* (сожаление и раскаяние), описывающее проявление печали, которое сопровождается чувством беспомощности и отсутствием перспективы улучшения ситуации. Единица *ҳасрат кашидан (хӯрдан)* (печалиться, страдать, тосковать) объективирует состояние эмоционального дискомфорта, огорчения, грусти, вызванное определенными обстоятельствами. Словарный потенциал лексемы реализуется в следующих дериватах: *ҳасратомез* (вызывающий тоску, скорбь, печаль), *ҳасратангез* (вызывающий печаль, скорбь; вызывающий тоску), *ҳасратхӯр (ҳасраткаиш)* (тоскующий», скорбящий), *ҳасратманд* (переживающий печаль, скорбь; огорчённый) [Тагаева: 2024, с. 283].

Толковый словарь таджикского языка дефинирует лексему «**Ғусса**» как هغص
андӯҳи гулӯгир, ки зоҳир намекунанд; ғами ниҳонӣ: аз ғусса, ғаму ғусса; **ғусса**

хӯрдан сахт ғам хӯрдан, ғам дидан, андӯхгин гаштан; **дар ғусса афтодан** сахт ғамгин шудан; **ғаму ғусса боридан** аз афту андоми касе сахт ғамгин шудани касе; **аз банди ғаму ғусса озод шудан** аз ғаму андӯх раҳо ёфтан [ФТЗТ. Ҷ. 1: 2008, с. 43].

Русскими эквивалентами выступают: *печаль, тоска, грусть, горе, скорбь*. Типичными контекстуальными реализациями выступают выражения: *ғаму ғусса (тоска и печаль); (горе, тоска); ғусса хӯрдан (печалиться, грустить, огорчаться, горевать; скорбеть)*. Отмечается и обширное словообразовательное гнездо, включающее: *ғуссаманд (печальный, грустный, подавленный), ғуссаангез (ғуссаовар) (вызывающий тоску, печальный, тоскливый, скорбный), ғуссадорӣ (печаль, грусть), ғуссамарг шудан (умереть от горя, не вынести горя), ғуссадор (ғуссанок) (огорчённый, опечаленный; печальный, грустный)* [Тагаева: 2024, с. 284].

2.2. Лексикографический анализ эмоционального концепта «Sadness» («Печаль») в английском языке

Ключевым репрезентантом концепта «Печаль» в английском языке избрана лексема «**Sadness**» – ее выбор в качестве основной обусловлен данными лексикографических источников. Сочетание лексикографического и корпусного анализа дало возможность эксплицировать структуру данного концепта и выявить его лингвокультурологические характеристики в рамках английской языковой картины мира.

Основными репрезентантами концепта «Печаль» в английском языке являются следующие синонимы: **concern** (беспокойство, озабоченность, настороженность, опасение); **trouble** (1. беспокойство, волнение, тревога, 2. беда, злоключение, неприятность, горе); **pain** (1. боль 2. горе, огорчение, страдание); **worry** (беспокойство, тревога, волнение); **hurt** (обида, страдание, душевная боль); **suffering** (страдание, боль, мука); **upset** (огорчение, расстройство); **anxiety** (беспокойство, тревога, боязнь, страх) и многие другие.

Для более точного понимания концепта «**Sadness**» стоит обратиться к Толковому словарю английского языка Харпера Коллинза, который определяет это понятие как «**feeling unhappy because something has happened that you do not like**» (*чувствовать себя несчастным, так как произошло что-то, что вам не по душе*) или «**a sad event or situation that is regrettable or undesirable**» (*печальное событие или ситуация, которые являются прискорбными или нежелательными*) [Тагаева: 2023, с. 284].

Кроме основного значения, словарь также отмечает интересный культурный аспект восприятия слова **sad**: если мы описываем человека в состоянии печали, то это может также подразумевать неуважение, восприятие его действий и поведения как нелепых или жалких, особенно в разговорной или ироничной речи. Таким образом, в современном английском языке слово **sad** может нести не только эмоционально-нейтральное, но и оценочное, негативно окрашенное значение [Collins: 2018, с. 4755].

В словаре Лонгмана «**Longman Collocations Dictionary and Thesaurus**» передано толкование, а также рассмотрены разнообразные варианты использования эмоционального концепта «**Sadness**» в современном английском языке. Эмоциональный концепт «**Sadness**» имеет толкование «**not happy, especially because something unpleasant has happened**» [Longman: 2013, с. 1896-1900] (*«не рад, особенно потому, что произошло что-то неприятное»*).

Кроме определения, словарь также акцентирует внимание на различных коллокациях и контекстах употребления с использованием данной лексики. Так, сочетание **feel sad** («грустить», «унывать») и **look sad** («выглядеть грустным», «выглядеть расстроенным») в английском языке передают внутренние и внешние проявления грусти и печали. Например: «*I feel sad that she's not here anymore*». – «*Мне грустно, что ее здесь больше нет*». / «*You look sad. What's the matter?*» – «*Ты выглядишь расстроенным. В чем дело?*» [Тагаева: 2023, с. 285]

Аналогично, сочетания **seem sad** («казаться грустным») и **make sb. sad** («опечалить», «расстроить») в современном английском языке подчеркивают восприятие и причинение печали. Например: «*She always seems so sad*». – «*Она*

всегда *кажется* такой *грустной*». / «*It makes me sad to think that he can't be here with us*». – «*Мне грустно думать, что он не может быть здесь, с нами*» [Тагаева: 2023, с. 285].

Также встречаются описания печали через физические признаки – *a sad look* («печальный взгляд»), *a sad face* («печальное лицо»), *sad eyes* («печальные глаза»), что передает визуальное восприятие эмоции. Например: «*There was a sad look in her eyes*». – «*В ее глазах была печаль*». / «*Why the sad face?*» – «*Почему у тебя такое грустное лицо?*» / «*He was smiling, but his eyes were sad*». – «*Он улыбался, но глаза его были печальны*».

Более эмоциональные оттенки выражают такие устойчивые сочетания, как *a sad smile* («печальная улыбка») и *a sad voice* («печальный голос»). Например: «*She gave a slight sad smile*». – «*Это вызвало у нее грустную улыбку*». / «*"I'm always alone on Christmas Day," he said in a sad voice*». – «*"Я всегда один на Рождество", – сказал он печальным голосом*».

Чувство печали может проявляться в конкретных ситуациях и событиях, что отражается в выражениях: *a sad day* («печальный день»), *a sad time* («печальные времена», «тяжелые времена», «неспокойные времена»), *a sad moment* («печальный момент»), *a sad occasion* («печальное событие»). Эти сочетания выражают в английском языке временные или событийные контексты, отмеченные печальными событиями и человеческими переживаниями. Например: «*This is the saddest day of my life*». – «*Это самый печальный день в моей жизни*». / «*When my parents divorced, it was a very sad time for the whole family*». – «*Когда мои родители развелись, это было очень беспокойное время для всей семьи*». / «*The saddest moment was when my mother started crying*». – «*Самый печальный момент был тогда, когда моя мама начала плакать*». / «*Henry's funeral was a very sad occasion*». – «*Похороны Генри были очень печальным событием*».

Устойчивое выражение *a sad life* («тяжелая жизнь») в английском языке отражает существование, подавляющей своей частью состоящее из проблем, неудач, трудностей и лишений. Например: «*She married a horrible man, and had a*

*very **sad life***». – «Она вышла замуж за ужасного человека, и у нее была очень **тяжелая жизнь**».

Выражение *a **sad story*** («печальная история») передает семантику истории без счастливого конца. Например: «He listened to her **sad story** about her awful life». – «Он выслушал ее **печальный рассказ** о ее ужасной жизни» [Тагаева: 2023, с. 285].

Выражение *a **sad song*** («грустная песня») определяется как песня, текст которой вызывает сильные негативные чувства. Например: «That was a **sad song** for a wedding». – «Это была **грустная песня** для свадьбы».

Выражение *a **sad film*** («грустный фильм») определяется как кинокартина, рассказывающая о каких-либо печальных событиях или содержащая в себе печальный конец. Например: «**Sad films** made her cry». – «**Грустные фильмы** заставляли ее плакать».

Сочетание *a **sad ending*** («печальный конец») используется в описании события, которое заканчивается плачевно. Например: «The book has a very **sad ending**». – «У книги очень **печальный конец**».

Печаль также может выражаться через сообщение и восприятие информации: *sad news* («печальные новости»), *a **sad case*** («печальный случай», «ужасный случай»), *a **sad loss*** («ужасная потеря», «тяжелая утрата»). Они отражают события, которые повлекли за собой печальные известия. Например: «I have some **sad news** to tell you». – «Я хочу сообщить вам некоторые **печальные новости**». / «It was a **sad case** – the boy ended up in prison». – «Это был **печальный случай** – мальчик попал в тюрьму». / «Mr. Hay will be a **sad loss** to the English department». – «Уход мистера Хэя станет **страшной потерей** для кафедры английского языка».

Выражение *sad memories* («грустные воспоминания») в английском языке имеет определение того момента в жизни или тех образов из прошлого, которые возникают в мыслях и вызывают чувство печали. Например: «It brought back some **sad memories**». – «Это навяло кое-какие **грустные воспоминания**».

Устойчивое выражение *a **sad sight*** («печальное зрелище») определяется в языке как сцена из жизни, которая вызывает чувство печали. Например: «All these

*empty seats are a **sad sight***. – «Все эти пустые места представляют собой **печальное зрелище**».

Отдельно отмечаются устойчивые выражения, отражающие субъективное восприятие и степень интенсивности печали. Устойчивое сочетание **the sad truth** («печальная правда», «горькая правда») в современном английском языке имеет значение той правды, которую не хотелось бы услышать. Например: «*The **sad truth** is that this was not an isolated incident*». – «**Горькая правда** заключается в том, что это не был единичный случай» [Тагаева: 2023, с. 285].

Выражения **desperately sad** («очень опечален», «очень расстроен») и **deeply sad** («быть глубоко опечаленным», «быть глубоко расстроенным») в английском языке несет значение сильного чувства печали. Например: «*Emma was **desperately sad** when her father died*». – «Эмма была **очень опечалена**, когда умер ее отец». / «*I feel **deeply sad** for the families who have been affected by the disaster*». – «Я **глубоко сочувствую** семьям, пострадавшим в результате этого стихийного бедствия» [Тагаева: 2023, с. 286].

Выражение **strangely sad** («странная грусть», «некоторая грусть») в английском языке выражает неожиданное и непонятное ощущение грусти. Например: «*I'd won the argument, but felt **strangely sad***». – «Я выиграл спор, но чувствовал **некоторую грусть**».

Выражение **unbearably sad** («невыносимо грустно») в английском языке выражает сильное душевное томление, душевную тревогу в сочетании с грустью и тоской. Например: «*That is such an **unbearably sad** story*». – «Это такая **невыносимо печальная история**».

Устойчивое выражение **sad about smth.** («грустить от чего-либо») отражает испытание чувства грусти и тоски из-за неизбежного. Например: «*Tom felt **sad about leaving home***». – «Тому было **грустно расставаться с домом**».

Устойчивое выражение **sad for sb.** («грустно за что-либо») в английском языке транслирует семантику переживания из-за кого или чего-либо. Например: «*I feel **sad for the children***». – «Мне **грустно за этих детей**».

Устойчивое выражение **sadder but wiser** («печальнее, но мудрее») используется для обозначения чувства печали, исходя из личного опыта в отношениях. Например: «*He came out of the relationship **sadder but wiser***». – «Он вышел из этих отношений **печальным, но мудрым**» [Тагаева: 2023, с. 286].

Выражения **it is sad** («грустно», «печально») и **the sad thing is...** («печально», «грустно») используются для выражения чувства печали, переживания по поводу произошедшего. Например: «*It's always **sad** when people split up*». – «Всегда **грустно**, когда люди расстаются». / «*The **sad thing is** that it's too late to do anything*». – «Самое **печальное**, что уже слишком поздно что-либо предпринимать».

Выражение **a sad state of affairs** («печальное положение дел») определяется как печальное событие, которое может повлечь за собой неприятные последствия. Например: «*This **sad state of affairs** must not be allowed to continue*». – «Нельзя допустить, чтобы такое **печальное положение дел** продолжалось».

Выражение **be a sad reflection on smth.** («печальные размышления») передает семантику раздумий о чем-либо неприятном. Например: «*It is a **sad reflection on life** that it takes suffering to bring people closer together*». – «Это **печальное размышление о жизни**, о том, что нужны страдания, чтобы сблизить людей».

Устойчивое сочетание **great sadness** («большая печаль», «большое горе», «большое сожаление») в современном английском языке определяется как сильное эмоциональное состояние, связанное с потерей близкого человека, серьезной утратой или тяжелым испытанием. Например: «*It was with **great sadness** that we learned of his death*». – «Мы с большим сожалением узнали о его смерти».

Устойчивое выражение **overwhelming sadness** («всепоглощающая печаль») в английском языке обозначает отрицательное чувство, захватывающее все естество и вытесняющее другие душевные переживания. Например: «*Claudia felt an **overwhelming sadness** – she could not bear the thought of losing him*». – «Клаудию охватила **всепоглощающая печаль** – ей была невыносима мысль о том, что она может потерять его».

Согласно данным нескольких лексикографических изданий, лексема «**Sadness**» выполняет функцию доминанты синонимических рядов. В частности, словарь Сэмюэля Фэллоуза «*A complete dictionary of synonyms and antonyms, or Synonyms and words of opposite meaning*» обнаруживает развернутый перечень синонимов, передающий различные нюансы значения слова «**Sadness**» [Fallows: 1898, с. 235]. Среди них: **heavy** (тяжелый, мрачный, печальный), **grave** (тяжелый, тяжкий, печальный), **sorrowful** (несчастный, прискорбный), **woebegone** (мрачный, горестный), **dismal** (печальный, угрюмый, подавленный), **doleful** (скорбный, печальный, страдальческий), **mournful** (унылый, угрюмый, скорбный, мрачный), **gloomy** (мрачный, унылый, подавленный, хмурый), **dejected** (грустный, унылый, удрученный, подавленный), **depressed** (депрессивный, угнетенный, унылый), **cheerless** (безрадостный, угрюмый), **downcast** (грустный печальный, подавленный), **grievous** (горестный, печальный, прискорбный), **melancholy** (меланхолический, унылый, тоскливый), **saturnine** (мрачный угрюмый, страдающий) [Тагаева: 2023, с. 287].

Данный ряд демонстрирует лексическое богатство и разнообразие лексических средств, используемых в английском языке для выражения концепта «Печаль», охватывая как внутреннее эмоциональное состояние, так и внешние проявления, а также различные оттенки интенсивности, причины и последствия этого чувства.

В словаре английского языка базовых синонимов под редакцией Говарда Сарджента также представлены некоторые лексемы-синонимы, отражающие концепт «**Sadness**»: **unhappy** (несчастный), **miserable** (страдальческий, мученический), **depressed** (подавленный, угнетенный), **fed up** (расстроенный, огорченный) [Sargeant: 2004, с. 89].

В Оксфордском словаре синонимов «**Oxford Thesaurus. An A-Z Dictionary Of Synonym**» под редакцией Лоуренса Урданга представлен широкий лексический ряд, отражающий концепт «**Sadness**»: **unhappy** (несчастный), **melancholy** (меланхолический, унылый), **downcast** (печальный, подавленный), **dejected** (грустный, унылый, удрученный), **depressed** (депрессивный, угнетенный), **low** (подавленный,

приниженный), **sorrowful** (несчастный, прискорбный), **gloomy** (мрачный, унылый, подавленный, хмурый), **morose** (угрюмый, хмурый), **glum** (угрюмый, хмурый, мрачный), **lugubrious** (печальный, скорбный), **mournful** (унылый, скорбный), **heartsick** (убитый горем, удрученный), **crestfallen** (унылый, упавший духом), **chappfallen** (безрадостный, угнетенный, подавленный), **disheartened** (приводящий в уныние), **downhearted** (упавший духом, унылый, подавленный), **blue** (грустный, унылый, подавленный), **despondent** (унылый, подавленный отчаявшийся), **broken-hearted** (убитый горем, несчастный), **heartbroken** (убитый горем, с разбитым сердцем), **woebegone** (мрачный, горестный), **miserable** (горестный, несчастный), **wretched** (бедный, несчастный) [Urdang: 1991, с. 413].

2.3. Репрезентация эмоционального концепта «Ғам» («Печаль») в таджикском языке на материале Национального корпуса таджикского языка

Создание Национального корпуса таджикского языка стало результатом коллективных усилий сотрудников кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета и продуктивного сотрудничества таджикских и российских ученых. С таджикской стороны в проекте принимали участие Д.М. Искандарова, Х.Д. Шамбезода, М.Б. Давлатмирова, О.Л. Козлова, З.Д. Усманов, М.А. Умаров, Г. Довудов, А. Косимов; российскую исследовательскую группу представляли В.А. Плунгян, А.П. Выдрин, А.Д. Егорова, И.В. Егоров, Т.А. Архангельский, А.В. Панасюк. Идейным вдохновителем, инициатором и руководителем проекта выступила профессор Российско-Таджикского (Славянского) университета Д.М. Искандарова, в научных работах которой обосновывалась актуальность и аргументировалась насущная потребность создания Корпуса [Искандарова: 2011, с. 6-10; Искандарова: 2020, с. 26-39].

Сегодня Национальный корпус таджикского языка включает тексты различных жанров (проза, поэзия, публицистика и др.), написанные на

литературном таджикском языке и опубликованные в XX – XXI вв. [НКТЯ: эл. ресурс].

Анализ концепта «Печаль» был проведен в том числе на материале данного корпуса; этот – корпусный – подход позволил обнаружить и исследовать обширный круг устойчивых сочетаний, метафорических конструкций, фразеологических единиц, включающих лексику «Ғам» и отражающих национально-культурную специфику ее функционирования в таджикской языковой картине мира [Тагаева: 2023, с. 316-319].

В результате обработки корпусных данных было выявлено **3 504** словоформы, соотносимы с лексемой «Ғам». Процедура лемматизации позволила установить общую частотность употреблений данной единицы – **11 873** вхождения в **2 457** документах [НКТЯ: эл. ресурс].

Для углубленного анализа из материалов НКТЯ были извлечены устойчивые сочетания, метафорические обороты и фразеологические единицы с компонентом «Ғам», демонстрирующие этнокультурную маркированность данной лексики.

Устойчивое сочетание *Дарду ғам* «Боль и печаль» («горе и печаль», «боль и страдание») – найдена 4 641 словоформа. Например: «*Ҳар шаб дар бораи ту фикр мекунам, мисли он ситораҳое, ки аз осмон канда мешаванду меафтанд ва аз худ изи сӯзони дарду ғам мемонанд*». – «Каждую ночь я думаю о тебе, как о тех звездах, что падают с небес и оставляют жгучие следы боли и печали» (Муҳаммадиева Г. 2015) [НКТЯ: эл. ресурс].

Выражение *Ғам махӯр* «Не печалься» («не грусти») – найдено 3 536 словоформ. Например: «*Ва агар душмане падид омадааст, ғам махӯр, ки ман инак ёри туям ва бо душманат меҷангам*». – «А если появится враг, не печалься, ибо я твой друг и буду сражаться с твоим врагом» (Улуғзода С.) [НКТЯ: эл. ресурс].

Также в значении: *Ғам нахӯр* «Не печалься» («не грусти», «не волнуйся») – найдено 2 683 словоформы. Например: «– *Ман эҳтиёт мекунам, оча, ғам нахӯр!*» – «– Я буду осторожен, мама, не волнуйся!» (Чалол Икромӣ 1985) [НКТЯ: эл. ресурс].

Устойчивое сочетание **Шодию гам** «Радость и печаль» («радость и горе») – найдено 893 словоформы. Например: «**Шодию гам** ба фикрам баробаранд, аммо чун гам талх аст, бораи вазнин аст, мо беиштар онро эҳсос мекунем». – «Я думаю, что **радость и печаль** равны, но, когда печаль горька, а ее ноша тяжела, то мы чувствуем ее сильнее» (Pressa.tj 2022) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Гам хӯрдан** «Переживать» («грустить», «горевать») – найдено 1 294 словоформы. Например: «**Гами дунё нахӯр**, дунё ба гам хӯрдан намеарзад» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «Не беспокойся о судьбе мира, он этого не стоит» (Муродӣ А. 2012) [Тагаева: 2023, с. 318].

Устойчивое выражение **Бисёр гам** «Много переживать» («волноваться», «тревожиться») – найдено 848 словоформ. Например: «Хушдоманам барои Фотима **бисёр гам** мехӯрд ва мисли модари гамхор ўро дар ба дари табибу духтурҳо мегардонд». – «Моя свекровь **очень переживала** за Фатиму и, как заботливая мать, водила ее по разным врачам» (Pressa.tj 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение **Оташи гам** «Пламя печали» – найдено 748 словоформ. Например: «**Оташи гам** бар дили душман занад...» – «Пусть **пламя скорби** поразит сердце врага...» (Миршакар М. 1942) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Пур аз гам** «Полный печали» («полный страданий», «полный горечи») – найдено 687 словоформ. Например: «Вале чун инро ба шумо гуфтам, дили шумо **пур аз гам** шуд». – «Но, когда я рассказал вам об этом, ваше сердце **наполнилось печалью**» (Библия 1999) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Андӯху гам** «Печаль и скорбь» («Тоска и печаль») – найдено 563 словоформы. Например: «Дили ман гуссаву **андӯху гам** хӯрд». – «Мое сердце было **наполнено печалью и тоской**» (Шерали Л. 2004) [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение **Ашки гам** «Слезы печали» – найдено 583 словоформы. Например: «**Ашки гам** пурчин кунад рӯи маро...». – «Пусть **слезы печали** зальют мое лицо...» (Сафар А. 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Литературное выражение **Ғубори гам** «Дымка печали» («Мгла печали») – найдена 551 словоформа. Например: «Ки оби чашиат аз чи буду буд аз чи **ғубори**

гам». – «Что стало слезами в твоих глазах, то было **дымкою печали**» (Шукуҳӣ А. 2014) [НКТА: эл.ресурс].

Сочетание **Ғам хӯрда** «Переживая» («горюя», «печалюсь») – найдена 551 словоформа. Например: «Ману ту беҳуда **гам хӯрда** гаштаем». – «Мы с тобой напрасно **волновались**» (Раҳимзода Б. 2010) [НКТА: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Дуди гам** «Сильное горе» («глубокая печаль») – найдено 526 словоформ. «Биё, наздам, биё, эй ҷони ширин, / Биё то **дуди гам** аз дил барорам». – «Приди ко мне, приди, душа моя, / Избавь меня от **глубокой печали**» (Pressa.tj 2019) [НКТА: эл.ресурс].

Сочетание **Ранчу гам** «Боль и печаль» («печаль и страдание») – найдено 523 словоформы. «Рухонаш зарду ҷисмаш буд логар, / Ба **ранчу гам** фуру рафта саросар». – «Лицо его было мертвенно-бледным, а тело истощенным, / Охваченным **болью и печалью**» (Pressa.tj 2017) [НКТА: эл.ресурс].

Метафора **Манзили гам** «Дом скорби» («пристанище скорби») – найдена 481 словоформа. «Дар **манзили гам** фиканда мафраш моем, / В-аз оби ду чаим дил пуротаиш моем» [НКТА: эл.ресурс]. – «В местах, где горечь вечных мук, остались мы, / В слезах сердец, где чад разлук, остались мы» (Сорбон. 2009) [Тагаева: 2023, с. 318].

Устойчивое выражение **Сад гам** «Множество горестей» («море бед», «груда забот», «куча проблем») – найдено 356 словоформ. «**Сад гам** ба вучуди ман дарояд». – «Пусть меня настигнет **море бед**» (Амини Р. Қ. 2018) [НКТА: эл.ресурс].

Также в значении: **Зиёд гам** «Множество горестей» («море бед», «груда забот», «куча проблем») – найдено 282 словоформы. «Барои маблағе, ки сарф мешавад, **зиёд гам** нахӯред». – «Не **беспокойтесь слишком** сильно о потраченных деньгах» (Pressa.tj 2022) [НКТА: эл.ресурс].

Сочетание **Ғуссаву гам** «Печаль» («скорбь») – найдено 336 словоформ. «Қалбҳои зебоишон лабрезии **ғуссаву гам**». – «Их чистые сердца были переполнены **горечью**» (Қурбонӣ Д. 2014) [НКТА: эл.ресурс].

Метафора **Сояи гам** «Тень печали» («тень тревоги», «тень грусти», «тень беспокойства») – найдено 268 словоформ. «**Сояи гам** бар сарат афтодааст». – «**Тень печали** нависла над тобой» (Келдй Г. 2015) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Сиришки гам** «Слезы печали» – найдено 254 словоформы. «**Дарёи сиришки гам** надорад соҳил...» – «Река горьких слез не имеет берегов...» (Сафиева Г. 2016) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое сочетание **Ҳасрату гам** «Печаль и скорбь» («грусть и тоска») – найдена 251 словоформа. «**Дар ҷӯи хушидаи оҷанги рухам / Тухми аламу ҳасрату гам** кишту бирафт». – «В бесплодном потоке моей души / Были посеяны семена **печали и скорби**» (Шерали Л. 2004) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Таишишу гам** «Печаль и тревога» («тяжелое бремя», «тяжелая ноша») – найдено 183 словоформы. «Бовар бикун, кӯҳи **таишишу гам** аз дилам афтод». – «Поверь мне, **тяжелая ноша** упала с моего сердца» (Самад А. 2016) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое сочетание **Аламу гам** «Печаль и горе» («печаль и боль») – найдено 87 словоформ. «**Ва бигзаит умр, лек моломоли аламу гам**». – «И жизнь прошла, полная **печали и горя**» (Самад А. 2016) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Дилтангиву гам** «Тоска и печаль» – найдено 84 словоформы. «Баъзан аз **дилтангиву гам** дар дил бо ҷонофарин гилаву шиква ҳам мекард: «Эй Худои меҳрубон, ба шодиву гами то имрӯз дидаат, ба пириву нотавонӣ ҳам шуқр кардам». – «Иногда от душевной **тоски и печали** он, склонившись перед Творцом, обращался к Нему с мольбой: «О Милостивый Боже, я благодарен за ту радость и печаль, которые я видел до сих пор, и за свою старость и немощь» (Самад А. 2016) [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение **Борони гам** «Град печалей» («Град бед») – найдено 80 словоформ. «Баъди марғи эшон **борони гам** ба сарам боридан гирифтӣ рӯзи равшан бароям чун шаби ялдо торик шуд» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «После смерти ишана на меня обрушился **град печалей** и невзгод, и ясный день показался мне таким же темным, как самая долгая полярная ночь» (Фараж 2020) [Тагаева: 2023, с. 318].

Выражение **Сӯзу ғам** «Сгорать от печали» («сгорать от тоски», «мучиться от горя») – найдено 57 словоформ. «Дил, ки дорад **сӯзу ғам**, роҳаш дигар кардан хатост, ..» – «Сердце, **сгорающее от тоски**, отклоняется от прямого пути, ...» (Сафар А. 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение **Оғӯши ғам** «Объятия печалью» – найдена 31 словоформа. «Суруд дар худ чунин мисраъҳоро дорад: Умри ту **оғӯши ғам** шуд, / Қалби ман пур аз алам шуд». – «В песне есть такие строки: Жизнь твоя **печальюми объята**, / Так, что сердце мое сжимается от боли» (Pressa.tj 2023) [НКТЯ: эл.ресурс].

Также были найдены несколько сочетаний с производными от главной лексемы «**Ғам**»:

Сочетание **Ғаму андӯх** «Печаль» («грусть», «тоска», «уныние») – найдено 7 542 словоформы. «Алина: – Дар чашмонат **ғаму андӯх** мебинам...» – «Алина: – Я вижу **печаль** в твоих глазах...» (Дударев А. 2016) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Ғаму ғусса** «Печаль» («скорбь», «тоска») – найдено 4 661 словоформа. «Дар назди онҳое, ки аз **ғаму ғусса** гиря доранд, нахандед» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «Не смейтесь над теми, кто плачет от тоски» (Ovozī Samarqand 2021) [Тагаева: 2023, с. 318].

Устойчивое сочетание **Ғаму шодӣ** «Радости и печали» – найдено 3 146 словоформ. «Дӯст он аст, ки шарикӣ **ғаму шодӣ** бошад ва дар дӯстӣ муҳаббати безарзонаи тарафайн эҳсос карда шавад». – «Друг – это тот, кто разделяет **радости и печали**, а в дружбе чувствует безусловную и взаимную любовь» (Хуросонӣ А. 2010) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Ғаму дард** «Боль и печаль» («боль и тоска») – найдено 3 039 словоформ. – «Ҳамон ишқе ки аз даст меравад, туро аз **ғаму дард** сиёҳпӯш мекунад...» – «Та любовь, которая потеряна, накрывает тебя мрачным чувством **боли и тоски**...» (Javonon Tojikiston 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Ғаму ташвиш** «Печаль и беспокойство» – найдено 1 223 словоформы. «Ба дил бори **ғаму ташвиш** рафтем». – «Наши сердца были полны **печали и беспокойства**» (Шерали Л. 2004) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Ғами ишқ** «Горечь любви» («горькая любовь») – найдено 1 174 словоформы. «Диламро бин, ки нолад аз **ғами ишқ**, / Туро бо дину оинам чӣ кор аст?» [НКТЯ: эл.ресурс] – «Загляни в моё сердце, / Что стонет от **горькой любви**, / Что тебе дело до моей веры?» (Иқбол М. (1900–1938)) [Тагаева: 2023, с. 318].

Устойчивое сочетание **Ғаму ҳасрат** «Печаль» («грусть», «горе»)– найдено 917 словоформ. «Аз дидаи Рухиона ашки **ғаму ҳасрат** метаровид». – «Из глаз Рухионы потекли **горькие** слезы» (Тоҳирӣ Д. 2012) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Ғаму кулфат** «Тяготы и заботы» («переживания и горести») – найдено 665 словоформ. «– Бечора падарам, писари беҳирадат ба сари ту ҳамин қадар **ғаму кулфат** овард» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «– Бедный мой отец, твой глупый сын обрушил на твою голову столько **душевных переживаний и горестей**» (Улуғзода С. 1982) [Тагаева: 2023, с. 318].

Устойчивое выражение **Ғами зиндагӣ** «Жизненные невзгоды» – найдено 366 словоформ. «Имрӯз ба дирузам сафар доштам: тифлиро ба гиря, наврасиро ба бозӣ, ҷавониро ба ишқ ва камолотро ба **ғами зиндагӣ** гузаронидаам» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «Сегодня я отправился во вчерашний день: я провёл детство плача, отрочество играя, юность любя и зрелость в **жизненных невзгодах**» (Фараж 2020) [Тагаева: 2023, с. 318].

Выражение **Ғаму андеша** «Переживание» («уныние») – найдено 339 словоформ. «Ў дар либоси сиёҳ ғарқи **ғаму андеша** буд». – «Он был одет в черное, погруженный в уныние» (Самад А. 2017) [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение **Ғаму мусибат** «Печаль» («несчастье») – найдено 143 словоформы. – «Дар ҳаётатон шодиҳо бештар буданд ё **ғаму мусибат**?» – «В вашей жизни было больше радостей или **горестей**?» (Pressa.tj 2022) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Ғаму гиря** «Печаль и слезы» – найдено 127 словоформ. «Воқеан, ишқ азоб аст, ранҷ аст, дарду **ғаму гиря** аст». – «Воистину, любовь – это страдание, горечь, боль, **печаль и слезы**» (Фараж 2019) [НКТЯ: эл.ресурс].

Итак, данные Национального корпуса таджикского языка показывают, что метафорические единицы, идиоматические выражения и устойчивые словосочетания, включающие лексему «**Ғам**», являются неотъемлемым компонентом таджикской языковой картины мира и в значительном объеме представлены в различных типах текстов (художественных, публицистических, научно-популярных, фольклорных, разговорных). Это возволяет говорить об исключительной выразительности таджикского языка в репрезентации эмоциональных состояний и способности передавать тончайшие оттенки душевных переживаний.

Перейдем к количественному анализу материалов НКТЯ и рассмотрим, как базовые однокоренные единицы с основой «**Ғам**» реализуются в таджикском языке. В ходе обработки материалов Национального корпуса было обнаружено **1 106** словоформ, соответствующих лексеме «**Ғамгин**». После лемматизации ее суммарная частотность достигла **1 420** вхождений, зафиксированных в **727** документах [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение ***Ғамгин шудан*** «печалиться» («впадать в уныние», «грустить», «тосковать») – найдено 95 словоформ. Например: «*Ў маро зиёд дӯст медошт ва ҳеҷ гоҳ **ғамгин шудан** намегузошт*». – «Он меня очень любил и никогда не позволял мне ***грустить***» (Pressa.tj 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Также в Национальном корпусе таджикского языка данное сочетание слов имеет множество производных:

Производное сочетание ***Ғамгин шуд*** – найдено 926 словоформ. «*Афросиёб ин суханони талхро шунида **ғамгин шуд** ва дар андеша фуру рафт*». – «Услышав эти горькие слова, царь Афросияб ***опечалился*** и погрузился в раздумия» (Улуғзода С.) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание ***Ғамгин мешавам*** – найдено 619 словоформ. «*Ва ман, ки набераи хурдиву дӯстдоштаи бобоям будам, бисёр ўро ёд мекунам ва аз набуданаи **ғамгин мешавам***». – «И я, как самый младший и любимый внук моего дедушки, очень скучаю по нему и ***опечален*** тем, что его нет рядом» (Pressa.tj 2022) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание **Ғамгин нашавед** – найдено 467 словоформ. «Ба чунин гапҳои беасос бовар накунеду **ғамгин нашавед**». – «Не верьте и не печальтесь таким беспочвенным разговорам» (Pressa.tj 2022) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание **Ғамгин машав** – найдено 413 словоформ. «**Ғамгин машав**, ҳамон рӯзе, ки дар дастам пул шуд ман ҳатман пулҳоятро бармегардонам». – «Не переживай, в тот день, когда я получу деньги, я обязательно их тебе верну» (Pressa.tj 2021) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание **Ғамгин шудам** – найдено 397 словоформ. «Чунон **ғамгин шудам**, ки гӯё хонаи ман, наздикони ман, фарзандони ман зарар дида бошанд». – «Мне было так грустно, что мой дом, мои родные, мои дети пострадали» (OvoziTojik 2020) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание **Ғамгин шуда** – найдено 357 словоформ. «Модарам аз рафтори онҳо хеле **ғамгин шуда**, ба тақдири бадаш лаънат мехонд». – «Моя мама была очень **опечалена** тем как они поступили с ней, и проклинала свою ужасную судьбу» (Zebo 2021) [НКТЯ: эл.ресурс].

Ғамгин мешаванд – найдено 309 словоформ. «Исо ба онҳо ҷавоб дод: «Оё дӯстони домод дар ҷашни арӯсӣ, модоме ки домод бо онҳост, **ғамгин мешаванд**?» – «И сказал им Иисус: «Могут ли гости на брачном пиру **изъявлять скорбь**, пока жених с ними?» (Матто 2010) [НКТЯ: эл.ресурс].

Ғамгин шуданд – найдено 263 словоформы. «Падару модараи **ғамгин шуданд** ва аммо ба умеди лутфу меҳрубониҳои яздонӣ ба парваришии фарзандашон пардохтанд». – «Родители его были **расстроены**, но внесли плату за обучение своего ребенка, уповая на милость и доброту Божию» (Улуғзода С.) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание **Ғамгин шудем** – найдено 157 словоформ. «Мо ҳама маъюс ва **ғамгин шудем**». – «Мы все потеряли надежду и были глубоко **опечалены**» (Шакурӣ М.Б. 2010) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание **Ғамгин мешуд** – найдено 143 словоформы. «Худаи **ғамгин мешуд**, вале зоҳир намекард». – «Он был **огорчен**, хотя и не показывал этого» (Сайфуллоев А. 2003) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание **Ғамгин мешавад** – найдено 142 словоформы. «Ҳар як бону бо дидани ожангҳои чуқури нӯсти рӯяш **ғамгин мешавад**». – «Каждая женщина **расстраивается** при виде глубоких кожных складок на лице» (Oila 2023) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание **Ғамгин шавем** – найдено 67 словоформ. «Намедонистем, ки аз ин воқеа **ғамгин шавем** ё хурсанд». – «Мы не знали, **печалиться** или радоваться этому событию» (Мухаммадиев Ф. (1955–1985)) [НКТЯ: эл.ресурс].

Следующее устойчивое сочетание **Ғамгин кардан** – 21 словоформа. Например: «Духтур: – Шуморо **ғамгин кардан** намехоҳам, аммо бояд бигӯям, ки фавран амали ҷарроҳӣ гузаронидан лозим аст». – «Доктор: – Не хочу вас **огорчать**, но должен сказать, что нужно срочно делать операцию» (Абдурахмонова Х. 2017) [НКТЯ: эл.ресурс].

Данное устойчивое сочетание также имеет несколько производных:

Производное сочетание **Ғамгин кард** – найдено 589 словоформ. «Марги ҳунарпеша, дӯстону наздикон ва мухлисони ўро бисёр **ғамгин кард**». – «Смерть талантливой актрисы сильно **опечалила** ее друзей, близких и поклонников» (Pressa.tj 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание **Ғамгин мекард** – найдено 209 словоформ. «Баъди фарзанддор шудан амалҳои ночои шавҳар ўро **ғамгин мекард**». – «После рождения ребенка дурные поступки мужа ее **огорчили**» (Мухаммадиева Г. 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Производное сочетание **Ғамгин карда** – найдено 66 словоформ. «Хабари ногувор шуморо **ғамгин карда** метавонад». – «Плохие новости могут вас **расстроить**» (Pressa.tj 2020) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое сочетание **Хеле ғамгин** «Очень печально» («очень грустно») – найдено 713 словоформ. Например: «Аз чунин ранг гирифтани масъала амаки Усмон **хеле ғамгин** гашта, сархам ба хона баргаишт». – «Из-за случившейся ситуации дядя Усмон был **очень расстроен** и вернулся домой с поникшей головой» (Мухаммадиева Г. 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Также в значении: **Бисёр гамгин** «Очень печально» («очень грустно») – найдено 510 словоформ. Например: «Содиқ **бисёр гамгин** ба хона бармегаиш». – «Содик возвращался домой **очень расстроенным**» (Мухаммадиева Г. 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение **Сахт гамгин** «Быть глубоко опечаленным» («быть глубоко расстроенным») – найдено 443 словоформы. Например: «Чун фиристодаи Ковус номаро ба Сиёвуш расонд, Сиёвуш онро хонда **сахт гамгин** шуд». – «Когда посланец Ковуса доставил письмо Сиявушу, прочитав его, Сиявуш **был глубоко опечален**» (Улуғзода С.) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Маёюсу гамгин** «Печаль и отчаяние» – найдено 429 словоформ. «**Маёюсу гамгин** сар аз болин намебардоиш». – «Он не мог поднять головы из-за чувства **печали и отчаяния**» (Мухаммадиева Г. 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение **Ғамгин мабоиш** «Не печалься» («не грусти», «не отчаивайся») – найдено 421 словоформа. «– Эй Шаҳриёр, ту ба ин кор **ғамгин мабоиш**, нахуст аз ман сухан бишнав ва он гоҳ ҳар чӣ хоҳӣ, бикун, ки соҳибихтиёрӣ». – «– Эй, Шахрияр, **не печалься** об этом, сначала выслушай меня, а потом делай все, что в твоей власти» (Улуғзода С.) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Дили гамгин** «С печалью в сердце» («с грустью в сердце», «с тяжелым сердцем») – найдено 287 словоформ. «Чавон бо **дили гамгин** назди устодаиш меояд». – «Юноша приходит к своему учителю **с тяжелым сердцем**» (Javonon Tojikiston 2016) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Ҳамеша гамгин** «Быть всегда расстроенным» («быть постоянно опечаленным») – найдено 202 словоформы. «Модар **ҳамеша гамгин** аст, дасту дилаш ба кор намеравад, балки пинҳон аз чашии фарзандон ашк мерезад». – «Мама **всегда расстроена**, ее руки и сердце болят, а ее дети тайно проливают слезы» (Шарифзода Х. (1970–2017)) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое сочетание **Ғамгин ва парешонҳол** «Опечаленный и расстроенный» («опечаленный и встревоженный») – найдено 145 словоформ. «Ковус мисли ин ки ҳудаи аз отаиш мегузашта бошад, ниҳоят **ғамгин ва парешонҳол** буд: охир, мумкин аст, ки фарзанди азизаиш дар отаиш бисӯзад, аммо

вай акнун барои халосӣ аз гумону шубҳаи ҷонкоҳ чораи дигар намедид». – «Ковус был очень **опечален и встревожен**, словно сам прошел сквозь огонь: ведь возможно, что его любимое дитя сгорело в огне, но теперь он не мог сделать ничего другого, чтобы избавиться от мучающих его душу подозрений» (Улуғзода С.) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое сочетание **Чехраи ғамгин** «Опечаленное лицо» («мрачное лицо», «унылое лицо») – найдено 122 словоформы. «Дар ҳамин ҳангом Зулайхо бо **чехраи ғамгин** медарояд». – «В этот момент входит Зулейха с **опечаленным лицом**» (Турсунзода М. (1938–1975)) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Чунин ғамгин** «Так печально» («так грустно», «столь грустно») – найдено 106 словоформ. «Ман **чунин ғамгин** чароям, ғамгусори ман кучост?» – «Почему же мне **так грустно**, где таится моя печаль?» (Хуросонӣ А.М., Низомӣ А., Шариф М. 2016) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Ғамгин ва музтариб** «Опечаленный и огорченный» – найдено 79 словоформ. «Ва подшоҳи Исроил **ғамгин ва музтариб** гардида, ба хонаи худ рафт, ва ба Сомария ворид шуд». – «И отправился царь Израильский домой **встревоженный и огорченный**, и прибыл в Самарию» (Библия 1999) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Хаставу ғамгин** «Измученный и опечаленный» («измученный и израненный») – найдено 62 словоформы. «Бо дили **хаставу ғамгин** танҳо дуо мекунем, ки Худованд ин инсони наҷибро дар бихишт ҷой диҳад». – «С **тяжелым и измученным** сердцем мы лишь можем молиться, чтобы Всевышний даровал этому благородному человеку место в Раю» (Ovozi Tojik 2019) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Сархаму ғамгин** «Печаль и смятение» («поникий и опечаленный») – найдено 50 словоформ. «– Аз ҳамон рӯз ин ҷониб подшоҳ **сархаму ғамгин** аст». – «С того дня царь пребывал в **печали и смятении**» (Коллектив 2013) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Пушаймону ғамгин** «Печаль и сожаление» – найдено 37 словоформ, 1 предложение примерно в 1 документе. «Дар он Водӣ парандагон аз эҳтиёҷи моддӣ бениёзанд, барои дарёфтани чизе ҷадал надоранд, аз ин раъёшон

пушаймону гамгин нестанд». – «В этой долине птицы не нуждаются в материальных благах, ничего не пытаются найти, поэтому не испытывают **печали или сожаления**» (Азиз А. 2014) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое сочетание *Парешонҳол ва гамгин* «Быть расстроенным и огорченным» – найдено 29 словоформ. «Аз забони ман ба ӯ чунин бигӯ: «Агар писарони ту бароят азизанд, духтарони ман ҳам бароям азиз, ҳатто аз чашмонам, аз мамлакатам ва тахту тоҷам азизтаранд, агар як дам онҳоро набинам, **парешонҳол ва гамгин** мешавам». – «Скажи ему это из моих уст: «Если тебе дороги твои сыновья, то и мои дочери мне дороги, даже дороже моих глаз, моей страны и моего трона, если я не увижу их на мгновение, я буду **расстроен и огорчен**» (Улуғзода С.) [НКТЯ: эл.ресурс].

Для эмоциональной лексемы «**Ғамангез**» было зафиксировано 178 словоформ. При лемматизации лексемы «**Ғамангез**» была найдена суммарная частотность: 339 вхождений в 234 документах [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение *Суруди ғамангез* «Печальная песня» – найдено 169 словоформ. «Ва он **суруди ғамангез** ҳоло дар фазои хона паҳн шуда, то ба самъи пирамард мерасад». – «И эта **грустная песня** теперь разносится по всему дому, пока не доходит до слуха старика» (Турсун С. 2013) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание *Оҳанги ғамангез* «Грустный тон» («грустная мелодия», «печальный мотив») – найдены 163 словоформы. «Достон бо марги Юсуф ва Зулайхо ба ниҳоят мерасад ва ҳамин **оҳанги ғамангез** хонандаро ба андеша, назари танқидӣ нисбат ба зиндагию рӯзгори худ ва масъалаҳои хайру шар водор менамояд». – «Легенда заканчивается смертью Юсуфа и Зулайхо, и этот **печальный мотив** заставляет читателя критически задуматься о своей жизни и средствах к существованию, а также о вопросах добра и зла» (Афсаҳзод А. 2014) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание *Басо ғамангез* «Очень печальный» («очень болезненный») – найдено 148 словоформ. «Хотироте ки ӯ вобаста ба ин хона дошт, **басо ғамангез** буданд». – «Воспоминания об этом доме у него были **очень печальными**» (Турсун С. 2013) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Бисёр гамангез** «Так печально» («очень печально», «столь печально») – найдено 114 словоформ. – «– Ман ин сурудро ба раҳмати хоҳарам бахшидаам, шояд аз ҳамин сабаб **бисёр гамангез** садо медиҳад». – «– Я посвятил эту песню своей покойной сестре, может быть поэтому она звучит **так печально**» (Pressa.tj 2022) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Андешаи гамангез** «Печальные размышления» – найдены 63 словоформы. «**Фиристодаи Ҳинд аз фаросати ҷодугаронаи донишманд дар ҳайрат монд ва дилаширо ба андешаи гамангез нишонд**». – «Посланец из Индии был поражен проницательностью и ученостью своего колдуна и высказал в своем сердце **печальную мысль**» (Улуғзода С.) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Ҳоли гамангез** «Печальная ситуация» – найдены 63 словоформы. «**Ин ҳоли гамангез, дар ҳақиқат, шоирро гоҳо ба сарҳади сафрои сар – ҷунуну девонагӣ мерасонида ва сабабаширо аз чарх мепурсад**». – «**Эта печальная ситуация**, действительно, иногда доводила поэта до грани безумия – и он задавался вопросом, почему» (Шарифзода Х. (1990–2017)) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое сочетание **Оқибатҳои гамангез** «Печальные последствия» – найдено 59 словоформ. «**Ин вазъият барои инсоният оқибатҳои гамангез дорад**». – «Данная ситуация несет за собой **печальные последствия** для человечества» (Sputnik Tajikistan 2021) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Мусиқии гамангез** «Грустная музыка» («печальная музыка») – найдено 58 словоформ. «**Зери садои мусиқии гамангез сахна кушода мешавад**». – «**Под звуки грустной музыки открывается сцена**» (Абдурахмонова Х. 2017) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Чашмони гамангез** «Грустные глаза» («печальные глаза») – найдено 30 словоформ. «**Аз оина гӯё ба ӯ зани офтобхӯрдае бо чашмони гамангез нигоҳ мекард**». – «Из зеркала на него смотрела смуглая женщина с печальными глазами» (Муҳаммадиева Г. 2011) [НКТЯ: эл.ресурс].

Лексема «**Ғамзада**», по данным Корпуса, представлена **136** словоформами. Суммарная частотность после лемматизации составила **242** вхождения, зафиксированных в **150** документах [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Одамони гамзада** «Измученный человек» («опечаленный человек», «скорбящий человек») – найдено 225 словоформ. «Шояд сабаб он бошад, ки **одамони гамзада** дарди худро ба дигарон қиёс карда, каме бошад ҳам, таскин меёбанд, худро тасаллӣ медиҳанд, ки дар панҷаи андӯҳ танҳо нестанд». – «Возможно причина в том, что **скорбящие люди** сравнивают свою боль с чужой и чувствуют хоть некоторое облегчение, утешая себя тем, что они не одиноки в своем горе» (Махсумзод Р. 2009) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Падари гамзада** «Скорбящий отец» – найдено 215 словоформ. «**Падари гамзада** назди шоҳ рафта аз ӯ дод хост». – «**Скорбящий отец** подошел к шаху и воззвал к его справедливости» (Улуғзода С.) [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение **Корвони гамзада** «Скорбящий караван» – найдено 34 словоформы. «**Корвони гамзада** зери оҳангҳои мотамӣ ва сурӯдҳои гамбори юнонӣ бо лангари гардунаҳо равон шуд сӯи Бобул». – «**Скорбящий караван** направился к Вавилону с греческими повозками под заунывные напевы и скорбные греческие песни» (Сорбон 2009) [НКТЯ: эл.ресурс].

Для эмоциональной лексемы «**Ғамнок**» было зафиксировано 75 словоформ. При лемматизации лексемы «**Ғамнок**» найдена суммарная частотность: 134 вхождения в 87 документах [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение **Дили гамнок** «Скорбящее сердце» – найдено 390 словоформ. «Шодӣ гузаре бар **дили гамнок** кунад». – «Пусть радость заполнит **скорбящее сердце**» (Муродӣ А. 2018) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание **Андешаҳои гамнок** «Печальные размышления» – найдено 98 словоформ. «Гарсевази фитнаҷӯ бо ин гуфтораи хотири Афросиёбро мушавваши карда, ӯро ба **андешаҳои гамнок** андохт». – «Интриган Гарсиваз своими словами привел в замешательство царя Афросияба и погрузил его в **печальные размышления**» (Улуғзода С.) [НКТЯ: эл.ресурс].

Для лексемы «**Ғамгинӣ**» было обнаружено 70 словоформ. При лемматизации лексемы «**Ғамгинӣ**» найдена суммарная частотность: 113 вхождений в 96 документах [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение *Ҳолати ғамгинӣ* «Состояние печали» – найдено 87 словоформ. «Ў на дар *ҳолати ғамгинӣ*, балки дар ҳолати хурсандӣ дар оғӯши навбаҳор хӯрдани майро тавсия мекунад, ки ин ҳам сабақи зиндагист». – «Он рекомендует пить вино не в *состоянии грусти*, а в состоянии радости в объятиях новой весны, что также является жизненным уроком» (Сайфуллоев А. 2008) [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение *Лаҳзаҳои ғамгинӣ* «Момент печали» («мгновение печали») – найдено 73 словоформы. «Дар *лаҳзаҳои ғамгинӣ* мусиқӣ гӯш накунед, балки дар ҳавои тоза сайр намоед». – «Не слушайте музыку в *минуты грусти*, а прогуляйтесь на свежем воздухе» (Oila 2021) [НКТЯ: эл.ресурс].

Для лексемы «**Ғамин**» было зафиксировано **46** словоформ. При лемматизации лексемы «**Ғамин**» найдена суммарная частотность: **63** вхождения в **45** документах [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание *Ғамин буд* «Быть опечаленным» («быть объатым горем») – найдено 126 словоформ. «Аз воҳимаи хоби даҳшатнок *ғамин буд...*» – «Он был *опечален* ужасом ночного кошмара...» (Азиз А. 2014) [НКТЯ: эл.ресурс].

Выражение *Ғамин мабошед* «Не печальтесь» («не грустите», «не горюйте») – найдены 72 словоформы. «– *Ғамин мабошед*, ки имрӯз оғози некбахтӣ ва анҷоми ҳузн ва андӯҳи шумост...» – «– *Не печальтесь*, ведь сегодня начало вашего счастья и конец вашей печали...» (Коллектив 1959) [НКТЯ: эл.ресурс].

Устойчивое сочетание *Ғамин ва маҳзун* «Опечаленный и расстроенный» – найдены 62 словоформы. «Ҷаъфар аз боргоҳи халифа бадар омада, *ғамин ва маҳзун* ҳамерафт ва ба ҳайрат буд, ки кушандаи духтарро чӣ гуна ба даст оварам ва дигареро бегуноҳ ба ҷои вай чӣ гуна ба куштан диҳам; рӯзи чаҳорӯм халифа ўро бихост ва аз кушандаи духтар бозпурсид». – «Джафар вышел из кареты халифа, он был *опечален и расстроен* и задавался вопросом, как поймать убийцу девушки и как убить вместо него другого невиновного человека; на четвертый день халиф расспросил его и допросил убийцу девушки» (Коллектив 1959) [НКТЯ: эл.ресурс].

Сочетание *Овози ғамин* «Печальный голос» – найдены 33 словоформы. «Саг дасту пояширо молиш дода, байни давра медарояд ва бо овози ғамин сухан оғоз

мекунад». – «Собака, потирая лапы, вошла в круг и начала скулить **заунывным голосом**» (Қодирӣ А. 2010) [НКТЯ: эл.ресурс].

В результате анализа было реконструировано синонимическое поле концепта «**Ғам**», представленное различными лексическими единицами, устойчивыми выражениями, фразеологизмами. Данные НКТЯ, обработанные с помощью корпусных методик, дали возможность установить суммарную частотность всех синонимов, репрезентирующих данный концепт.

Обращение к НКТЯ позволило выявить **2 799** словоформ, актуализирующих эмоциональную лексему «**Азоб**». В результате лемматизации получена общая частотность: **6 532** вхождения в **2 209** документах [НКТЯ: эл.ресурс]. Дополнительно была определена частотность сочетаемости данной лексемы в составе различных сочетаний и выражений [Тагаева: 2024, с. 278].

Устойчивое выражение *Азоби рӯҳӣ* «Душевные страдания» («душевные терзания») – найдено 2 185 словоформ. «*Азоби рӯҳӣ ва хаёлҳои даҳшатнок лаҳзае оромиш намегузоштанд*» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «**Душевные терзания** и ужасные мысли не оставляли его в покое ни на минуту» (Мухаммадиева Г. 2018) [Тагаева: 2024, с. 279].

Устойчивое выражение *Ранҷу азоб* «Боль и страдание» – найдено 5 919 словоформы. «*Зиндагии шумо пурҷӯшу хурӯш ва пур аз муборизаву **ранҷу азоб** аст*» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «**Ваша жизнь очень бурная и полна борьбы, боли и страданий**» (Соловский А. 2008).

Устойчивое сочетание *Сад азоб* «Сто мучений» («сотня мучений», «сотня дум») – найдено 1 607 словоформ. «*Бо **сад азоб** худро даст гирифт, сулфид ва бо дасту дили ларзон дарро тела дод*» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «**С сотней дум и мучений** он взял себя в руки, откашлялся и открыл дверь дрожащей рукой и сильно бьющимся сердцем» (Мирзо Д. 2012).

Устойчивое выражение *Азоб кашидан* «Страдать, мучиться, терзаться» – найдена 429 словоформ. «*Ориф **азоб кашидани** кӯдакро дида, дилаш мушавваши шуд ва беихтиёр аз чашмонаш ашк ҳалқа зад*» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «**Когда он**

увидел, что ребенок *мучается*, сердце его сжалось, а из глаз потекли слезы» (Муқим Қ. 2007) [Тагаева: 2024, с. 279].

Устойчивое выражение *Азоб мадеҳ* «Не мучайся» – найдено 118 словоформ. «– Беҳуда худро *азоб мадеҳ*, Ҷовид» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «– *Не мучай себя напрасно*, Джовид» (Мирзо Д. (2012)) [Тагаева: 2024, с. 280].

Устойчивое сочетание *Ояти азоб* «Откровение печали» («аят о дне печали», «признак печали») – найдено 179 словоформ. «Мазмуни “Бисмиллоҳ” маънои тараҳҳумро ифода мекунад, аз ин сабаб муносиб нест, ки он пеш аз *ояти азоб* зикр карда шавад» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «Значение слова “Бисмиллах” означает «жалость, сострадание», поэтому не рекомендуется упоминать его перед чтением аята «*О дне печали*» (Pressa.tj 2023).

Анализ корпусных данных показал, что лексема «**Алам**» насчитывает **1 581** словоформу. Лемматизация позволила установить ее общая частотность – **2 965** вхождений в **777** документах [НКТЯ: эл.ресурс]. Наряду с этим, была вычислена частотность употребления словосочетаний и выражений с компонентом «**Алам**» [Тагаева: 2024, с. 280].

Устойчивое выражение *Дарду алам* «Боль и горечь» – найдено 9 022 словоформы. «Нигора каломи аз *дарду алам* саршори Меъроҷро шунида ба худ омад» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «Нигора, услышав слова Мехроджа, переполненные *болью и горечью*, пришла в себя» (Муҳаммадиева Г. 2015).

Сочетание *Ашки алам* «Слезы печали» («горькие слезы», «горючие слезы») – найдено 405 словоформ. «*Ашки алам* чашмонаширо сӯхта, ба рухсораи пажмурдааш шорид» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «*Горькие слезы* обожгли ее глаза и потекли по ее изможденному лицу» (Сафиева Г. (1991–2009)).

Сочетание *Андӯҳу алам* «Печаль и досада» («печаль и горе», «тоска и уныние», «боль и мучение») – найдено 420 словоформ. «– Охир, ман туро дӯст медорам, барои ту, бар зарари худ ба бардоштани ҳар гуна азобу уқубатҳо тайёрам ва ҳар навъ бало, қазо, *андӯҳу алам*, ки аз ишқи ту ва аз тарафи ту ба сарам ояд, миннатдорона мебардорам» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «– В конце концов, я люблю тебя, и на свой страх и риск я готов с благодарностью переносить все

тяготы и невзгоды, а также новые беды, удары судьбы, **печали и горести**, что постигнут меня из-за твоей любви ко мне» (Айнй С. 1949) [Тагаева: 2024, с. 281].

Выражение **Пур аз алам** «Полон горечи» («полон печали») – найдено 426 словоформ. «Ў аз ҳавлии бобо не, балки аз ҳавлии амак баромада рафт; ба рафтан рафту медонист, ки ин ҳавлӣ **пур аз алам**, пур аз буз ва пур аз дарду ҳасрат аст» [НКТА: эл.ресурс]. – «Он ушел не из дома бабушки, а из дома дяди; уходя оттуда он знал, что этот дом **наполнен страданием**, ненавистью, горестями и печальями» (Сорбон 2009).

Устойчивое сочетание **Хаиму алам** «Гнев и горечь» («печаль и гнев», «гнев и скорбь», «ярость и печаль») – найдено 884 словоформы. «Танҳо ғами дил, **хаиму алам** дар сураташон нақш баства буду хунобаи ҷигар аз чашмонашон мерехт» [НКТА: эл.ресурс]. – «Лишь боль в сердце, **гнев и горечь** были запечатлены на их лицах, и горькие слезы текли из их глаз» (Самад А. 2017).

Выражение **Сад алам** «Сотня горестей» («сто печалей», «сотни мучений») – найдено 411 словоформ. «Оғӯши туро ба **сад алам** ёд кунам, / Пас хотири худ ба ёди ту шод кунам,..» [НКТА: эл.ресурс]. – «Я вспоминаю твои объятия с **глубокой печалью**, / Позволь мне вспоминать о тебе с радостью,..» (Коллектив 2008).

Ҳасрату алам «Боль и печаль» («печаль и скорбь») – найдено 547 словоформ. «Аз чашмони хирашудаистодааш ашки **ҳасрату алам** мерехт». – «Из его помутневших глаз текли слезы **боли и горечи**» (Насриддин Б. 2010) [НКТА: эл.ресурс].

Согласно НКТА лексема «**Андӯҳ**» представлена **793** словоформами. Лемматизация показала следующие результаты: суммарная частотность – **2 151** вхождение в **706** документах [НКТА: эл.ресурс]. Кроме того, на основании данных Корпуса были зафиксированы устойчивые сочетания и выражения и определена степень частоты их употребления [Тагаева: 2024, с. 282].

Устойчивое выражение **Бори андӯҳ** «Груз печали» («тяжесть горя») – найдено 295 словоформ. «Эзид таъоло ин ҳақиқат бар дили ман бияндохтӣ ва **бори андӯҳ** ва навмедӣ сабук гардондӣ» [НКТА: эл.ресурс]. – «Боже, Вы поразили

мое сердце этой истиной и облегчили мое **бремя печали**» (Сайфуллоев А. 2013) [Тагаева: 2024, с. 282].

Сочетание **Ғаму андӯҳ** «Горесть и печаль» («печаль и тоска», «грусть и печаль») – найдено 7 542 словоформы. «Шояд бо гузаронидани ин маърака хонадонат аз **ғаму андӯҳ** раҳо меёбад» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «Возможно, после проведения этого мероприятия ваша семья избавится от **горестей и печалей**» (Муҳаммадиева Г. 2015) [Тагаева: 2024, с. 283].

Выражение **Ғояти андӯҳ** «Высшая степень печали» («скорбь») – найдено 430 словоформ. «Ин бигуфт ва дар **ғояти андӯҳ** ва тарс ба хона даромад» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «Сказав это, он вошел в дом с **чувством печали и страха**» (Коллектив 1961).

Устойчивое сочетание **Аламу андӯҳ** «Горе и печаль» («печаль и тоска», «боль и уныние») – найдено 167 словоформ. «Синдухт бо **аламу андӯҳ** ба ӯ гуфт: – Ҷони модар, чаро ту роҳеро ихтиёр кардӣ, ки дар вай чоҳ аст?» [НКТЯ: эл.ресурс] – «Синдухт с **горечью** сказал ему: – Душа моя, почему ты выбрал путь, по которому она идет?» (Улуғзода С.).

В ходе анализа единицы «**Ҳасрат**» с опорой на НКТЯ было зафиксировано **876** словоформ и **1 829** вхождений в **491** документе – при ее лемматизации [НКТЯ: эл.ресурс].

Ашки ҳасрат «Слезы печали» («слезы скорби») – найдено 2 343 словоформы. «– Ин тавр бошад, дигар роҳ нест, майлаш зан гиред, – гуфт Нозгул ва **ашки ҳасрат** дар чашмонаш ҳалқа зад» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «– Если все так складывается и другого пути нет, хорошо, женитесь», – сказала Нозгул и **горькие слезы** полились из ее глаз» (Сайфуллоев А. 2003).

Ғаму ҳасрат «Печаль и скорбь» («грусть и печаль») – найдено 917 словоформ. «Аз дидаи Рухшона ашки **ғаму ҳасрат** метаровид» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «Из глаз Роксаны лились слезы **печали и скорби**» (Тоҳирӣ Д. 2012) [Тагаева: 2024, с. 284].

Оташи ҳасрат «Пламя скорби» («огонь печали») – найдено 394 словоформы. «– Эй фарзанд, ту модар дорӣ, ӯро ба **оташи ҳасрат** масӯзон!»

[НКТЯ: эл.ресурс] – «Эй, сынок, у тебя есть мать, не заставляй ее **печалиться!**» (Коллектив 1963).

Доғи ҳасрат «Клеймо скорби» («след печали») – найдена 251 словоформа. «*Доғи ҳасрат* бар дили сураатгарони Чин ниҳод» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «**Печальный след** был оставлен в сердцах китайских художников» (Коллектив 1959).

По данным Национального корпуса таджикского языка о частотности употребления лексемы «**Ғусса**» было обнаружено **587** словоформ. При лемматизации лексемы «**Ғусса**» найдена суммарная частотность: **1 106** вхождений в **346** документах [НКТЯ: эл.ресурс] [Тагаева: 2024, с. 284].

Ғаму ғусса «Тоска и печаль» – найдена 4 661 словоформа. «Дар назди онҳое, ки аз *ғаму ғусса* ғиря доранд, нахандед» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «Не смейтесь над теми, кто **плачет от тоски**» (Ovozi Samarqand (2021)) [Тагаева: 2024, с. 284].

Ғусса хӯрдан «Печалиться» («грустить», «огорчаться», «горевать») – найдено 300 словоформ. «Вале Илҳом ҳатто вақти *ғусса хӯрдан* ҳам надошт» [НКТЯ: эл.ресурс]. – «Но у Ильхома даже не было времени **горевать**» (Вилсон Г. 2014).

2.4. Корпусный анализ эмоционального концепта «Sadness» («Печаль») в английском языке на материале Британского Национального корпуса (British National corpus)

Создание Британского национального корпуса (BNC) было инициировано и осуществлено издательством Оксфордского университета в период с 80-х – по начало 90-х годов XX века. Его объем составляет 100 миллионов словоупотреблений, представляющих широкое жанровое разнообразие – устную речь, художественные произведения, материалы журналов и газет, академические нарративы. BNC объединен с другими корпусами английского языка, разработанных той же командой. Подчеркнем, что все эти корпуса ранее известные под номинацией «BYU Corpora» обеспечивают исследователей беспрецедентными данными о вариативности английского языка [BNC: эл.ресурс].

Так, относительно предмета нашего исследования обратим внимание на то, что лексема «**Sadness**» продемонстрировала в BNC сумарную частотность в **747** вхождений в **747** документах [BNC: эл.ресурс].

Для последующего анализа на базе BNC были выделены устойчивые сочетания, метафоры, фразеологизмы, включающие эмоциональную лексему «**Sadness**», и при их систематизации по контекстуальным основаниям обнаружили шесть тематических групп:

1. **Скорбь, вызванная смертью, утратой или потерей близкого человека либо значимого объекта, или чувство печали в связи с кончиной, потерей или утратой кого-либо / чего-либо;**
2. **Тоска как глубинное негативное переживание, внутренний дискомфорт, душевная боль, или печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство;**
3. **Визуальные маркеры печали, проявляющиеся во взгляде и мимике, или печаль, выраженная с помощью внешних признаков (в глазах, на лице);**
4. **Вербальная репрезентация печали через интонационные и речевые характеристики, или чувство печали, выраженное через речь или голос;**
5. **Скорбное состояние, передаваемое через цветовую символику и атмосферные явления, или чувство печали с признаком цвета или атмосферы;**
6. **Состояние грусти, распространяющееся на окружающее пространство и человека, или чувство печали, которое витает вокруг или окутывает человека или пространство.**

На следующем исследовательском этапе была вычислена частотность наиболее репрезентативных устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, содержащих лексему «**Sadness**».

Итак, устойчивое сочетание ***Great sadness*** «*Большая печаль*» («*глубокая скорбь*», «*глубокая печаль*») показало **40** вхождений [BNC: эл.ресурс], которые были распределены нами в соответствии с обозначенными тематическими

группами: **чувство печали в связи с кончиной, потерей или утратой, кого- или чего-либо** – найдено 13 предложений. «*It is with **great sadness** that we report the death of Ken Rowlands. the former director and general manager of Wood Group Haven Engineering Limited, passed away on 3 April following a massive stroke*» [BNC: эл.ресурс]. – «*С **глубоким прискорбием** сообщаем о смерти Кена Роулендза. бывшего директора и генерального менеджера Wood Group Haven Engineering Limited, который скончался 3 апреля в результате обширного инсульта*» [Тагаева: 2025, с. 125].

- **печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство** – найдено 10 предложений. «*Elizabeth shook her head, a **great sadness** on her*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Элизабет покачала головой, ее охватила **глубокая печаль***» [Тагаева: 2025, с. 124].

- **чувство печали, выраженное через речь или голос** – найдено 5 предложений. «*The priest shook his head then said, with **great sadness**: ‘You don’t understand’*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Священник покачал головой, затем сказал с **глубокой печалью**: ‘Ты не понимаешь’*» [Тагаева: 2025, с. 128].

- **печаль, выраженная с помощью внешних признаков (в глазах, на лице)** – найдено 3 предложения. «*Her dark eyes, which seemed almost too large for her small features, held an expression of **great sadness***» [BNC: эл.ресурс]. – «*В ее темных глазах, казавшихся слишком большими для ее маленьких аккуратных черт, застыло выражение **глубокой печали***» [Тагаева: 2025, с. 127].

Количество вхождений устойчивого сочетания **Deep sadness**, которое интерпретируется как «*глубокая печаль*» («*глубокая грусть*», «*большое сожаление*»), составило **16 единиц** [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство** – 12 предложений. «*Lissa watched her, filled with **deep sadness***» [BNC: эл.ресурс]. – «*Лисса наблюдала за ней, преисполненная **глубокой печали***» [Тагаева: 2025, с. 124].

- **печаль, выраженная с помощью внешних признаков (в глазах, на лице)** – найдено 6 предложений. «*Mr Edgar was silent for a moment. On his face was*

an expression of **deep sadness**» [BNC: эл.ресурс]. – «Мистер Эдгар на мгновение замолчал. На его лице застыло выражение **глубокой печали**».

- **чувство печали в связи с кончиной, потерей или утратой кого- или чего-либо** – найдено 2 предложения. «It was with **deep sadness** that I heard of the death of Fred Daly, to date the only Irish winner of The Open» [BNC: эл.ресурс]. – «С **глубокой печалью** я узнал о смерти Фреда Дейли, на сегодняшний день единственного ирландского победителя Открытого чемпионата» [Тагаева: 2025, с. 126].

- **чувство печали, выраженное через речь или голос** – найдено 2 предложения. «' You know, mistress,' said Gabriel in a **deep** voice full of **sadness**, ' that I love you and shall love you for ever. I accept that I can't marry you now that I'm poor» [BNC: эл.ресурс]. – «Вы знаете, госпожа,» – сказал Габриэль **глубоким, полным печали голосом**, – «что я люблю вас и буду любить вечно. Я признаю, что не могу жениться на вас теперь, когда я беден» [Тагаева: 2025, с. 128].

Сочетание **Tinged with sadness** «С оттенком грусти» («с печалью») – найдено 10 вхождений [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **чувство печали с признаком цвета или атмосферы** – найдено 6 предложений. «So family memories are **tinged with sadness**: Male speaker He doesn't think Joe wanted it to end that way» [BNC: эл.ресурс]. – «Так что семейные воспоминания были **окрашены грустью**: Мужчина-оратор считает, что Джо не хотел, чтобы все так закончилось» [Тагаева: 2025, с. 129].

- **чувство печали в связи с кончиной, потерей или утратой, кого- или чего-либо** – найдено 2 предложения. «Although born and brought up in England, Alfred found filming in Italy like going home. But that pleasure was **tinged with sadness** because his mother, Joanna, isn't alive to see him in a role he might have been born to play» [BNC: эл.ресурс]. – «Несмотря на то, что Альфред родился и вырос в Англии, для него съемки в Италии были как возвращение домой. Но это удовольствие было **омрачено грустью**, потому что его матери, Джоанны, уже

нет в живых, чтобы увидеть его в роли, для которой он, возможно, был рожден» [Тагаева: 2025, с. 126].

В материалах BNC сочетание ***Feeling of sadness*** («Чувство печали» («чувство грусти»)) встречается около 10 раз, точнее обнаружено 9 вхождений [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство** – найдено 10 предложений. «*Only Mr Evans seemed to share Carrie's queer, sinking **feeling of sadness***» [BNC: эл.ресурс]. – «Только мистер Эванс, казалось, разделял странное, щемящее **чувство грусти**, охватившее Кэрри» [Тагаева: 2025, с. 125].

Частотность употреблений устойчивого словосочетания ***Expression of sadness***, которое используется для передачи значения «выражение грусти» («выражение печали»), составила 8 вхождений [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **печаль, выраженная с помощью внешних признаков (в глазах, на лице)** – найдено 5 предложений. «*Mr Edgar was silent for a moment. On his face was an **expression of deep sadness***» [BNC: эл.ресурс]. – «Мистер Эдгар на мгновение замолчал. На его лице **отразилась глубокая печаль**».

В ходе анализа было выявлено 7 вхождений выражения ***Some sadness***, интерпретируемого как «некоторая грусть» («некоторое сожаление», «некоторая печаль») [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство** – найдено 4 предложения. «*It is with **some sadness** we said Goodbye recently to Tom Bryce who left us under SVS*» [BNC: эл.ресурс]. – «Недавно мы с **некоторой грустью** попрощались с Томом Брайсом, который покинул нас в SVS».

- **печаль, выраженная с помощью внешних признаков (в глазах, на лице)** – найдено 1 предложение. «*Mum and Dad and Mr and Mrs Lewis entered into the spirit of the occasion but I thought I could see **some sadness** in Mrs Lewis's eyes*» [BNC: эл.ресурс]. – «Мама, папа, а также мистер и миссис Льюис прониклись духом праздника, но мне показалось, что в глазах миссис Льюис **промелькнула грусть**».

Сочетание **Twinge of sadness** «Приступ грусти» («укол грусти») – найдено 7 вхождений [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство** – найдено 7 предложений. «*She looked down and saw Ana's hand firmly held by Mitch and a twinge of sadness fluttered over her as she wandered away*» [BNC: эл.ресурс]. – «Она посмотрела вниз и увидела, что Митч крепко держит Ану за руку, и, уходя, почувствовала укол грусти».

Сочетание **More sadness** «Больше грусти» – найдено 6 вхождений [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство** – найдено 6 предложений. «*His pleasure at the escape had for some reason given way now to even more sadness*» [BNC: эл.ресурс]. – «Его радость по поводу побега по какой-то причине сменилась еще большей грустью» [Тагаева: 2025, с. 125].

В Корпусе обнаружено 6 вхождений сочетания **Sense of sadness** в значении «Чувство грусти» («ощущение печали») [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство** – найдено 6 предложений. «*Everywhere there was a deep sense of sadness*» [BNC: эл.ресурс]. – «Повсюду царило чувство глубокой печали» [Тагаева: 2025, с. 125].

Устойчивое выражение **Full of sadness** «Полный грусти» («полный печали») – найдено 6 вхождений [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство** – найдено 3 предложения. «*There she stood for a long time, gazing out to sea, her heart full of sadness and her eyes full of tears*» [BNC: эл.ресурс]. – «Там она долго стояла, глядя на море, и сердце ее было полно печали, а глаза полны слез» [Тагаева: 2025, с. 125].

- **чувство печали, выраженное через речь или голос** – найдено 2 предложения. «*Her thin voice wavered in the night, sounding poignant, full of sadness despite the cheery lyrics about love and good times*» [BNC: эл.ресурс]. – «Ее

тонкий голос дрожал в ночи, звуча пронзительно, был **полон грусти**, несмотря на жизнерадостные слова о любви и хороших временах» [Тагаева: 2025, с. 129].

Hint of sadness – метафора с полным русским эквивалентом «*Нотка грусти*» («намеки на грусть», «легкая грусть») насчитывает 6 вхождений [BNC: эл.ресурс].

Классификация предложений по контексту:

- **чувство печали с признаком цвета или атмосферы** – найдено 2 предложения. «*Kirkstead Abbey, near Woodhall Spa, is no exception but here the peace is tinged with a hint of sadness*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Аббатство Киркстед, расположенное недалеко от Вудхолл-Спа, не является исключением, но здесь царит умиротворение с оттенком грусти*» [Тагаева: 2025, с. 129].

- **печаль, выраженная с помощью внешних признаков (в глазах, на лице)** – найдено 2 предложения. «*There was a hint of sadness now in Madame's eyes but her mouth was set and determined*» [BNC: эл.ресурс]. – «*В глазах мадам появилась легкая грусть, но ее губы были сжаты решительно*» [Тагаева: 2025, с. 128].

Метафора **Tinge of sadness** «*Оттенок грусти*» («привкус печали») – найдено 5 вхождений [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство** – найдено 3 предложения. «*But the joy should be mixed with a tinge of sadness*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Но радость должна быть смешана с оттенком грусти*» [Тагаева: 2025, с. 130].

- **чувство печали, выраженное через речь или голос** – найдено 1 предложение. «*There was also a tinge of sadness in Gerry Britton's voice when he was asked about his old club*» [BNC: эл.ресурс]. – «*В голосе Джерри Бриттона также слышалась нотка грусти, когда его спросили о его старом клубе*» [Тагаева: 2025, с. 129].

Certain sadness – устойчивое сочетание, используемое в значении «*Некоторая грусть*» («некая грусть», «немного грустить») – зафиксировано 5 вхождений [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство** – найдено 3 предложения. «*Would he then feel a **certain sadness**?*» [BNC: эл.ресурс] – «*Почувствовал бы он тогда **некоторую грусть**?*»

- **печаль, выраженная с помощью внешних признаков (в глазах, на лице)** – найдено 1 предложение. «*Afterwards, he is weak, and there is a **certain sadness** in his eyes*» [BNC: эл.ресурс]. – «*После этого он ослабевает, и в его глазах появляется **какая-то печаль***» [Тагаева: 2025, с. 127].

Устойчивая коллокация **To cause sadness**, русский аналог – «*Вызвать грусть*» («*вызвать печаль*») – найдено 5 вхождений [BNC: эл.ресурс].
Классификация предложений по контексту:

- **чувство печали в связи с кончиной, потерей или утратой, кого- или чего-либо** – найдено 3 предложения. «*The recent death of your food correspondent, Jeremy Round, was a **cause of great sadness** not only for his family and friends but also to the many thousands of readers who regularly enjoyed his articles*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Недавняя смерть вашего корреспондента по продуктам питания Джереми Раунда стала **причиной глубокой скорби** не только для его семьи и друзей, но и для многих тысяч читателей, которые регулярно получали удовольствие от его статей*» [Тагаева: 2025, с. 126].

Real sadness – «*Настоящая печаль*» («*реальная грусть*», «*неподдельная грусть*») несмотря на свою распространенность в разговорной речи, в Британском национальном корпусе выражение представлено 4 раза [BNC: эл.ресурс].
Классификация предложений по контексту:

- **чувство печали, выраженное через речь или голос** – найдено 1 предложение. «*There was **real sadness** in his voice*» [BNC: эл.ресурс]. – «*В его голосе звучала **неподдельная грусть***» [Тагаева: 2025, с. 129].

- **чувство печали в связи с кончиной, потерей или утратой, кого- или чего-либо** – найдено 1 предложение. «*The only **real sadness** in my life has been that both my parents died young, and within a comparatively short time of each other*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Единственной **настоящей печалью** в моей жизни было то, что оба*

моих родителя умерли молодыми и с разницей в сравнительно короткое время» [Тагаева: 2025, с. 126].

Выражение ***Aura of sadness*** «*Аура грусти*» – найдено 3 вхождения [BNC: эл.ресурс]. Классификация предложений по контексту:

- **чувство печали, которое витает вокруг или окутывает человека, или пространство** – 3 предложения. «*She felt an **aura of sadness** around her like a pall*» [BNC: эл.ресурс]. – «Она чувствовала, как **аура печали** окутывает ее, словно пелена» [Тагаева: 2025, с. 130].

В рамках исследования на материале Британского национального корпуса (BNC) было проанализировано синонимическое поле концепта «**Sadness**». В результате использования методов корпусного анализа были выявлены лексемы и устойчивые выражения, отражающие данную эмоцию, а также определена их суммарная частотность в текстах корпуса.

Лексема «**Pain**» в современном английском языке определяется как «**the feeling you have when part of your body hurts**» [Longman: 2013, с. 1534] («чувство, которое испытывает человек, когда болит часть тела»), т.е. преимущественно физическое недомогание. Например, в английском языке сочетание **great pain** «сильная боль» преимущественно связано с физической болью, но в определенных контекстуальных условиях может репрезентировать душевные страдания. Аналогичная актуализация наблюдается и с сочетанием **considerable pain** «сильная боль», «значительная боль», однако **a lot of pain** в значении «очень больно», «много боли» передает обе семантики одновременно – физические и душевные тяжелые переживания, которые может испытывать человек. Устойчивое сочетание **a terrible pain** «ужасная боль», «жуткая боль» в английском языке отражает ощущения физического или нравственного страдания. Также в значении: **awful pain** «ужасная боль».

Несмотря на то, что данная эмоциональная лексема «**Pain**» в языке носит в себе в большинстве случаев значение, описывающее физические страдания, изучив все практические материалы Британского корпуса английского языка, мы

обнаружили множество устойчивых сочетаний и выражений, метафорически отражающих в контексте внутренние душевные страдания человека.

В результате исследования эмоциональной лексики «**Pain**» по данным Британского корпуса английского языка было выявлено **6 985** вхождений [BNC: эл.ресурс].

Устойчивое сочетание ***Pain and suffering*** «Боль и страдание» – найдено 82 предложения. «*We each have our own story of **pain and suffering***» [BNC: эл.ресурс]. – «У каждого из нас есть своя история, наполненная **болью и страданиями**».

Сочетание ***Great pain*** «Сильная боль» – найдено 53 предложения. «*We realize that many of you want revenge... against those who caused such **great pain and suffering***» [BNC: эл.ресурс]. – «Мы понимаем, что многие из вас хотят отомстить тем, кто причинил вам **столько боли и страданий**».

Сочетание ***Real pain*** «Настоящая боль» («реальная боль») – найдено 48 предложений. «*Yes, somewhere deep within me I wanted to see the look on your face when you experienced **real pain***» [BNC: эл.ресурс]. – «Да! Где-то в глубине души я хотела видеть на твоём лице выражение **настоящей боли**».

Выражение ***To ease the pain*** «Облегчить боль» («унять боль», «снять» боль) – найдено 30 предложений. «*I have to be honest with you, it... it doesn't really **ease the pain** in losing a father*» [BNC: эл.ресурс]. – «Если быть честным, это... в действительности, это не **уменьшило боль от потери отца**».

Сочетание ***Sharp pain*** «Острая боль» («резкая боль») – найдено 26 предложений. «*It was like a **sharp pain** striking my heart*» [BNC: эл.ресурс]. – «Это была **острая боль**, поразившая меня в сердце».

Выражение ***Feel the pain*** «Чувствовать боль» («ощутить боль», «разделить боль») – найдено 23 предложения. «*Look, Laroy's still **feeling the pain** of losing his girl*» [BNC: эл.ресурс]. – «Послушайте, Лерой все еще **чувствует боль** из-за потери своей девушки».

Awful pain «Ужасная боль» – найдено 13 предложений. «*Beneath this smile, I'm in **awful, awful pain!***» [BNC: эл.ресурс] – «Под этой улыбкой скрывается **ужасная, невыносимая боль!**»

Bit of pain «Немного болит» – найдено 5 предложений. «*It was as if each word written took a little **bit of pain** with it and transported it onto the paper*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Это было так, как если бы каждое написанное слово приносило **немного боли** и переносило ее на бумагу*».

Следующая эмоциональная лексема «**Hurt**» в современном английском языке определяется как «*upset because someone has done something unkind or unfair*» [Longman: 2013, с. 1081] («*быть расстроенным из-за того, что кто-то сделал что-то недоброе или несправедливое*»). Например, выражение **deeply hurt** «*быть глубоко эмоционально раненым*» («*быть глубоко задетым*») в английском языке подчеркивает сильную внутреннюю боль или обиду. Также в значении: **terribly hurt** «*быть сильно задетым*» («*быть сильно оскорбленным*»). Сочетание **slightly hurt** «*быть слегка задетым*» в английском языке выражает небольшую степень эмоциональной чувствительности. Человек испытывает обиду, огорчение или расстройство, но не в острой и болезненной форме. Выражение **easily hurt** «*ранимый*» («*обидчивый*», «*легко обижаемый*») описывает человека, часто испытывающего чувство обиды, даже если ситуация совсем не конфликтная. Устойчивое сочетание **get hurt** «*получить травму*» («*быть обиженным*») в английском языке выражает наступление физической или эмоциональной травмы в результате какого-либо действия, происшествия или взаимоотношений. Устойчивое выражение **feel hurt** «*чувствовать себя оскорбленным*» («*задетые чувства*») означает переживание эмоциональной боли вследствие совершенных поступков, слов или отношения других людей. Также в значении: **hurt feelings**. Устойчивое сочетание **sound hurt** «*звучать обиженно*» («*выглядеть обиженным*») в современном английском языке означает, что чья-либо речь или голос передают внутреннее чувство огорчения или расстройства, даже если это не выражено напрямую.

В результате изучения лексемы «**Hurt**» по данным Британского корпуса английского языка было выявлено **4 263** вхождения [BNC: эл.ресурс].

На следующем этапе исследования была определена частотность большого количества словосочетаний и выражений с данной лексемой.

Выражение **Badly hurt** «Сильно страдать» – найдено 89 предложений. «*This is a flirt that can be **badly hurt** by an unfortunate statement about her*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Это кокетка, которая может быть **сильно** уязвлена неудачным высказыванием на ее счет*».

Выражение **Really hurt** «По-настоящему больно» («правда больно») – найдено 62 предложения. «*I'm trying to say is your betrayal **really hurt** me, Bon*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Твое предательство **действительно ранило** меня, Бон*».

Устойчивое сочетание **Deeply hurt** «Глубоко задеть» («ранить») – найдено 21 предложение. «*I think you should know my feelings are **deeply hurt***» [BNC: эл.ресурс]. – «*Я думаю, тебе следует знать, что мои чувства **глубоко задеты***».

Выражение **Feel hurt** «Обидеться» («чувствовать боль») – найдено 11 предложений. «*You get your **feelings hurt**, and then you just hurt everybody else*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Тебе **больно**, и ты причиняешь боль всем остальным*».

Little hurt «Немного обидно» – найдено 11 предложений. «*Although, I must say I'm a **little hurt** that you haven't considered me*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Должна сказать, **немного обидно**, что ты выбрал не меня*».

Hurt feelings «Задетые чувства» («обиды») – найдено 11 предложений. «*In a long-term relationship, **hurt feelings** are inevitable*» [BNC: эл.ресурс]. – «*В длительных отношениях **обиды** неизбежны*».

В современном английском языке лексема «**Sufferring**» используется в значении «physical or mental pain» [Longman: 2013, с. 2139] («физическая или внутренняя душевная боль»).

Английский изобилует выражениями и сочетаниями с лексемой «**Sufferring**», что наглядно подтверждается данными BNC, анализ которых показал 4 115 вхождений этой лексемы [BNC: эл.ресурс]. Такое количественное преимущество указывает на высокую значимость лексемы «**Sufferring**» в языковой картине мира носителей английского языка. Дальнейший анализ был направлен на выявление частотных характеристик наиболее употребительных словосочетаний и выражений с участием данной лексемы.

Выражение **Suffering from** «Страдать от чего-либо» – найдено 1 399 предложений. «**Suffering from** shy child afraid to attract too much attention» [BNC: эл.ресурс]. – «*Страдающий от застенчивости ребенок боится привлечь к себе лишнее внимание*».

Pain and suffering «Боль и страдание» зафиксировано в 82 документах. «*The future holds much pain and suffering for you, Arthur Pendragon*» [BNC: эл.ресурс]. – «*В будущем тебя ожидает много боли и страданий, Артур Пендрагон*».

Without suffering «Без страданий» («не испытывая страданий») – найдено 28 предложений. «*And it is a world without fear and without suffering and without hate*» [BNC: эл.ресурс]. – «*И это будет мир без страха, без страданий и ненависти*».

Long suffering «Многострадальный» («долгие страдания») – найдено 18 предложений. «*Love is long suffering, love is kind, it is not jealous, not inflated and does not boast*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Любовь долготерпима и милосердна... Любовь не завидует, Любовь не превозносится и не гордится...*».

Full of suffering «Полный страданий» – найдено 8 предложений. «*Life is full of suffering that you must learn to accept*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Жизнь полна страданий, которые вы должны научиться принимать*».

Obviously suffering «Явно страдать» – найдено 7 предложений. «*You're obviously suffering from a severe emotional disturbance*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Вы очевидно страдаете от тяжелых эмоциональных расстройств*».

Лексема «**Upset**» в современном английском языке определяется как «unhappy and worried because something unpleasant or disappointing has happened» [Longman: 2013, с. 2328] («быть несчастным или обеспокоенным из-за того, что произошло что-либо неприятное или разочаровывающее»). Например, **upset sb's feelings** «расстроить» передает семантику «огорчить, привести в плохое настроение».

Обращение к BNC выявляет обширный пласт выражений и словосочетаний с лексемой «**Upset**», активно функционирующих в современной языковой практике. Разнообразие контекстов, в которых встречается «**Upset**» включает широкий

спектр эмоциональных состояний – от оттенков эмоционального расстройства до глубокого душевного волнения. В ходе анализа эмоциональной лексемы «**Upset**» по данным Британского корпуса английского языка было выявлено **3 012** вхождений [BNC: эл.ресурс].

Устойчивое сочетание **Very upset** «Очень расстроиться» («сильно расстроиться») – найдено 184 предложения. «*The boy was **very upset** because he feared for his mother*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Мальчик **был расстроен**. Он очень испугался за свою маму*».

Сочетание **Upset about** «Расстроиться из-за чего-либо» («огорчиться из-за чего-либо») – найдено 124 предложения. «*Perhaps he was just **upset about** that girl*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Возможно он был просто **расстроен из-за** той девушки*».

Устойчивое выражение **Really upset** – «Быть по-настоящему расстроенным» – найдено 69 предложений. «*You sound **really upset***» [BNC: эл.ресурс]. – «*Ты выглядишь **очень расстроенной***».

Выражение **Too upset** «Слишком расстроиться» – найдено 56 предложений. «*Said she was **too upset** to talk*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Она была **слишком расстроена**, чтобы говорить*».

Выражение **More upset** «Еще больше расстроиться» («огорчиться») – найдено 35 предложений. «*He's probably **more upset** than you think*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Он, наверное, **больше расстроен**, чем ты думаешь*».

Устойчивое выражение **Bit upset** «Быть немного расстроенным» – найдено 34 предложения. «*She came back from the cemetery a **bit upset**. But she'll be fine*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Она вернулась **расстроенная**, но это пройдёт*».

Выражение **Quite upset** «Быть очень расстроенным» – найдено 19 предложений. «*To be honest, she was **quite upset** at seeing Marigold again*» [BNC: эл.ресурс]. – «*Откровенно говоря, встреча с Мэриголд её **очень расстроила***».

Сочетание **Feel upset** «Чувствовать огорчение» («расстраиваться») – найдено 15 предложений. «*I'm really sorry for causing you to **feel upset***» [BNC: эл.ресурс]. – «*И мне искренне жаль, что из-за меня Вы **расстроились***».

Устойчивое сочетание **Deeply upset** «Быть глубоко опечаленным» («быть расстроенным») – найдено 15 предложений. «*Naturally, we are all **deeply upset** and saddened at this tragedy*» [BNC: эл.ресурс]. – «Конечно же все мы **убиты горем**, и глубоко опечалены произошедшей трагедией».

Сочетание **Little upset** «Немного расстроиться» – найдено 13 предложений. «*Wow, you seem a **little upset**, Marcus*» [BNC: эл.ресурс]. – «Ух, кажется, ты **немного расстроен**, Маркус».

Эмоциональная лексема «**Anxiety**» в современном английском языке определяется как «the feeling of being very worried because you think something bad might happen» [Longman: 2013, с. 96] («чувство сильного беспокойства из-за того, что вы думаете, что может случиться что-то плохое»). Например, **feel anxiety** «чувствовать беспокойство», «испытывать беспокойство» в английском языке определяется как «быть в состоянии тревоги и волнения». Также в значении: **suffer from anxiety** «страдать от беспокойства». Выражение **reduce anxiety** «уменьшить беспокойство» в английском языке означает подавление сильного чувства волнения. Также в значении: **relieve anxiety** «избавиться от беспокойства».

В литературном английском языке широко применима эмоциональная лексема «**Anxiety**», которая четко отражается на базе литературных источников Британского корпуса английского языка.

В результате исследования эмоциональной лексемы «**Anxiety**» по данным Британского корпуса английского языка было выявлено 2 567 вхождений [BNC: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Anxiety about** «Беспокоиться о чем-либо» («тревожиться о чем-либо») – найдено 204 предложения. «*I wrote this song as sort of a statement about uncertainty and having a certain amount of **anxiety about** the future*» [BNC: эл.ресурс]. – «Я написал эту песню в знак моей неуверенности и некоторого **беспокойства перед будущим**».

Выражение **Some anxiety** «Некая тревога» («некоторое беспокойство», «некий страх») – найдено 43 предложения. «*He spoke with **some anxiety** about the*

*safety of General de Gaulle» [BNC: эл.ресурс]. – «Он выразил **некоторое беспокойство** по поводу безопасности генерала де Голля».*

Устойчивое сочетание **Stress and anxiety** «Стресс и тревога» («стресс и волнение») – найдено 25 предложений. «**Stress and anxiety are considered as the main causes of insomnia issues**» [BNC: эл.ресурс]. – «**Стресс и волнение** оказывают негативное влияние на качество сна».

Сочетание **Great anxiety** «Большое беспокойство» («большая тревога») – найдено 22 предложения. «*I know the story of this woman will cause some people **great anxiety***» [BNC: эл.ресурс]. – «Я знаю, что история этой женщины вызовет у некоторых людей **большое беспокойство**».

Выражение **Source of anxiety** «Источник беспокойства» («источник тревог», «источник страха») – найдено 19 предложений. «*For many of us, the unknown can be a **great source of anxiety***» [BNC: эл.ресурс]. – «А для многих из нас неизвестное бывает **источником тревоги**».

Устойчивое выражение **Level of anxiety** «Уровень тревоги» («уровень беспокойства») – найдено 19 предложений. «*Day-to-day fears may cause a person to experience some **level of anxiety or panic***» [BNC: эл.ресурс]. – «Ежедневные страхи могут создать у человека некоторый **уровень беспокойства** или паники».

Сочетание **Fear and anxiety** «Страх и беспокойство» («страх и тревога») – найдено 13 предложений. «**Fear and anxiety can badly affect one's life**» [BNC: эл.ресурс]. – «**Страх и беспокойство** могут плохо сказаться на жизни человека».

Лексема «**Depression**» в современном английском языке определяется как «a medical condition that makes you very unhappy and anxious and often prevents you from living a normal life» [Longman: 2013, с. 576] («заболевание, которое делает вас очень несчастным и тревожным и часто мешает вам жить нормальной жизнью»). Семантическое поле депрессии представлено целым рядом единиц, где особое место занимает **deep depression** «глубокая депрессия», акцентируя глубину патологического состояния, при котором болезнь неуклонно прогрессирует. Близкое по значению выражение **severe depression** «тяжелая депрессия»

подчеркивает тяжесть психического расстройства, маркируя устойчивое снижение настроения как его доминирующий признак.

Исследование корпусных данных BNC позволило обнаружить широкий пласт устойчивых словосочетаний и выражений, сформировавшихся вокруг лексемы «**Depression**» в англоязычном дискурсе. В результате исследования эмоциональной лексемы «**Depression**» по данным Британского корпуса английского языка было выявлено 2 224 вхождения [BNC: эл.ресурс].

Устойчивое выражение **Severe depression** «Тяжелая депрессия» – найдено 29 предложений. «*She suffered from severe depression after Dani was born*» [BNC: эл.ресурс]. – «Она страдала от **тяжёлой депрессии** после рождения Дани».

Устойчивое сочетание **With depression** «С чувством депрессии» – найдено 28 предложений. «*With depression, people gradually lose their former interests*» [BNC: эл.ресурс]. – «**При депрессии** люди постепенно теряют прежние интересы».

Выражение **Deep depression** «Глубокая депрессия» – найдено 25 предложений. «*Her mother's death plunged her into a deep depression*» [BNC: эл.ресурс]. – «Смерть ее матери ввела ее в **глубокую депрессию**».

Сочетание **Bouts of depression** «Приступы депрессии» – найдено 15 предложений. «*The writer suffered from frequent, deep and lengthy bouts of depression*» [BNC: эл.ресурс]. – «Писатель страдал от частых, глубоких и длительных **приступов депрессии**».

Сочетание **Slight depression** «Легкая депрессия» («небольшая депрессия») – найдено 6 предложений. «*It's perfectly normal to feel a slight depression right after your wedding day*» [BNC: эл.ресурс]. – «Вполне нормально чувствовать **легкую депрессию** сразу после свадьбы».

Устойчивое сочетание **Depression and insomnia** «Депрессия и бессонница» – найдено 5 предложений. «*I was suffering from depression and insomnia*» [BNC: эл.ресурс]. – «Я страдал от **депрессии и бессонницы**».

Выражение **Feeling of depression** «Чувство депрессии» («чувство подавленности») – найдено 4 предложения. «*No emotional condition is more infectious than the feeling of depression*» [BNC: эл.ресурс]. – «Ни одно

эмоциональное состояние не является более пагубным и заразительным, чем *чувство депрессии*».

Сочетание *Anger and depression* «Гнев и депрессия» – найдено 3 предложения. «*Intelligent people usually suffer from loneliness, anger and depression*» [BNC: эл.ресурс]. – «Умные люди чаще страдают от одиночества, гнева и депрессии».

2.5. Дефиниционный анализ эмоционального концепта «Ғам – Sadness» («Печаль») в таджикском и английском языках

Дефиниционный анализ изучает смысловые значения лингвоконцептов через призму толкований, представленных в различных лексикографических источниках и корпусах языка, выявляя степень их взаимосвязи. Дефиниции отражают языковую картину мира и дают доступ к пониманию языкового сознания.

Эмотивные концепты выражают положительные и отрицательные переживания человека, формируются под влиянием внешних условий и проявляются в конкретных жизненных ситуациях. Эмотивный концепт – это ментальное образование в сознании индивида, обеспечивающее доступ к концептосфере социума и вход в нее.

Концепт «Печаль» в разных языковых картинах мира представляет собой индивидуально-чувственные эмоции, структурно организованные в виде ядра, периферии и обширного интерпретационного поля, включающего в себя единицы с дифференциальными когнитивными признаками, которые передают определённое состояние сознания и уровень эмоционального переживания.

С целью выявления перцептивной составляющей ядра лингвоконцепта «Печаль» в рассматриваемых языках был проведён дефиниционный анализ на материале лексикографических источников, а также корпусов таджикского и английского языков. Отметим, что данные отражают достаточно ёмкое с точки зрения семантики истолкование концепта, а дефиниции преимущественно акцентируют внимание на элементах, связанных с перцептивным опытом человека.

Некоторые образы, актуализирующие данный концепт в рамках национальной концептосферы, включают как предметные, так и чувственные образы, тем самым расширяя границы исследуемого концепта и обогащая его содержательную структуру.

В таджикском культурном сознании, народной психологии концепт «**Ғам**» занимает особое место и наделен особым статусом, что отражает его значимость для этнического мировосприятия. Анализ таджикской языковой картины мира позволяет говорить о сложной, многоуровневой организации данного эмоционального концепта, что обусловлено длительной историей развития и глубокой интеграцией в различные сферы национальной культуры.

Однако при всей универсальности базовых человеческих эмоций, каждая этнокультурная традиция вырабатывает собственные способы концептуализации. А жизненный опыт, неразрывно связанный с чередованием скорби и ликования, закономерно находит отражение во всех литературных жанрах, где концепт «**Ғам**» предстает в богатейшей гамме коннотативных значений – от философской печали до глубокой экзистенциальной тоски.

В качестве эмпирической базы для всестороннего анализа концепта «**Ғам**» выступили лексикографические труды, представленные некоторыми словарями таджикского языка.

В «Словаре таджикского языка (X – начало XX века)» под редакцией М.Ш. Шукурова представлены синонимы, устойчивые сочетания и литературные примеры, отражающие значение эмоциональной лексемы «**Ғам**». [ФЗТ. Ч. 2: 1969, с. 645]. Например: «*Агар **гамро** чу оташ дуд будӣ, / Ҷаҳон торик будӣ ҷовидона*» (Шаҳиди Балхӣ) [ФЗТ. Ч. 2: 1969, с. 645]. – «*Когда бы дым валил от **горя**, как от костра лесного, / Лишился б мир, закрытый дымом, сияния дневного...*» (Шахиди Балхи).

«*Ман аз хубон бaсе гамҳои мушкил дидаам, лекин / **Ғами** ҳичрон бувад мушкилтарини ҷумла мушкилҳо*» (Ҳилолӣ) [ФЗТ. Ч. 2: 1969, с. 645]. – «*Я столько настрадался от любви! / Но **горше** нет, чем жить с тобой в разлуке...*» (Хилоли).

Выражение **Ғам гусордан** в современном таджикском языке переводиться как «гам хӯрдан», «гам дидан» («переживать, грустить, горевать»). Например: «*Бо ишқи ту ғаме намегусорам, / Ишқи ту ғам асту ғамгусор аст*» (Анварӣ) [ФЗТ. Ҷ. 2: 1969, с. 645]. – «*Я не скорблю о твоей любви, / Твоя любовь горька и так печальна*» (Анварӣ).

Выражение **Аз ғам осуда будан** в таджикском языке имеет значение «киноя аз беғам будан», «дур аз ғам будан» («быть беззаботным», «жить без бед и печалей»). Например: «*Ба ту осуда будам аз ҳама ғам, / Ту бимурдию ман наёсоям*» (Масъуди Саъдӣ) [ФЗТ. Ҷ. 2: 1969, с. 645]. – «*С тобой я был свободен от печалей, / Скончалась ты, и нет покоя мне*» (Масуд Саади).

Основные лексемы-синонимы: **гусса** (печаль, тоска, грусть, горе, скорбь), **андӯҳ** (печаль, тоска, уныние, горе), **хафагӣ** (грусть, печаль, хандра, огорчение, обида, досада) [ФЗТ. Ҷ. 2: 1969, с. 645].

В «Таджикско-русском словаре» под редакцией Я. Калонтарова лексема «**Ғам**» переводится как «горе, печаль, скорбь» [Калонтаров: 2008, с. 93].

Лексема «**Ғам**» входит в состав многочисленных устойчивых выражений и словосочетаний, занимающих значимое место в современном литературном таджикском языке: **ғаму гурбат** (печаль, огорчения, забота); **ғами зиндагӣ** (житейские заботы); **ғам хӯрдан** (горевать, печалиться, грустить, заботиться, беспокоиться).

Словообразовательное гнездо с корнем «**Ғам**» включает несколько продуктивных лексем, каждая из которых вносит свой вклад в репрезентацию этого эмоционального концепта: **ғамзада** (опечаленный, печальный, убитый горем), **ғамгинона** (печально, тоскливо), **ғамангез** (печальный, грустный), **ғамдида** (испытывавший горечь, опечаленный), **ғамовар** (вызывающий печаль, печальный, навевающий тоску), **ғамгин** (печальный, огорченный, тоскливый).

«Толковый словарь таджикского языка» выступает ценным источником, фиксирующим не только лексическое значение слов, но и широкий круг словосочетаний, фразеологических оборотов и паремиологических единиц с их детальной семантизацией, что позволяет проследить особенности

функционирования языковых единиц в различных контекстах: *заму алам* (боль и печаль, грусть и печаль, боль и горечь), *заму андӯх* (горесть и печаль, печаль и тоска, грусть и печаль), *заму кулфат* (горести и печали, тяготы и заботы, переживания и горести), *заму гусса* (тоска и печаль) [ФТЗТ: 2008, с. 372].

Выражение *Бори гам* («тяжелое бремя», «тяжкая ноша») в таджикском языке имеет значение чего-либо тяжелого, что налагает большую ответственность [Тагаева: 2023, с. 318]. Устойчивое выражение *Гам додан* («опечалить», «вызвать тоску и печаль», «беспокоить», «причинить беспокойство») в таджикском языке несет в себе значение «печалить, омрачать, причинять беспокойство, беспокоить, волновать» [ФТЗТ: 2008, с. 372]. Выражение *Гам доштан* («тревожить», «беспокоить») имеет значение «печалиться, грустить, беспокоиться, опасаться, волноваться, тревожиться» [ФТЗТ: 2008, с. 372]. Устойчивое выражение *Фами касеро доштан* («печалиться о ком-л.», «горевать о ком-л.») в таджикском языке имеет значение «думать о ком-л.», «волноваться из-за этого, испытывать тревогу насчет кого-л.» [ФТЗТ: 2008, с. 372].

Выражение *Дар гами касе (чизе) будан* («печалиться о ком-л. (чем-л.)») в таджикском языке определяется как «переживая, думать о чем-л. благополучии», «беспокоиться о ком-л., о чем-л.» [ФТЗТ: 2008, с. 372]. Устойчивое выражение *Гам хӯрдан* («переживать», «грустить», «горевать») в языке несет в себе значение «печалиться, сокрушаться, грустить», «расстраиваться, размышляя о последствиях чего-л.» [ФТЗТ: 2008, с. 372].

Выражение *Фами касеро хӯрдан* («переживать о ком-л.») в таджикском языке имеет толкование «думать о чем-л. благополучии», «проявлять заботу о ком-л.» [ФТЗТ: 2008, с. 372]. Выражение *Фами чизеро хӯрдан* («переживать о чем-л.») несет в себе значение «размышлять или беспокоиться о чем-л. заранее», «принять меры относительно чего-л.» [ФТЗТ: 2008, с. 372]. Выражение *Дар гам афтодан* («впасть в уныние», «впасть в отчаяние», «впасть в тоску») в языке определяется как «печалиться, сокрушаться, грустить», «огорчаться, печалиться» [ФТЗТ: 2008, с. 372]. Выражение *Чӣ гам дорам* имеет четкое толкование и говорит о человеке, у которого «нет переживаний», «нет забот» [ФТЗТ: 2008, с. 372].

В «Русско-таджикском словаре» под редакцией М.Ф. Фазылова и «**Полном русско-таджикском словаре**» под редакцией С.Р. Али-заде и А. Исмаил-заде языковая лексема «**Ғам**» имеет только небольшое количество синонимов и лексем с общим корнем «**Ғам**» [Фазылов: 1957, с. 111, 381] [Али-заде, Исмаил-заде: 1934, с. 365]:

Основные лексемы-синонимы: *ғам* (печаль, грусть, скорбь, горе), *ғусса* (печаль, грусть, тоска), *андӯҳ* (горе, печаль, грусть, тоска), *хӯзн* (грусть, печаль, тоска), *хафағӣ* (грусть, печаль, хандра, огорчение), *ғамгин* (печальный, грустный, тоскливый; безрадостный), *андӯҳгин* (печальный, грустный, тоскливый), *малӯл* (печальный, грустный, унылый, удрученный), *махзун* (грустный, печальный, унылый, заунывный, тоскливый), *ғамгинона* (печально, грустно, тоскливо), *андӯҳгинона* (печально, грустно, тоскливо), *малӯлона* (печально, уныло, удрученно), *махзунона* (печально, уныло, грустно, тоскливо), *хафа* (грустный, печальный, удрученный, огорченный), *ғамангез* (вызывающий грусть, печаль, тоску), *ғамовар* (причиняющий горе, страдания; навевающий тоску, уныние), *хӯзновар* (вызывающий печаль, наводящий тоску, печальный, тоскливый, жалобный) [Фазылов: 1957, с. 111, 381] [Али-заде, Исмаил-заде: 1934, с. 365].

В «Таджикско-русском словаре» под редакцией Д. Саймиддинова для эмоционального концепта «**Ғам**» дается значение «печаль», «грусть»; «скорбь», «горе» [ФТБР: 2006, с. 180].

Далее в словаре присутствует небольшая группа устойчивых сочетаний: *ғами зиндағӣ* (жизненные невзгоды), *ғами рӯзгори хона* (домашние заботы), *ғаму ғусса* (печаль, скорбь), *ғаму кулфат* (тяготы и заботы, переживания и горести), *ғамашро набинам* (пусть ему, у него (нее) не будет горя, я хочу ему (ей) только добра), *ғам додан* (опечалить, вызвать тоску и печаль, беспокоить), *ғам хӯрдан* (переживать, грустить, горевать), *ғами касеро / чизеро хӯрдан* (печалиться о ком-л., чём-л., горевать о ком-л., чём-л., помогать кому-л., чему-л., опекать кого-л.) [ФТБР: 2006, с. 180].

В «Кратком русско-таджикском и таджикско-русском словаре синонимов» В.А. Капранова дается небольшое количество синонимов: *ғамгин*

(печальный, огорченный, тоскливый), **гамангез** (печальный, грустный, возбуждающий печаль), **андӯҳгин** (печальный, грустный, тоскливый), **махзун** (грустный, печальный, унылый, заунывный, тоскливый), **хузнавар** (вызывающий печаль, наводящий тоску, печальный, тоскливый, жалобный), **ҳазин** (печальный, грустный, унылый, скорбный, жалобный), **андӯҳовар** (печальный, вызывающий грусть, прискорбный), **маъюс (она)** (безнадежный, опечаленный, разочарованный, отчаявшийся, потерявший надежду), **рӯҳафтода** (упавший духом, удрученный), **ношод** (подавленный, грустный, скучающий), **пурғам** (полный печали, полный забот и хлопот), **ноумед (она)** (отчаявшийся, потерявший надежду, упавший духом), **хафа** (грустный, печальный, удрученный, огорченный) [Капранов: 1985].

В «Русско-таджикском словаре» М.С. Асимова для лексемы «Печаль» и ее производных дается несколько лексем-синонимов: **гам** (печаль, грусть, скорбь, горе), **гусса** (печаль, грусть, тоска, скорбь), **андӯҳ** (горе, печаль, грусть, тоска), **хузн** (печаль, грусть, тоска), **алам** (горе, печаль, страдание, боль), **махзун** (грустный, печальный, унылый, заунывный, тоскливый), **гамгин** (печальный, огорченный, тоскливый), **пуралам** (печальный, полный страданий), **андӯҳгин** (печальный, грустный, тоскливый), **гамангез** (печальный, грустный, возбуждающий печаль), **гамгин шудан** (печалиться, впасть в уныние, грустить, тосковать), **андӯҳгин шудан** (печалиться, грустить, сокрушаться), **махзун шудан** (грустить, печалиться, унывать, тосковать), **гамгин кардан** (печалить, огорчать), **андӯҳгин кардан** (печалить, омрачать), **махзун кардан** (печалить, заставлять грустить), **махзунона** (печальный, грустный, унылый, тоскливый), **аламангезона** (тосливо, скорбно, горестно), **гамгинона** (печально, грустно, тосливо), **бохузн** (с грустью, с печалью, с тоской) [Асимов: 1985].

В «Словаре синонимов таджикского языка» М. Мухаммадиева отмечено большое количество синонимов, а также дается подробное описание того, как данные синонимы используются в литературном таджикском языке вместе с практическими примерами устойчивых сочетаний и выражений [Мухаммадиев: 1975, с. 235].

Система языковых средств выражения концепта «Ғам» («Печаль») в таджикском языке базируется на ряде синонимических единиц, которые формируют его понятийное ядро и обеспечивают семантическое разнообразие при передаче оттенков печали: *андӯх* (горе, печаль, грусть, тоска), *гусса* (печаль, грусть, тоска, скорбь), *дард* (боль, страдание, печаль, скорбь, горесть), *алам* (горе, печаль, страдание, боль), *кадар* (грусть, печаль, огорчение, темнота, мрак), *мусибат* (несчастье, бедствие, беда), *кулфат* (горе, огорчение, трудности), *хузн* (грусть, печаль, тоска), *хирмон* (лишение, нужда, обездоленность) [Мухаммадиев: 1975, с. 235].

В англоязычной лексикографии эмоциональная лексема «Sadness» имеет огромное количество дефиниций, отражающих как внутренние эмоциональные состояния, так и внешние проявления.

В Кембриджском словаре английского языка «Cambridge Advanced Learner's Dictionary» основное значение чувства печали определяется как «unhappy or sorry» [McCarthy, O'Dell: 2013] («чувство несчастья или сожаления»). Например: «I've just received some very **sad** news» [McCarthy, O'Dell: 2013]. – «Я только что получила очень **печальную** новость». «She gave a rather **sad** smile». – «Она **грустно** улыбнулась».

В словаре «Cambridge academic content Dictionary» представлены несколько лексем-синонимов к эмоциональной лексеме «Sadness», каждая из которых вместе с толкованием сопровождается практическими примерами: **unhappy** (несчастный), **miserable** (горестный), **upset** (расстроенный), **broken-hearted** / **heartbroken** (убитый горем / с разбитым сердцем), **devastated** (опустошенный), **distraught** (смущенный, обезумевший от горя), **depressed** (унылый), **down** (подавленный), **low** (подавленный, униженный) [CACD: 2009, с. 826].

Так, лексемы **unhappy** (несчастный, несчастливый) и **miserable** (горестный, несчастный) по определению вышеуказанного словаря могут означать «the same as «sad» [CACD: 2009, с. 1041] (то же, что и «печальный»), указывая на их принадлежность к категории выражения горестного душевного состояния.

Например: «*She'd had a very **unhappy** childhood*» [CACD: 2009, с. 1041]. – «У нее было очень **несчастливое** детство». «*I just woke up feeling **miserable*** [CACD: 2009, с. 1041]. – Я только что проснулся, чувствуя себя **несчастливым**».

Лексема **upset** (расстройство, огорчение) определяется как «someone who is unhappy because something bad has happened» [CACD: 2009, с. 1041] («*тот, кто несчастлив из-за того, что случилось что-то плохое*»). Она отражает состояние душевного переживания или боли, вызванных произошедшим ранее событием. Например: «*They'd had an argument and he was still **upset** about it*» [CACD: 2009, с. 1041]. – «Они поссорились, и он все еще был **расстроен** из-за этого». «*Mike got very **upset** when I told him the news*» [CACD: 2009, с. 1041]. – «Майк очень **расстроился**, когда я сообщила ему эту новость».

Лексемы **broken-hearted** (убитый горем) и **heartbroken** (с разбитым сердцем) в английском языке имеют значение «you are very sad, often because someone you love has ended a relationship with you» [CACD: 2009, с. 1041] («*вам очень грустно, часто из-за того, что тот, кого вы любите, разорвал с вами отношения*»). Они выражают сильную душевную подавленность, описывая эмоциональные переживания и глубокую душевную боль, связанную с потерей любимого человека. Например: «*She was **broken-hearted** when Richard left*» [CACD: 2009, с. 1041]. – «Она была **убита горем**, когда Ричард ушел».

Лексемы **devastated** (опустошенный, подавленный) и **distraught** (смущенный, отчаявшийся, обезумевший от горя) в английском языке определяются как «you are extremely upset» [CACD: 2009, с. 1041] («*вы чрезвычайно расстроены*»). Они несут в себе значение душевного состояния крайней безысходности, отсутствия надежды на что-либо. Например: «*He was **devastated** when he lost his house*» [CACD: 2009, с. 1041]. – «Он был **в подавленном состоянии**, когда потерял свой дом». «*She was **distraught** over the article and feared losing her job*» [CACD: 2009, с. 1041]. – «Она была **в отчаянии** из-за этой статьи и боялась потерять работу».

Прилагательные **depressed** (депрессивный, угнетенный), **down** (подавленный, печальный, удрученный), или **low** (унылый, подавленный) в английском языке имеют определение «often used when someone is very unhappy for a long time» [CACD: 2009,

с. 1041] (*«чаще всего используются, когда кто-л. очень несчастен в течение долгого времени»*) и обозначает угнетенное или мрачное настроение. Например: *«It makes her **depressed** to think about the injury»* [CACD: 2009, с. 1041]. – *«Мысль о травме приводит ее в **уныние**»*. *«I've been feeling a little **down** recently»* [CACD: 2009, с. 1041]. – *«В последнее время я чувствую себя немного **подавленным**»*. *«He was very **low** for months after he lost his job»* [CACD: 2009, с. 1041]. – *«Он был очень **подавлен** в течение нескольких месяцев после того, как потерял работу»*.

В лексикографической традиции английского языка важное место занимает «**Merriam-Webster's Advanced LEARNER'S English Dictionary**», где представлены подробные толкования концепта «**Sadness**», отражающие его семантическую структуру и концептуальные особенности:

1. **“not happy; feeling or showing grief or unhappiness»** [Merriam-Webster: 2016, с. 1433] (*быть несчастным; чувствовать или демонстрировать свое горе или несчастье*);
2. **“causing a feeling of grief or unhappiness”** [Merriam-Webster: 2016, с. 1433] (*то, что вызывает чувство горя или несчастья*).

Приведенные дефиниции отражают двуединую природу печали, охватывая субъективные переживания человека и объективные внешние стимулы и обстоятельства, способные провоцировать данную эмоцию или устойчиво сопрягаться с ней в языковом сознании. Материалы «**The American Heritage Dictionary of the English language**» содержат развернутые лексикографические описания концепта «**Sadness**», что позволяет ознакомиться с его многогранной семантикой и оценить богатство репрезентации:

1. **affected or characterized by sorrow or unhappiness** [TAHDEL: 2016, с. 6320] (*подверженный влиянию или характеризующийся печалью, или несчастьем*);
2. **expressive of sorrow or unhappiness** [TAHDEL: 2016, с. 6320] (*выражающий печаль или состояние несчастья*);
3. **causing sorrow or gloom; depressing** [TAHDEL: 2016, с. 6320] (*вызывающий чувство печали или уныния; угнетенное состояние*);

4. **deplorable; sorry** [ТАНДЕЛ: 2016, с. 6320] (*прискорбный; вызывающий сожаление*);

5. **dark-hued; somber** [ТАНДЕЛ: 2016, с. 6320] (*темного оттенка; мрачный*).

Дополнительную информацию о семантическом объеме исследуемого концепта дает представленный в словаре синонимический ряд: **sad** (*грустный, печальный*), **melancholy** (*меланхолический, унылый*), **sorrowful** (*несчастный, скорбный*), **doleful** (*скорбный, печальный, страдальческий*), **woebegone** (*мрачный, горестный*), **desolate** (*унылый, безрадостный, безутешный*) [ТАНДЕЛ: 2016, с. 6320].

Данный перечень отражает разнообразие оттенков эмоционального состояния печали и подчеркивает богатство англоязычной лексики для описания нюансов душевного состояния.

В толковом словаре английского языка Харпера Коллинза «**Collins COBUILD English Language Dictionary**» лексема «**Sadness**» определяется как:

1. if you are **sad**, you are not happy, usually because something has happened that you do not like (*если вам грустно, вы несчастливы, обычно потому, что произошло что-то, что вам не нравится*);

2. make you feel **sad** (*то, что заставляет вас грустить*) [Collins: 2016, с. 1278; Collins: 2018, с. 4755].

В толковом словаре английского языка под редакцией М. Джойса чувство печали интерпретируется как «**unhappy; showing or causing sorrow, sadly**» [Хокинс: 2008, с. 411] (*«несчастье, проявление или причинение грусти, тоски»*). Данная дефиниция акцентирует два взаимосвязанных аспекта печали субъективное состояние (**unhappy**) и объективированное проявление либо способность эмоционально воздействовать на других (**showing or causing sorrow**). Эта особенность свидетельствует о семантической объемности концепта «Sadness» в английской языковой картине мира. К аналогичным выводам приводит обращение к «**Longman Collocations Dictionary and Thesaurus**», где содержится детальное

толкование данной лексемы с учетом ее парадигматических и синтагматических связей:

1. **not happy, especially because something unpleasant has happened** (*быть несчастным, особенно потому, что случилось что-то неприятное*);
2. **making you feel sad** (*то, что заставляет вас грустить*) [Longman: 2013, с. 422].

Более того, в данном толковании лексемы есть некоторые прилагательные-синонимы и описание того, как их используют в контексте.

Лексему **unhappy** можно использовать, говоря о людях или периодах времени. Например: «*Mrs Robinson feels trapped in an **unhappy** marriage*» [Longman: 2013, с. 1895]. – «*Миссис Робинсон чувствовала себя загнанной в ловушку **несчастливого** брака*». «*Sam had an **unhappy** childhood and his mother was an alcoholic*» [Longman: 2013, с. 1895]. – «*У Сэма было **несчастливое** детство, а его мать была алкоголичкой*».

Обычно использование в сочетаниях лексемы **sad** мотивировано идеей о непродолжительном промежутке времени. Например: **sad moment** («*печальный момент*», «*печальное мгновение*»), **sad occasion** («*печальное событие*»), **sad day** («*печальный день*», «*унылый день*») [Longman: 2013, с. 1895].

Чаще всего лексема **sad** употребляется в контексте, когда происходит что-то нежелательное. Например: «*I'm **sad** that the holiday's over*» [Longman: 2013, с. 1896]. – «*Мне **грустно**, что праздник закончился*».

Лексема **homesick** транслирует чувство грусти или тоски, которые мы испытываем, когда находимся вдали от дома, семьи и друзей. Например: «*My sister was very **homesick** when she first went to college*» [Longman: 2013, с. 1896]. – «*Моя сестра очень **скучала** по дому, когда впервые поступила в колледж*».

Лексема **gloomy** используется в сочетаниях слов, описывающих внешние условия и внутренние состояния души – «*мрачный, унылый, угрюмый, печальный*». Например: **gloomy mood** (*мрачное настроение*), **gloomy atmosphere** (*мрачная атмосфера, унылая атмосфера*), **gloomy expression** (*мрачное выражение лица*), **gloomy thoughts** (*мрачные мысли*); «*There was a **gloomy mood** in the office that day*»

[Longman: 2013, с. 1896]. – «В тот день в офисе царило **мрачное настроение**». «He always has a rather **gloomy expression** on his face». – «У него всегда довольно **мрачное выражение** лица».

Лексема **glum** применяется в сочетаниях, выражающих как внутреннее душевное состояние человека, так и внешнее его проявление: **glum silence** (мрачное молчание), **glum expression** (мрачное выражение), **glum face** (мрачное лицо), **glum mood** (мрачное настроение). Пример в предложении: «They sat in **glum silence** after the news was announced» [Longman: 2013, с. 1896]. – «После объявления новостей они сидели в **мрачном молчании**». «Don't look so **glum**! Things aren't as bad as all that» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Не смотри так **мрачно**! Все не так уж и плохо».

Лексемные сочетания **dejected expression** (удрученное выражение лица) и **downcast expression** (подавленный взгляд) выражают внешнее проявление грусти и разочарования по поводу крушения надежд. Например: «His expression was **downcast** and he said «I wish you could stay longer» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Выражение его лица было **удрученным**, и он сказал: «Я бы хотел, чтобы ты осталась подольше». «I didn't pass», she said, looking **dejected**» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Я не сдала экзамен», – сказала она с **подавленным** видом». «The coach was understandably **downcast** after the team's last performance» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Понятно, что тренер был **подавлен** после последнего выступления команды».

Лексема **mournful** применяется в литературных сочетаниях, выражающих преимущественно внешние проявления печали, тоски и скорби. Например: **mournful sound** (унылый звук, жалобный звук), **mournful eyes** (печальные глаза, скорбящие глаза), **mournful expression** (скорбное выражение), **mournful face** (грустное лицо, угрюмое лицо), **mournful cry** (плач скорби). Пример в предложении: «They heard the **mournful sound** of the church bell» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Они слышали **заунывный** звон церковного колокола». «The dog looked at her with his big **mournful eyes**» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Пес посмотрел на нее своими большими **печальными** глазами».

Лексема **wistful** также используется в литературных сочетаниях, выражающих внешние проявления эмоции печали ввиду невозможности, неспособности изменить сложившиеся обстоятельства. Например: **wistful smile** (грустная улыбка), **wistful expression** (грустное выражение), **wistful look** (печальный взгляд), **wistful glance** (тоскливый взгляд), **wistful longing** (печальное томление). Пример в предложении: «*She looked at the young couple with a **wistful smile***» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Она посмотрела на молодую пару с *грустной улыбкой*». «*I wish I was going*», he said, with a **wistful look** out to sea» [Longman: 2013, с. 1896]. – «– Жаль, что я не еду», – сказал он, *печально глядя на море*. «*Robbie took a **wistful glance** at her dream house*» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Робби с *тоской* посмотрела на дом своей мечты».

Лексема **down** используется как компонент сочетаний, семантизирует чувство (чаще беспричинной) грусти, которое длится в течение нескольких часов или дней. Например: «*Whenever I'm feeling **down**, I go out and buy myself some new clothes*» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Всякий раз, когда мне становится *плохо*, я иду и покупаю себе новую одежду». «*She's been kind of **down** since that argument with Jack*» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Она была немного *подавлена* после той ссоры с Джеком».

Лексема **miserable** включена в сочетания, выражающие высокую интенсивность грусти по поводу одиночества, болезни, расстройства. Например: **miserable time** (ужасные времена, темные времена), **miserable life** (несчастливая жизнь, ничтожная жизнь, жалкая жизнь), **thoroughly miserable** (совершенно несчастный). Пример в предложении: «*I had a **miserable time** at college*» [Longman: 2013, с. 1896]. – «У меня были *ужасные времена* в колледже». «*Why is my **life** so **miserable**?*» [Longman: 2013, с. 1896] – «Почему моя жизнь так ничтожна?» «*He sat all alone in his room, feeling **thoroughly miserable***» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Он сидел в полном одиночестве в своей комнате, чувствуя себя *совершенно несчастным*».

Лексема **depressed** – часть сочетаний, выражающих глубокое состояние долгой печали по причине переломных жизненных этапов или

неудовлетворительного состояния здоровья. Например: «After his wife left him, he became **depressed** and refused to talk to anyone» [Longman: 2013, с. 1896]. – «После того как от него ушла жена, он впал в **депессию** и отказывался с кем-либо разговаривать». «Her husband's been very **depressed** since he lost his job» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Ее муж был в глубокой **депрессии** с тех пор, как потерял работу».

Лексема **heartbroken** описывает эмоциональные переживания и душевную боль, которую испытывают те, кто потерял любимого человека (по причине смерти, расставания и пр.). Например: «When Gary left her, she was **heartbroken**» [Longman: 2013, с. 1896]. – «Когда Гэри бросил ее, у нее было **разбито сердце**».

Лексема **distressed** в составе словосочетаний репрезентует состояние глубокого душевного расстройства как реакции на сильный стресс, вследствие чего человек теряет способность ясно мыслить. Например: **distressed state** (подавленное состояние), **distressed relatives** (расстроенные родственники). Пример в предложении: «The woman was clearly in a very **distressed** state» [Longman: 2013, с. 1897]. – «Женщина явно находилась в очень **подавленном состоянии**». «**Distressed** relatives waited for news about their loved ones» [Longman: 2013, с. 1897]. – «**Опечаленные** родственники ждали вестей о своих близких». «She was very **distressed** when he left her» [Longman: 2013, с. 1897]. – «Она была очень **опечалена**, когда он ушел от нее».

Прилагательные-синонимы, зафиксированные в толковом словаре Лонгмана, логично обращают нас к синонимическому ряду репрезентантов-существительных эмоционального концепта «**Sadness**»:

unhappiness (несчастье), **sorrow** (горе, печаль, скорбь), **misery** (страдание, мучение, несчастье, невзгода), **despair** (отчаяние, безысходность, упадок духа), **grief** (горе, скорбь, огорчение), **heartache** (душевная боль, страдание), **depression** (депрессия, уныние, угнетенное состояние), **melancholy** (меланхолия, уныние, тоска), **despondency** (отчаяние, уныние, подавленность) [Longman: 2013, с. 422].

В результате проведенного анализа было выявлено ограниченное синонимическое поле концепта «**Sadness**», однако особую ценность представляют

рассмотренные дефиниции, сопровождаемые большим количеством практических примеров.

Лексема **unhappiness** в современном английском языке определяется как «the unhappy feeling you have when you are in a very difficult or unpleasant situation, especially when this lasts for a long time» [Longman: 2013, с. 1898] («чувство несчастья, которое вы испытываете, когда оказываетесь в очень трудной или неприятной ситуации, особенно когда это длится очень долгое время»). Например: «After years of **unhappiness**, she finally decided to leave him» [Longman: 2013, с. 1898]. – «После долгих лет **несчастий** она, наконец, решила уйти от него». «She was a tense, nervous young woman, whose deep **unhappiness** was obvious to all those around her» [Longman: 2013, с. 1898]. – «Она была напряженной, нервной молодой женщиной, чье глубокое **несчастье** было очевидно всем окружающим». «You do not know how much pain and **unhappiness** you have caused» [Longman: 2013, с. 1898]. – «Вы не представляете, сколько боли и **несчастий** вы причинили».

Лексема **sorrow** в английском языке интерпретируется как «the feeling of being very sad, especially because someone has died or because terrible things have happened to you» [Longman: 2013, с. 1898] («чувство глубокой печали, в связи с чьей-либо кончиной или если произошли ужасные вещи с кем-либо»). Например: «There seemed to be nowhere to go to be alone with her **sorrow**» [Longman: 2013, с. 1898]. – «Казалось, ей некуда было пойти, чтобы побыть наедине со своим **горем**». «His voice was full of **sorrow**» [Longman: 2013, с. 1898]. – «Его голос был полон **печали**». «His heart was filled with great **sorrow** after her death» [Longman: 2013, с. 1898]. – «Его сердце было наполнено глубокой **печалью** после ее смерти».

Лексема **misery** в современном английском языке имеет толкование «great unhappiness, caused especially by living or working in very bad conditions» [Longman: 2013, с. 1898] («большое несчастье, вызванное, в частности, жизнью или работой в очень плохих условиях»). Например: «The cold weather is with us again and the **misery** of the homeless is increasing» [Longman: 2013, с. 1898]. – «К нам снова приходят холода, и **страдания** бездомных усиливаются». «They have brought death and human **misery** on a massive scale» [Longman: 2013, с. 1898]. – «Они принесли

смерть и **страдания** людям в огромных масштабах». «Thousands of families were destined to a life of **misery**» [Longman: 2013, с. 1898]. – «Тысячи семей были обречены на жизнь, полную **страданий**». «This woman caused so much **misery** and I'm glad she's gone» [Longman: 2013, с. 1898]. – «Эта женщина причинила мне столько **страданий**, и я рад, что она ушла».

Лексема **despair** обозначает «a feeling of great unhappiness, because very bad things have happened and you have no hope that anything will change» [Longman: 2013, с. 1898] («чувство огромного несчастья, потому что произошли очень плохие события, и у вас нет никакой надежды на то, что что-то изменится»). Например: «At the end of the month, she still had no job and was tired, frustrated, and close to **despair**» [Longman: 2013, с. 1898]. – «В конце месяца у нее все еще не было работы, и она была уставшей, расстроенной и близкой к **отчаянию**». «She cried out in **despair**» [Longman: 2013, с. 1898]. – «Она закричала от **отчаяния**». «After the game he was in a state of deep **despair**» [Longman: 2013, с. 1898]. – «После игры он был в состоянии глубокого **отчаяния**». «I sometimes wake up in the middle of the night filled with **despair**» [Longman: 2013, с. 1898]. – «Иногда я просыпаюсь посреди ночи, полный **отчаяния**».

Лексема **grief** в английском языке имеет определение «great sadness that you feel when someone you love has died» [Longman: 2013, с. 1898] («чувство огромной печали, которую вы испытываете, когда умирает тот, кого вы любите»). Например: «He was overcome with **grief** when his wife died» [Longman: 2013, с. 1899]. – «Он был охвачен **горем**, когда умерла его жена».

Под лексемой **heartache** понимается «a strong feeling of great sadness, especially because you miss someone you love» [Longman: 2013, с. 1899] («сильное чувство глубокой печали, особенно из-за того, что вы скучаете по тому, кого любите»). Например: «She remembered the **heartache** of the first Christmas spent away from her sons» [Longman: 2013, с. 1899]. – «Она вспомнила **душевную боль** от первого Рождества, проведенного вдали от своих сыновей».

Лексема **depression** определяется как «a mental illness that makes someone feel so unhappy that they have no energy or hope for the future, and they cannot live a normal

life» [Longman: 2013, с. 1899] («психическое заболевание, из-за которого человек чувствует себя настолько несчастным, что у него нет ни сил, ни надежды на будущее, и он не может жить нормальной жизнью»). Например: «He slipped into a **depression** in which he hardly ate or even left his room» [Longman: 2013, с. 1899]. – «Он впал в **депессию**, почти ничего не ел и даже не выходил из своей комнаты». «My husband suffers from **depression**» [Longman: 2013, с. 1899]. – «Мой муж страдает от **депессии**».

Лексема **melancholy** получает следующее толкование: «literary a feeling of sadness, especially one that affects a place, person etc. without any obvious reason» [Longman: 2013, с. 1899] («вызванное чувство грусти, особенно такое, которое влияет на место, человека и т.д. без какой-либо очевидной причины»). Например: «Modigliani expressed his **melancholy** through his painting» [Longman: 2013, с. 1899]. – «Модильяни выразил свое **чувство меланхолии** в живописи». «His music is full of **melancholy**» [Longman: 2013, с. 1899]. – Его музыка полна **меланхолии**. «Danskin was sitting up in bed staring at them with an expression of deep **melancholy**» [Longman: 2013, с. 1899]. – «Данскин сидел на кровати и смотрел на них с выражением глубокой **меланхолии** на лице».

Лексема **despondency** понимается как «formal a feeling of being very unhappy and without hope» [Longman: 2013, с. 1899] («формальное ощущение того, что ты очень несчастлив и у тебя нет надежды»). Например: «She felt useless, and this contributed to her feelings of **despondency**» [Longman: 2013, с. 1899]. – «Она чувствовала себя бесполезной, и это усугубляло ее **уныние**».

Таким образом, проведённый дефиниционный анализ дал возможность выявить исходную семантическую структуру эмоционального концепта «Печаль» в таджикском и английском языках.

В таджикском языке эмоциональный концепт «**Ғам**» носит в себе как положительное и, так и отрицательное значения, что отражено в таджикских лексикографических материалах. Анализ показал, что исходная семантика концепта «**Ғам**» аккумулирует спектр негативных переживаний: от глубокой грусти и тоски до острой скорби и душевной боли, источником которых выступают

внутренние конфликты и психологические потрясения. В английском языке эмоциональный концепт **«Sadness»** выражается исключительно в отрицательном ключе как выражение печали или угнетенного душевного состояния, чувства уныния, сожаления по поводу какого-либо неприятного события. Также в английском языке очень часто чувство печали выражается через внешние признаки, такие как мрачное выражение лица, депрессия, упадок сил. Помимо основного значения, чувство печали в английском языковом сознании отражается как чувство сожаления и сострадания к кому-либо, а также как яркое выражение чувства горечи или безумия из-за расставания с любимым человеком.

Сравнив основные признаки синонимов, отражающих эмоциональный концепт **«Fam – Sadness»** в таджикском и английском языках, мы можем сделать следующие выводы: часть семантических признаков является общей для обоих языков, тогда как дифференциальные признаки расходятся, демонстрируя национально-культурную специфику концептуализации печали в рассматриваемых лингвокультурах.

Резюмируя результаты сопоставительного анализа, можно заключить, что концепт **«Fam – Sadness»** в таджикской и английской языковых картинах мира может быть охарактеризован как комплексное эмоциональное переживание, связанное с утратой, направлено оно на внутренний мир и отличается рефлексивным отношением к происходящему. Разнообразие синонимических средств, представленных в обоих языках, говорит о том, что данный концепт занимает одно из центральных мест в эмоциональной сфере носителей как таджикской, так и английской лингвокультур, отражая универсальность и вместе с тем национальное своеобразие переживания печали.

Выводы по второй главе

Анализ лексикографических источников показывает, что базовыми гиперонимическими компонентами при дефинировании эмоций, в том числе

печалии, выступают категории «чувство» и «состояние», что подтверждает универсальность восприятия эмоций на уровне лексической систематизации.

Полученные в ходе исследования данные в целом согласуются с существующими теоретическими положениями о единстве эмоциональной, мыслительной и языковой сфер человеческой деятельности, что особенно наглядно демонстрируют коммуникативные и когнитивные процессы. Концепт «Печаль», проанализированный на материале таджикского и английского языков, предстает как один из ключевых элементов языковой картины мира, в котором фокусируются индивидуально-психологические особенности переживания, так и культурно-обусловленные, коллективные способы осмысления эмоционального опыта.

Методология исследования предусматривала последовательное применение двух взаимодополняющих методов. Лексикографический анализ, направленный на изучение словарных дефиниций, позволил выявить системные семантические признаки, закрепленные за языковыми единицами, актуализирующими концепт «Печаль» в таджикском и английском языках. Дискурсивный анализ, выполненный на материале Национального корпуса таджикского языка и Британского национального корпуса, дал возможность проследить реализацию данных единиц в реальных контекстах, выявить их сочетаемостные характеристики и функциональные особенности. Интеграция полученных данных позволила реконструировать семантическое поле концепта «Печаль» и установить его лингвокогнитивную структуру в сопоставляемых языках, обнаружив как общие, так и национально-специфические компоненты.

Центральной лексемой таджикского языка, наиболее полно репрезентирующей эмоцию печали, была определена лексема «Ғам». Проведенный лексикографический анализ позволил установить основное определение данной эмоции: «дилгирифтагии сахт, ки аз алами дарунӣ пайдо мешавад, ғусса, андӯх, хафагӣ, ҳузн», что в русском языке соответствует значению «сильное чувство грусти, тоски, печали, что зарождается в результате душевных страданий и переживаний». Подробное изучение лексикографических источников таджикского языка дало возможность выстроить ряд основных репрезентантов с общим корнем

«Ғам», отражающих эмоциональный концепт «Печаль» (ғамгин, ғамангез, ғамбор, ғамӣ, ғамзада, ғамдор, ғамнок, ғамин, ғамгинӣ, ғамгинона и др.), а также выявить синонимический ряд (алам, ғусса, андӯх, маҳзун, ҳузн, ҳазин, андӯхгин, дилтангӣ и др.), передающий все оттенки эмоции печали в таджикском языке.

В английской языковой картине мира ключевой лексемой, отражающей эмоцию печали, является лексема «Sadness». С помощью метода лексикографического анализа была выявлена структура данного концепта в английской языковой картине мира. В отличие от таджикской лингвокультуры, в английской языковой традиции эмоция печали представлена несколькими определениями, фиксирующими различные семантические оттенки данного эмоционального состояния. В частности, лексикографические источники предлагают следующие определения: 1) «feeling unhappy because something has happened that you do not like» – «чувствовать себя несчастным, так как произошло что-то, что вам не по душе»; 2) «a sad event or situation that is regrettable or undesirable» – «печальное событие или ситуация, которые являются прискорбными или нежелательными»; 3) «not happy, especially because something unpleasant has happened» – «не рад, особенно потому, что произошло что-то неприятное». Кроме основных значений, для концепта «Sadness» был выделен синонимический ряд, включающий такие лексемы, как concern, trouble, pain, worry, hurt, suffering, upset, anxiety и др.

Все компоненты концепта «Печаль» с различными коннотациями были подробно проанализированы с использованием как лексикографических источников, так и корпусных данных. Особое внимание было уделено словосочетаниям и метафорам, отражающим представленный эмоциональный концепт.

В лексикографических источниках таджикского языка, помимо основных определений, приводятся также примеры устойчивых сочетаний с использованием лексемы «Ғам» (ғаму ғурбат, ғами зиндагӣ, ғам хӯрдан, ғаму алам, ғаму андӯх, ғаму кулфат, ғаму ғусса, бори ғам и др.), отражающих различные аспекты переживания данной эмоции. Кроме того, в вышеуказанных источниках присутствуют

выражения и словосочетания, образованные от лексем с общим корнем «Ғам» (Ғамгин кардан, воқеаи ғамангез, дили ғамзада, ҳикояҳои ғамнок), что позволяет отразить семантическую вариативность и когнитивно-культурные особенности эмоционального концепта «Печаль» в таджикском языке.

Для более полного анализа синонимического поля, отражающего эмоциональный концепт «Печаль» в таджикском языке, помимо метода лексикографического анализа, был также использован метод корпусного анализа. С их помощью был проведен подробный разбор состава синонимического поля, а также выявлены устойчивые словосочетания и выражения (азоби рӯҳӣ, азоб кашидан, алам кашидан, андӯх хӯрдан и др.), что позволило уточнить разнообразие смысловых проявлений данного концепта.

Лексикографические источники современного английского языка приводят примеры устойчивых сочетаний не только с использованием ключевой лексики «Sadness» (great sadness, overwhelming sadness), но и с производной лексемой «Sad» (feel sad, look sad, sad face, sad voice, sad occasion, sad story и др.). Большинство исследуемых словарей английского языка предоставляют отдельный синонимический ряд лексических средств (grave, sorrowful, weebegone, dismal, doleful, mournful, gloomy, dejected, depressed и др.), используемых для выражения печали, охватывая как внутреннее эмоциональное состояние, так и внешние проявления данного чувства [Fallows: 1898; Sargeant: 2004; Urdang: 1996].

Корпусный подход был применен для анализа устойчивых оборотов и выражений, передающих семантику печали в современном английском языке. Данные корпуса позволили выявить и проанализировать огромное количество устойчивых сочетаний, метафорических и фразеологических единиц с использованием лексики «Sadness» (great sadness, deep sadness, tinged with sadness, some sadness, more sadness, sense of sadness и др.).

Обращение к корпусным данным позволило установить, с какой частотностью встречаются различные языковые средства, выражающие концепт «Ғам – Sadness», и его синонимы в таджикском и английском языках. В Национальном корпусе таджикского языка (НКТЯ) по ключевой лексеме «Ғам»

было зафиксировано 11 873 вхождения и 3 504 словоформы. Данные по количеству словоформ элементов-экспликаторов с компонентом «Ғам»: дарду ғам (4 641), ғам махӯр (3 536), ғам нахӯр (2 683), ғам хӯрдан (1 294), шодию ғам (893), бисёр ғам (848), оташи ғам (748), пур аз ғам (687), ашки ғам (583), ғубори ғам (551), ғам хӯрда (551), дуди ғам (526), ранчу ғам (523), манзили ғам (481), сад ғам (356), зиёд ғам (282), ғуссаву ғам (336), сояи ғам (268), сиришки ғам (254), ҳасрату ғам (251), ташвишу ғам (183), аламу ғам (87), дилтангиву ғам (84), борони ғам (80), сузӯ ғам (57), зачру ғам (31), оғӯши ғам (31).

Что касается синонимического ряда, то по результатам корпусного анализа было зафиксировано количество употреблений отдельных синонимов лексемы «Ғам» (азоб (6 532 вхождения и 2 799 словоформ), алам (2 965 вхождений и 1 581 словоформа), андӯх (2 151 вхождение и 793 словоформы), ҳасрат (1 829 вхождений и 876 словоформ), ғусса (1 106 вхождений и 587 словоформ).

По данным Британского национального корпуса (BNC) при анализе ключевой лексемы «Sadness» было зафиксировано 747 вхождений. Данные по количеству словоформ элементов-экспликаторов с компонентом «Sadness»: great sadness (40), deep sadness (16), tinged with sadness (10), feeling of sadness (9), some sadness (7), twinge of sadness (7), more sadness (6), hint of sadness (6), tinge of sadness (5), certain sadness (5), to cause sadness (5), real sadness (4), aura of sadness (3).

Синонимический ряд дает следующие данные: pain (6 985 вхождений), hurt (4 263 вхождения), suffering (4 115 вхождений), upset (3 012 вхождений), anxiety (2 567 вхождений), depression (2 224 вхождений).

Привлечение материалов Национального корпуса таджикского языка и Британского национального корпуса дает основания говорить о синонимическом поле концепта «Ғам – Sadness» как об обширном и неоднородном языковом пространстве. Корпусные данные, включая разнообразные устойчивые сочетания и выражения, раскрывают сложную многоуровневую организацию этого эмоционального концепта в таджикском и английском языках, демонстрируя богатство его смысловых граней и оттенков.

ГЛАВА III. ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «ПЕЧАЛЬ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДАХ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Изучение фразеологии в последние десятилетия остается одной из центральных задач лингвистики, поскольку устойчивые выражения отражают глубинные особенности менталитета, культурных установок и национальных традиций [Тагаева: 2025, с. 240].

В современной лингвистике существует множество определений термина «фразеологизм», каждое из которых подчеркивает разные аспекты его значения и функционирования.

В лингвистической традиции **фразеологическая картина мира (ФКМ)** представляет собой особое когнитивно-дискурсивное образование, формируемое совокупностью устойчивых выражений языка – фразеологизмов, – которые служат средством отражения и интерпретации реальности.

Значительный вклад в разработку теории ФКМ внесли Н.М. Шанский, В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефrienко, Р.Х. Хайруллина и их последователи, которые показали, что фразеологизмы не существуют изолированно, а образуют стройную систему, где каждый элемент выполняет различные функции в процессе отражения и осмысления объективной действительности. Наиболее существенными характеристиками ФКМ признаются:

- **Универсальность** – наличие общих для многих языков фразеологических моделей;
- **Антропоцентризм** – ориентация на человека как центр мироздания;
- **Экспрессивность** – способность передавать не только информацию, но и эмоционально-оценочное отношение к ней [Волков: 1999, с. 11].

Фразеологические единицы объективируют, представляют в речи эмотивные концепты, совокупность значений фразеологических единиц образует семантическое пространство языка. В процессе классификации практического

материала таджикского и английского языков были выделены несколько типов группировок фразеологических сочетаний и выражений.

3.1. Фразеологические единицы, актуализирующие эмоциональный концепт «Ғам – Sadness» («Печаль») в таджикском и английском языках

Изучение фразеологических единиц в таджикском языкознании берет начало с 1950-х годов XX века. Большой вклад в становление и развитие данного направления внесла диссертационная работа С.В. Хушеновой, посвященная изафетным фразеологическим единицам таджикского языка. По данным автора, к моменту написания исследования общее количество литературных источников по данной теме насчитывало около 300 наименований, что свидетельствует о формировании значительной эмпирической базы и повышенном научном интересе к вопросам фразеологии в середине XX века [Хушенова: 1966].

Параллельно с этим необходимо отметить роль таджикских ученых – Н.М. Масуми, Ш.Н. Ниязи, Д.Т. Таджиев, А. Мирзоева – в эволюцию фразеологической теории.

В таджикском языкознании со второй половины XX века наблюдается активизация исследований в области фразеологии, что нашло отражение в защите диссертационных работ и публикации монографий. К числу наиболее масштабных лексикографических проектов этого периода относится двухтомный фразеологический словарь М.Ф. Фозилова, охватывающий более восьми тысяч фразеологизмов различной структуры [Фозилов: 1976; Фозилов: 1977].

Активное развитие фразеологической науки в Таджикистане связано также с именами Х. Маджидова (1982), И. Хасанова (1974), Р.Г. Гаффорова (1966), М. Юсуповой (1966) и других лингвистов, чьи труды составили основу современного понимания фразеологической системы таджикского языка. Особую роль в этом контексте сыграла монография Х. Маджидова «Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик» («Современная фразеология таджикского языка»), вышедшая в 1982 году и

ставшая важным этапом в осмыслении закономерностей функционирования фразеологических единиц [Мачидов: 1982].

Позже были опубликованы сопоставительные исследования, посвященные различным аспектам фразеологических единиц, в том числе сравнительным исследованиям таджикского и английского языков. Особое внимание заслуживают работы таких ученых, как Г.Б. Баракаева (1968), Э. Бабаева (1976), А. Ахмеджанова (1970), М.Н. Азимова (1999) и другие.

Как отмечает Х. Маджидов, «характерной чертой фразеологических единиц, которая отличает их от других единиц языка, является их особая выразительность. Такая особенность свойственна даже наиболее часто употребляемым фразеологическим единицам. Их непревзойденная выразительность непосредственно связана с изначально заложенным в них образом» [Мачидов: 1982].

Таджикский лингвист Х. Маджидов предлагает следующую классификацию фразеологических единиц: по экспрессивности – *нейтральные фразеологизмы, фразеологические вульгаризмы, фразеологические эвфемизмы*, по выходу из употребления – на *фразеологические архаизмы и фразеологические неологизмы*, по норме употребления – на стилистические пласты, включающие *общеупотребительные фразеологизмы, книжные фразеологизмы, литературно-книжные фразеологические единицы, литературно-разговорные фразеологические единицы, народно-разговорные фразеологические единицы, фразеологические диалектизмы* [Мачидов: 1982].

Исходя из этого, таджикский языковед И. Хасанов отмечает: «Национальный таджикский язык изобилует широко распространенными и представляющими научный интерес фразеологическими элементами, изучение и анализ которых имеет важное теоретическое и практическое значение для выявления и определения объема, распространения, функций, содержания, а также экспрессивно-эмоциональных особенностей фразеологических единиц» [Хасанов: 1974, с. 89].

Рассмотрим фразеологические единицы, отражающие эмоциональный концепт «Печаль» в таджикском языке. Здесь эмпирическую базу составили материалы, извлеченные из двухтомного «Фразеологического словаря таджикского языка» М. Фозилова [Фозилов: 1963; Фозилов: 1964].

В словаре широко представлен не только обширный пласт устойчивых выражений, в которых репрезентуется доминанта «**Ғам**», но ее синонимические соответствия. Для упорядочивания этого многообразия ранее нами была разработана классификация, согласно которой фразеологические единицы таджикского языка, вербализирующие эмоцию печали, подразделяются на 14 тематических групп. Однако для целей настоящей диссертации классификация была сжата до 9 групп, что позволяет составить развернутую и детализированную классификацию, учитывающую культурные и языковые особенности таджикского менталитета [Тагаева: 2025, с. 241-242]:

1. **ФЕ утраты сил от страданий;**
2. **ФЕ с применением соматизмов;**
3. **ФЕ страдания и боли от внешнего источника;**
4. **ФЕ потребности к сочувствию;**
5. **ФЕ причинения душевной боли словами;**
6. **ФЕ преодоления печали;**
7. **ФЕ огорчения и разочарования;**
8. **ФЕ о болезненных воспоминаниях;**
9. **ФЕ поглощенности печалью и страданием.**

В таджикской фразеологии, зафиксированной в специализированных лексикографических источниках, эмоция печали принадлежит к числу наиболее активно вербализуемых в устойчивых выражениях. Фразеологизмы, репрезентирующие данное состояние, характеризуют печаль как глубинное внутреннее переживание негативного характера, связанное с утратой сил и возникающее на почве серьезных нравственных или физических страданий. Важной особенностью этих единиц является их способность передавать как

внешние, наблюдаемые проявления человеческого состояния, так и сферу внутренней душевной боли, недоступную прямому наблюдению. Например:

Заққуму зардоб шудан «Изводиться» («мучиться», «терзаться») – «Аз тарси «азоби дӯзах» ғам хӯрда, заққуму зардоб шуда менишаст» [Фозилов: 1963, с. 470]. – «Он *изводил себя*, мучаясь от страха перед “адскими муками”».

Заҳри зуқум хӯрдан «Изводиться» («мучиться», «терзаться», «страдать втайне») – «– Охир, худи шумо чӣ хел одам, – гуфт Алӣ бо тоқати тоқишуда, – ман заҳру зуқум хӯрда истодааму шумо бошед, «хавотир нашавед» мегӯед» [Фозилов: 1963, с. 472]. – «– В конце концов, что вы за человек», – сказал Али, теряя терпение, – «я здесь стою и *терзаю себя мыслями*, а вы говорите, «не беспокоиться» (Р. Чалил «Гулрӯ»).

Алам кашидан «Опечалиться» («обидеться», «страдать», «терзаться») – «Қорӣ ҳарчанд фикр мекард, аз ин «қазои осмонӣ» роҳи халосӣ намеёфт ва ғайр аз хун хӯрдан, алам кашидан... чораи дигаре надошт» [Фозилов: 1963, с. 17]. – «Почтенный слепой сколько бы ни думал, не мог найти избавления от “небесной кары”, и ему не оставалось другого выбора, кроме как *страдать и мучиться*» (С. Айни «Марги судхӯр»).

Во вторую по численности группу фразеологизмов таджикского языка, выражающих печаль, входят устойчивые сочетания с соматическим компонентом. Благодаря таким единицам абстрактная сфера внутренних переживаний получает конкретно-чувственное воплощение через описание физиологических процессов и телесных ощущений. Широкое распространение соматизмов во фразеологии, передающей эмоциональные состояния, отражает характерную для таджикской культуры тенденцию к осмыслению психологических феноменов в неразрывной связи с их телесными проявлениями [Тагаева: 2025, с. 244].

В таджикской языковой картине мира, как она представлена в современном и литературном языке, сердце выполняет главную функцию основного органа-репрезентанта эмоциональной жизни человека. Именно через образ сердца охватывается достаточно объемная эмоциональная ниша; данная лексема задействуется для обозначения глубокой сердечной боли, порождаемой

безответной любовью, переживанием утраты или сочувствием к страданиям других людей. Многообразие метафорических моделей, фразеологизмов и устойчивых сочетаний, объединенных образом сердца, свидетельствуют о глубине эмоционального опыта, закрепленного в языке, и об особой роли этой лексемы в формировании таджикской лингвокультурной традиции [Тагаева: 2025, с. 244]. Например:

Дарди дил «Сердечная боль» («печаль», «огорчение», «горесть») – «– Кошкӣ дарди диламро медонистӣ!» [Фозилов: 1963, с. 282] – *«Если бы ты знал о моей печали!»* (Ғ. Абдулло ва Ш. Қиёмов «Тӯфон»).

Дили касе нимта шудан «Разбивать сердце» («сердце сжимается», «сердце щемит», («тоскует», «сжимается в груди») – «Охир ҳар гоҳ ки Майрам падараширо ба ёд меовард, дилаш нимта мешуду бо ашки сард дили худро таскин медод» [Фозилов: 1963, с. 378]. – *«Каждый раз, когда Майрам вспоминала своего отца, ее сердце сжималось от горя, и она успокаивала его холодными слезами»* («Маориф ва маданият»).

Дили касеро реш (реш-реш) кардан «Изранить сердце» («ранить душу», «причинить боль», «задеть чувства») – «Ин ҳолати маъюсии духтар дили капитанро реш-реш кард» [Фозилов: 1963, с. 386]. – *«Это отчаянное положение девушки заставило сердце капитана сильно опечалиться»* (Қ. Наимӣ «Рӯзи равшан»).

Соматизм «кровь» занимает одно из ведущих мест в системе таджикских фразеологических средств, служащих для выражения печали и горя. Включаясь в состав устойчивых выражений, данная лексема метафоризируется и начинает обозначать не столько физиологическую реальность, сколько интенсивность душевной боли, глубину переживаний, силу волнения, порождаемых тяжелыми утратами и эмоциональными травмами. Фразеологизмы данной группы отличаются высокой степенью экспрессивности: они не только передают информацию об эмоциональном состоянии, но и создают драматизированные образы, вызывающие эмоциональный отклик и сочувствие [Тагаева: 2025, с. 246]. Например:

Дили касе хун шудан «Сердце обливается кровью» – «Ба ин ҳоли аспҳо нигоҳ карда дили Қосимчон хун мешуд» [Фозилов: 1963, с. 398]. – «Глядя на такое состояние лошадей, у Касымджана сердце обливалось кровью» (Ҷ. Икромӣ «Шодӣ»).

Бо хуни дил навиштан «Писать кровью сердца» – «– Эҳтимол ту аз ақл бегонай, ки шеърҳои бо хуни дил навиштаи маро то ин дараҷа ғалат мехонӣ!» – «– Видимо, ты сошел с ума, раз стихи, написанные кровью моего сердца, ты читаешь с ошибками!» («Латифаҳои тоҷикӣ») [Фозилов: 1964, с. 340].

Соматический компонент «слезы» – значимое языковое средство, передающее эмоцию печали в таджикском языке. В народном сознании слезы традиционно осмысляются как внешнее проявление сильных внутренних переживаний. Наиболее характерные контексты актуализации этого образа связаны с трагическими обстоятельствами. Они символизируют не только страдание, но и внутреннюю разрядку, очищение от накопленных чувств. В таджикском фразеологическом фонде образы слёз встречаются часто и используются для передачи различных оттенков печали — от тихой скорби до бурного, неутешного плача [Тагаева: 2025, с. 246]. Например:

Хун гиристан «Проливать горькие слезы» – «Аммо мусулмонони Туркистон «во дино, во шариат» гӯён хун мегирьянд» [Фозилов: 1964, с. 339]. – «Но мусульмане Туркестана «во имя религии, во имя шариата» **проливают горькие слезы**» (С. Айнӣ, «Ғуломон»).

Хунобаи дил хӯрдан «Глотать горькие слезы» («захлебываться» («заливаться») «горючими слезами») – «Писарамро, ки хунобаи дил хӯрда калон кардам, поидам, ба қатори одам даровардам... дидӣ, маро ба чӣ холат расонд...» [Фозилов: 1964, с. 345] – «Своего сына я, **заливаясь горючими слезами**, воспитала, выкормила, вывела в люди... видишь, что до какого состояния он меня довел...» (Ш. Қиёмов ва А. Мороз, «Дил дили Зайнаб» («Шарқи сурх»)).

Третья тематическая категория фразеологизмов объединяет устойчивые выражения, объективирующие эмоции печали, источником которой выступают нравственные страдания, сознательно или неосознанно причиняемые человеку

другими людьми. Эти выражения передают не просто печаль, как внутреннее переживание, а ту её форму, которая возникает в результате **несправедливости, предательства, боли, нанесённой извне** – от близких, общества или жизненных обстоятельств. Это подчёркивает уязвимость человека перед внешним миром и одновременно показывает силу душевной реакции, характерную для таджикской лингвокультуры [Тагаева: 2025, с. 246]. Например:

*Дили касеро кабоб кардан «Мучить» («терзать», «изводить») – «– Кайҳост, ки муҳаббати шумо дили маро кабоб кардааст» [Фозилов: 1963, с. 373]. – «– Прошло много времени с тех пор, как твоя любовь **истерзала мое сердце**» («Хорпуштак»).*

*Дил хун кардан «Терзать чье-либо сердце» («мучить кого-либо») – «Наход барои ҳамин ҳам беҳуда дилатонро хун карда гардед» [Фозилов: 1963, с. 398]. – «Неужели и из-за этой ерунды вы так **истерзали и измучили себя**» (С. Ғанӣ «Табассум»).*

*Чони касеро дар азоб монандан «Мучить» («терзать кого-либо») – «Вале баъзан воқеаҳое рӯй медоданд, ки чони Наимро дар азоб мемонданд» [Фозилов: 1964, с. 658]. – «Но иногда происходили такие события, которые **терзали душу Наима**» (Т. Усмон. «Кашфи асрор»).*

Специфика четвертой группы фразеологизмов таджикского языка заключается в том, что эмоция печали здесь передается через мотив преодоления, избавления от тягостных переживаний. Эти единицы отражают стремление субъекта найти понимание и сочувствие, потребность открыто высказать то, что волнует душу, что является важным элементом человеческой психики, связанный с поиском облегчения через речь, исповедь, слёзы. В таджикской культуре подобные фразеологизмы играют большую роль в межличностной коммуникации. Они не только описывают внутреннее состояние, но и выражают **надежду на понимание и поддержку** со стороны собеседника [Тагаева: 2025, с. 247]. Например,

Дарду алами худро кафондан «Излить душу» («высказать о наболевшем») – «Маҳбуба ба пагоҳ хам тоқат карда натавонист. Вай дарду аламаширо худи

ҳамон дам ба Рустамча **кафонд**» [Фозилов: 1963, с. 280]. – «Махбуба не смогла дожидаться до завтра. Она тотчас же **высказала о наболевшем** (рассказала о своем горе) Рустамче» («Маориф ва маданият»).

Ба сари касе алами худро рехтан «Излить душу» («излить свою печаль», «выразить страдание») – «Ин ҳол модарро ба шӯр меоварад, вай ҳама аламу коҳиши худро ба сари писарам рехтанӣ мешавад» [Фозилов: 1963, с. 25]. – «Это расстраивает мать, и она попытается **излить всю свою печаль** на сына» (Ҷ. Икромӣ ва Е. Мительман, «Гуноҳи кӣ?»).

Дарди дил гуфтан «Поверять свои горести и печали» – «Садқаи сарат гардам, ба ман нигоҳ кун, **дарди дилатро ба ман бигӯ**» [Фозилов: 1963, с. 283]. – «Милая моя, посмотри на меня, **поведай мне о своей печали** (о своем горе)» (А. Ҳамидӣ «Машъали ҷовидон» («Шарқи сурх»)).

Пятая тематическая группа объединила фразеологизмы, в которых печаль предстает как результат эмоционального воздействия со стороны другого лица, выраженного в словесной форме. Здесь печаль выступает как реакция на грубые, язвительные высказывания, затрагивающие наиболее уязвимые стороны субъекта. Эта группа фразеологических единиц объективирует эмоциональные травмы, проявляющиеся в чувствах унижения, глубокого огорчения и горькой обиды [Тагаева: 2025, с. 248]. Например:

Алам кардан «Обидеть» («задеть за живое», «сердить», «огорчить») – «Хусусан ба гӯши Норзода расидани ҷанҷоли байни Мансурову вай ба ӯ **хеле алам кард**» [Фозилов: 1963, с. 17]. – «Тем более, Норзода был **очень огорчен**, когда услышал ссору между Мансуровым и ней» (Ф. Ниёзӣ «Вафо», қ. II.).

Гапи касе ба касе алам кардан «Задеть за живое» («ранить», «взволновать») – «– Худат номаъкул кардӣ... Назокат паст наомад: – Гапам **алам кард-мӣ?**» [Фозилов: 1963, с. 165] – «– Ты поступил неблагоприятно... Назокат продолжала упорствовать: – Мои слова **ранили тебя**, да?» (Ҷ. Икромӣ «Духтари оташ»).

Ба чароҳати касе намак (намакоб) пошидан (рехтан) «Причинять боль» («нанести обиду», «полоснуть по сердцу», «задеть за живое») – «– Гапи ҳақ,

гуфти. Чураҳои падарат мардуми беоқубат буданд, нахонд ки дар чунин шаҳри калон ба ту кор ёфт нашуд? – Маишраб гуё тасалли доданӣ шуда, худ беҳабар **ба ҷароҳати Умар намакоб пошида монд**» [Фозилов: 1964, с. 361]. – «– Ты сказал правду. Друзья твоего отца оказались ненадежными людьми, но неужели ты не смог найти работу в таком большом городе? – сказал Маишраб, словно пытаясь его утешить, но сам неосознанно **нанес обиду Умару**» («Тоҷикистони советӣ»).

Шестую, относительно немногочисленную группу фразеологизмов, составляют единицы, фиксирующие важный аспект эмоционального опыта – преодоление печали: они отражают внутреннюю силу человека, его стойкость и способность справляться с трудностями, не позволяя горю полностью овладеть собой. В них звучат оптимизм, вера в лучшее и призыв к мужеству перед лицом испытаний [Тагаева: 2025, с. 249]. Например:

Дарди дили касе бартараф шудан «Преодолеть печаль и горе» («излечиться от скорби») – «Шояд бо он гуле, ки ман хоҳам овард, **дарди дили ӯ бартараф шавад** ё сабук гардад ва он орзуе, ки дар вақти газалхонии ӯ дар дили ман гузашта буд, ба вуҷуд ояд» [Фозилов: 1963, с. 283]. – «Возможно, цветок, который я принесу ей, **избавит ее от печалей** и облегчит ее сердечную боль, и та мечта, которая была в моем сердце, пока она читала стихи (газели), осуществиться» (С. Айни «Ёддоштҳо», қ. I.).

Аз шастии чизе раҳой ёфтан «Избавиться от страданий и мучений» – «– Асо ин газали худро дар вақти сисолағиаш гуфта аст ва умед кардааст, ки «дар чихилу панҷсолағӣ шояд **аз шастии қашшоқӣ раҳой ёбад**» [Фозилов: 1964, с. 434]. – «– Асо написал эту газель, когда ему было тридцать лет, и надеялся, что «в сорок пять лет он **сможет избавиться от страданий и мучений**» (С. Айни, «Ёддоштҳо», қ. I.).

В седьмую тематическую группу вошли фразеологизмы, актуализирующие печаль через призму огорчения и разочарования. Их семантика отражает эмоциональную реакцию на несовпадение ожидаемого и действительного, а собственно фразеологизмы данной группы обладают экспрессивно-стилистической окраской и выполняют функцию эмоционально-оценочной

характеристики состояния субъекта. Эти фразеологизмы помогают ярко и образно передать состояние человека, столкнувшегося с внутренним разочарованием и душевным огорчением [Тагаева: 2025, с. 249]. Например:

Дили касеро сиёҳ кардан «Огорчать» («опечалить», «расстроить») – «Саргузашти ман дуру дароз ва дарди ман бедавоаст. Шунидани он гапҳо шуморо дарди сар ва дилатонро сиёҳ мекунад» [Фозилов: 1963, с. 389]. – «Моя история длинна, а моя боль безгранична. Услышав ее у вас заболит голова и вы **будете опечалены**» (С. Айни «Ёддоштҳо», к. III.).

Дили касе сиёҳ шудан (гаштан) «Огорчиться» («опечалиться», «расстроиться») – «– Дар бозори гусфанди Бухоро як маблағ пулро дуздондам, бинобар ин дилам сиёҳ шуда корҳои зарурии худамро ҳам нимкора партофта зуд баргаштам...» [Фозилов: 1963, с. 389] – «– Я украл немного денег на скотном Бухарском рынке, поэтому **расстроившись**, я оставил все свои важные дела незаконченными и вернулся обратно...» (С. Айни «Дохунда»).

Хаёли касеро гурезондан «Расстраивать» («огорчать», «волновать», «тревожить») – «Вай дар ҷои кораи набуд. Худи ҳамин хаёли маро гурезонд» [Фозилов: 1964, с. 247]. – «Его не было на работе. Это меня **расстроило** меня» (Ч. Икромӣ, «Муҳаббат»).

Восьмая группа представлена фразеологизмами, репрезентирующими ретроспективную природу печали, то есть как воспоминание о том, что тревожит, вызывает тяжелые, неприятные воспоминания, страдания и душевную боль. В таких выражениях ощущается боль от прошлого горя, которое продолжает влиять на внутреннее состояние человека [Тагаева: 2025, с. 251]. Например:

Алами (кӯҳнаи) касеро тоза кардан «Вспоминать о былых страданиях» («бередить старые раны») – «Бед, монед, алами кӯҳнаро тоза накунем» [Фозилов: 1963, с. 17]. – «Давайте, не будем **вспоминать о былом**».\ (Ф. Ниёзӣ «Вафо», қ. I.).

Заҳми кӯҳнаи (дили) касеро тоза кардан (кофтан) «Бередить («растравлять») старые раны» – «Шумо ба вай дарду аламҳои нав меоваред, заҳмиҳои кӯҳнаи дилашро тоза мекунад» [Фозилов: 1963, с. 470]. – «Вы приносите

ей новые страдания и раны и **растравляете старые**» (С. Улуғзода «Ёрони боҳиммат»).

Заҳми дили касе тоза шудан «Растравлять старые раны» – «Кошкӣ ман ҳамин хел писаре медоштам» – фикр кард подшоҳ ва **заҳми дилаш тоза шуда**, оҳи сарде кашид» [Фозилов: 1963, с. 470]. – «Вот бы мне такого сына» – подумал падишах и, **разбередив свои старые душевные раны**, тяжело вздохнул» («Афсонаҳои халқи тоҷик»).

Последняя тематическая группа фразеологических единиц транслирует образ печали как силу, способную физиологически поглотить тело и душу человека. Такое описание эмоции очень ярко передает глубину и тяжесть внутреннего страдания, когда человек начинает испытывать не только моральное, но и физическое истощение, ощущая опустошение и слабость [Тагаева: 2025, с. 253]. Например:

Машгули дарди дил будан «Быть поглощенным своим горем» – «– Хезед, – гуфт Ашур ба гуломоне, ки ҳамагӣ аз кор даст кашида **машгули дарди дил буданд...**» [Фозилов: 1963, с. 624]. – «– Вставайте, – сказал Ашур рабам, которые только что бросили работу и были **поглощены своими заботами и тяготами...**» (С. Айнӣ «Фуломон»).

В качестве фразеологических словарей и сборников, а также онлайн-ресурсов для анализа фразеологических единиц, отражающих концепт «Печаль» в английском языке, были использованы следующие источники: «Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов» под авторством Л.Ф. Шитовой [Шитова: 2011; Шитова: 2012], словарь русских фразеологизмов и их английских аналогов Ю.В. Мюррея [Мюррей: 2007] и «Оксфордский словарь идиом» под редакцией Джудит Сифринг [Siefring: 2004]. Также использовались материалы онлайн-ресурсов, посвященных идиомам, выражающим эмоции радости и грусти [<https://engblog.ru/joy-and-sadness-idioms>] [<https://elf-english.ru/2020/05/idiomy-pro-emocii-raduemsysya-i-grustim-po-anglijski/>] [https://vk.com/wall-4311205_7065] [<https://blog.knudge.me/idioms-that-express-sadness-7132b9e39cd9>] [<https://enlightio.com/idioms-for-sad>].

Анализ фразеологического фонда английского языка позволил установить следующие их тематические разряды:

1. **ФЕ с использованием соматизмов;**
2. **ФЕ, семантизирующие глубокое состояние печали и подавленности;**
3. **ФЕ, семантизирующие преодоление или подавление печали;**
4. **ФЕ, семантизирующие страдания и боль, причиняемые внешним источником;**
5. **ФЕ, семантизирующие чувства тоски, отчаяния, разочарования и др.**

Анализ фактического материала, извлеченного из лексикографических источников, показал, что значительная часть фразеологических сочетаний английского языка, выражающих чувство печали, имеют в своем составе соматизмы. Они помогают ярче передать внутреннее состояние человека, визуализируя эмоцию через физические ощущения. Одним из ключевых соматизмов, связанных с переживанием печали, выступает сердце.

Сердце в английском языке чаще всего отражает внутреннее состояние печали и тоски, душевной боли и страданий. Данная лексема используется в языке, чтобы описать состояние человека, переживающего глубокую душевную боль утраты, разрыва дружеских или романтических отношений с кем-либо. Также возможно испытывать сильные переживания, видя страдания другого человека. Например:

«To break someone's heart» – «Разбивать сердце кому-л». – «If he leaves her, it'll **break her heart**» [Мюррей: 2007, с. 96]. – «Если он ее бросит, это **разобьет ей сердце**».

«With a heavy heart» – «С тяжелым сердцем». – «She left the letter unfinished and went off **with a heavy heart**» [Мюррей: 2007, с. 101]. – «Она оставила письмо незаконченным и ушла **с тяжелым сердцем**».

«*One's heart bleeds for someone*» – «Сердце кровью обливается». – «He *looked desperate, and my heart bled for him*» [Мюррей: 2007, с. 103]. – «Он выглядел отчаявшимся, и мое сердце обливалось кровью за него».

Слезы также становятся одним из выразительных соматизмов, отражающих состояние печали. В английском языке они часто выступают как физическое проявление внутренней боли, указывая на эмоциональное потрясение, вызванное тяжелыми переживаниями. Параллельно слезы ассоциируются с утратой близкого сердцу человека или разочарованием. Например:

«*To cry one's eyes out*» – «Выплакать все глаза». – «She *cried her eyes out* when he married another girl» [Мюррей: 2007, с. 26]. – «Она **выплакала все глаза**, когда он женился на другой девушке».

«*Reduce to tears*» – «Доводить до слез». – «She was *reduced to tears* after she heard her favorite team lost» [<https://blog.knudge.me/idioms-that-express-sadness-7132b9e39cd9>]. – «Она **расплакалась**, услышав, что ее любимая команда проиграла».

«*Shed (or Weep) Bitter Tears*» – «Проливать горькие слезы» («заливаться горячими слезами»). – «He *shed bitter tears* when he lost his best friend» [[https://www.startswithy.com/idioms-for-sadness/#Idioms that Express Sadness with Meaning and Example](https://www.startswithy.com/idioms-for-sadness/#Idioms%20that%20Express%20Sadness%20with%20Meaning%20and%20Example)]. – «Он **пролил горькие слезы**, когда потерял лучшего друга».

В современном английском языке фразеологические единицы, отражающие эмоцию печали через поникшую голову, связаны с выражением чувства разочарования, сожаления или раскаяния. Поникшая или опущенная голова символизирует не только грусть, но и внутреннюю боль, подавленность, а также чувство вины и стыда. Например:

«*Down in the mouth*» – «Повесить голову». – «She looked very *down in the mouth* when I told her that I couldn't go with her» [Мюррей: 2007, с. 16]. – «Она выглядела **очень расстроенной**, когда я сказала ей, что не могу пойти с ней».

«**Hang one's head**» – «Повесить голову». – «**Johnny hung his head** when the teacher asked him if he broke the window». – «Джонни **опустил голову**, когда учитель спросил его, разбил ли он окно».

Вторую группу фразеологических сочетаний и выражений, отражающих печаль в английском языке, составляют сочетания, передающие чувство глубокой тоски и подавленности, упадок духа, внутреннее истощение или эмоциональный надлом, вызванный как внешними обстоятельствами, так и личными переживаниями. Они часто используются для описания состояния человека, столкнувшегося с тяжёлыми жизненными испытаниями, утратой, предательством или осознанием собственной слабости. Например:

«**Down in the dumps**» – «Быть в состоянии уныния» («как в воду опущенный»). – «Nancy has been **down in the dumps** ever since her dog died» [Мюррей: 2007, с. 51]. – «Нэнси была **как в воду опущенная** с тех пор, как умерла ее собака».

«**Be bummed out**» – «Быть подавленным» – «Phil is really **bummed out** about having to leave the soccer team» [https://vk.com/wall-4311205_7065]. – «Фил не на шутку **был подавлен** из-за того, что ему пришлось уйти из футбольной команды».

«**Broken-hearted**» – «Быть убитым горем». – «She was **broken-hearted** when she heard she didn't clear the entrance exam» [<https://blog.knudge.me/idioms-that-express-sadness-7132b9e39cd9>]. – «Она **была убита горем**, когда узнала, что не сдала вступительный экзамен».

Третья тематическая группа фразеологических сочетаний передает эмоцию печали в английском языке через призму подавления и преодоления этого чувства. Такие фразеологизмы описывают стремление человека контролировать свои эмоции, чтобы скрыть их от других людей или быстрее справиться с ними ради восстановления душевного равновесия после тягостных событий. Подобные выражения акцентируют не саму печаль как переживание, а внутреннюю борьбу с ней, что делает их особенно значимыми в контексте анализа эмоционального самоконтроля и механизмов психологической защиты. Например:

«**Keep one's pecker up**» – «Держать хвост пистолетом» («не унывать»). – «When things go wrong it is very difficult for me to **keep my pecker up**» [Шитова: 2012, с. 94]. – «Когда дела идут плохо, мне очень трудно **не расстраиваться**».

«**Through thick and thin**» – «И в радости, и в горе» («преодолеть любые трудности», «не отступать ни на шаг»). – «His wife stuck faithfully to him through thick and thin» [Шитова: 2012, с. 159]. – «Его жена была верна ему **и в радости, и в горе**».

«**Drown one's sorrow**» – «Залить горе вином». – «Ah well, since neither of us won the competition, let's go and drown our sorrows together» [Шитова: 2012, с. 59]. – «Ну что ж, раз уж никто из нас не победил в конкурсе, давайте пойдем и **утопим в вине наши печали** вместе».

Четвертая группа фразеологизмов описывает действия, слова или события, которые способны вызвать у человека чувство грусти и уныния. Такие выражения подчеркивают, что внешнее воздействие, будь то поведение другого человека или произнесенные слова, могут глубоко ранить эмоционально, сильно раздражать или задеть за живое. Например:

«**Cut to the quick**» – «Задеть за живое». – «I was **cut to the quick** by her harsh remarks» [Шитова: 2011, с. 34]. – «Ее резкие замечания **задели меня за живое**».

«**Get somebody down**» – «Давить на кого-либо» («повергать в депрессию»). – «Don't let your new boss **get you down!**» [<https://blog.knudge.me/idioms-that-express-sadness-7132b9e39cd9>] – «Не позволяйте новому начальнику **вас расстраивать!**».

Пятая группа фразеологизмов английского языка выражает целую гамму эмоций – от тоски и разочарования до горечи и отчаяния. Эти выражения позволяют не просто передать эмоциональное состояние, но и оттенить его с помощью образных, часто метафорических конструкций. Они активно используются как в литературной, так и в разговорной речи, добавляя глубину и экспрессию высказыванию. Например:

«**A bitter pill to swallow**» – «Горькая пилюля» («проглотить горькую пилюлю»). – «His betrayal came as **a bitter pill to swallow**» [Мюррей: 2007, с. 29]. – «Его предательство стало для меня **горькой пилюлей**».

«**More in sorrow than in anger**» – «Чувствовать скорее печаль, чем гнев». – «He came to a halt before her and shook his head, seemingly **more in sorrow than in anger**» [Siefring: 2004, с. 270]. – «Остановившись перед ней, он покачал головой, казалось, скорее с грустью, чем с гневом».

«**Have a long face**» – «Иметь разочарованный вид» («иметь огорчённый вид», «иметь печальный вид»). – «When he heard the news, his **long face** betrayed the disappointment he felt» [<https://phrasedictionary.org/idioms-for-sadness/>]. – «Когда он услышал эту новость, его **вытянутое лицо выдало разочарование**, которое он испытал».

В английской языковой картине мира эмоциональная лексема «Печаль» часто ассоциируется с образом, наделенным способностью целиком поглотить как самого человека, так и его душу. Например, метафора **eat one's heart out** [<https://phrasedictionary.org/idioms-for-sadness/>] означает «изводить себя», «терзаться», «чахнуть», «изнывать от тоски», «смириться с незавидной участью», «молча переносить страдания». Аналогично метафоры **grin and bear it** [https://vk.com/wall-4311205_7065] – «молча терпеть неприятную ситуацию» и **throw in the towel** [<https://phrasedictionary.org/idioms-for-sadness/>] – «опустить руки», «сдаться», «признать своё поражение» также передают состояние печали через образ внутреннего напряжения и безысходности.

В современном английском языке эмоция печали в контексте фразеологических сочетаний также отражается в языке как тяжкое бремя, возложенное на человека. К таким выражениям относятся, например, **a weight on one's shoulders** [[https://www.startswithy.com/idioms-for-sadness/#Idioms that Express Sadness with Meaning and Example](https://www.startswithy.com/idioms-for-sadness/#Idioms%20that%20Express%20Sadness%20with%20Meaning%20and%20Example)] «тяжёлый груз ответственности на плечах», **cross to bear** «тяжёлое бремя», «крест, который нести».

Подводя итоги проведенного сопоставительного анализа языкового материала таджикского и английского языков, полученного из специализированных лексикографических источников, а также сборников фразеологических сочетаний и выражений, можно отметить наличие как

определенного сходства, так и некоторых различий в отражении эмоционального концепта «Печаль».

Сопоставление языкового материала двух культур обнаружило следующие параллели и дифференциальные признаки:

- **Объем и структурное разнообразие.** В таджикском языке представлено большее количество подгрупп, передающих оттенки «страдания», «мучения», «волнения» и «душевной боли». В английском языке, напротив, выделяются групповые категории, связанные с «преодолением чувства печали», «горем», «тоской», «подавленностью», «отчаянием», «разочарованием».

- **Семантические акценты фразеологизмов.** Таджикские фразеологизмы чаще передают более глубокие и интенсивные внутренние переживания, в то время как английские – механизмы контроля и выражения эмоций.

- **Культурные особенности и образность.** Общей тенденцией сопоставляемых языков является использование соматизмов и физиологических метафор при описании печали, расхождение же наблюдается в выборе конкретных образных средств. Эти расхождения коренятся в несовпадающих социальных и исторических контекстах, которые сформировали для каждой культуры уникальные способы осмысления и вербализации эмоционального опыта.

Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов таджикского и английского языков, объективирующих семантику печали, выявил сложное взаимодействие универсального и национально-специфического в языковой картине мира. Общие закономерности доказывают наличие у человечества универсальных механизмов осмысления эмоционального опыта, тогда как национально-маркированное своеобразие фразеологизмов коренится в уникальных условиях жизни, культурных ценностях и исторических судьбах таджикского и английского народов. Интерес к познанию культурного многообразия мира имеет давнюю историю, а современные международные контакты поддерживают и развивают межгосударственные связи, в рамках которых фразеологический фонд каждого языка выступает носителем уникальной образности и национальной

специфики. В этой связи эффективность коммуникации между представителями разных культур оказывается напрямую связанной с умением адекватно интерпретировать эти национально-специфические образы и смыслы.

3.2. Эмоциональный концепт «Ғам – Sadness» («Печаль») в пословицах и поговорках таджикского и английского языков

Пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью языковой культуры любого народа. В повседневной речи они используются спонтанно и бессознательно, но при этом выполняют важную коммуникативную и когнитивную функции. Уже давно отмечено, что именно в пословицах и поговорках ярко отражаются мудрость, культура и дух народа. Знание таких кратких народных изречений помогает не только овладеть языком, но и глубже понять мировоззрение и характер носителей того или иного языка.

Многие исследователи (А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, Ф.И. Буслаев, К.И. Григас, Г.Л. Пермяков, А. Дандис, Х. Касарес, В.В. Гвоздев, Ю.И. Левин, В.П. Жуков и др.) подчеркивают, что пословицы – это не только средство выразительности, но и отражение менталитета народа. По мнению Е.С. Мезенцевой, пословицы фиксируют мировоззренческие установки определенных социальных и этнических групп, а «пословичный менталитет» является частью более широкого народного сознания [Мезенцева:2005, с. 25].

Одним из первых исследований пословиц с точки зрения когнитивной лингвистики можно считать труд И.М. Снегирева «Русские в своих пословицах», в которой на материале народных пословиц и поговорок автор точно и последовательно реконструирует представления русского человека о мире, жизни, себе и обществе. По его мнению, пословицы представляют собой своеобразное зеркало, в котором «отсвечивается внутренняя жизнь народа, отличительные его свойства и господствующие в нем мнения, тесно соединяется настоящее с прошлым и будущим, семейный его быт с народностью, а народность с человечеством» [Снегирев: 1996]. Таким образом, пословицы выступают не только

как лингвистический материал, но и как культурный феномен, позволяющий реконструировать систему ценностей и образ мира носителей языка.

Для анализа паремийных единиц таджикского языка были использованы сборники пословиц и поговорок таджикского языка. Среди них следует отметить «Мудрость трех народов (таджикские, узбекские, русские пословицы, поговорки и афоризмы в аналогии)» под редакцией Я.И. Калонтарова [Калонтаров: 1989], «Сборник пословиц и поговорок народов мира» под редакцией Дилшода Рахимова [Рахимов: 2012], а также фундаментальный труд «Свод таджикского фольклора. Пословицы, поговорки, загадки», составленный Б. Тилавовым, Ф. Муродовым, К. Хисомовым [БФТ: 1990]. Дополнительно использовались и более ранние издания, такие как сборник А. Писарчика, С. Точиддинова и М. Ҳомидҷонова [Писарчик: 1961], а также работа М. Фозилова [Фозилов: 1973].

Анализ представленного материала позволил выявить особенности представления эмоциональной лексики в таджикских паремиях. В частности, в значении «Печаль» используются лексемы: *ғам* (печаль, грусть, кручина, огорчение, горестъ; забота), *азоб* (мучение, страдание, пытка), *азият* (страдание, мука, беспокойство, истязание), *бадбахтӣ* (несчастье, злополучие, беда). Эти лексемы не только отражают эмоциональную составляющую, но и демонстрируют богатство синонимического ряда и семантические оттенки, актуализированные в народной фразеологии.

В процессе отбора и анализа практического материала пословиц и поговорок в таджикском языке, отображающих концепт «Ғам», были сформированы тематические группы:

1. Социальный аспект печали.
2. Печаль, идущая одна за другой.
3. Печаль и радость – две стороны жизни.
4. Печаль в душе.
5. Чрезмерная радость влечет за собой горе.
6. Причина появления бед и несчастий.
7. Жизненные наставления по поводу печали.

Тематическая группа **«Социальный аспект печали»** в таджикском языке отражает глубинное понимание человеческих отношений и социальной поддержки. Под этим подразумевают людей, которые готовы поддержать даже в самую трудную минуту. Настоящий друг выходит за пределы равнодушия, не задумываясь. Он не ждёт, когда его позовут, а сам чувствует, что его поддержка необходима. Порой горюющему не нужно многого – достаточно лишь понять, что своё несчастье он переживает не один. Например:

«Гар шуморӣ дуст, касеро шумор, К-ӯ бувад андар ғаму шодит ёр» [Калонтаров: 1989, с.352]. – *«Другом считай того, кто будет делить с тобой и горе и радость».* (Хисрави Деҳлавӣ)

«Дӯсту душманро дар бадбахтӣ мешиносӣ» [Раҳимов: 2012, с. 18]. – *«Друзей и врагов узнаёшь в беде».*

«Дӯст ҳамонест, ки дар бадбахтӣ дап наҳлӯят бошад» [Раҳимов: 2012, с. 85]. – *«Настоящий друг – это тот, кто рядом с тобой, когда ты несчастен».*

Следующая группа пословиц, отражающих идею **«Печаль, идущая одна за другой»**, широко распространены в различных языках и культурах. Эти пословицы можно трактовать так: внезапно столкнувшись с неожиданными трудностями, человек подсознательно не готов к их быстрому решению. Пребывая в подавленном, угнетенном душевном состоянии, он частично подсознательно, даже не осознавая этого, сам притягивает к себе неудачи одну за другой, события следуют одно за другим, как будто череда неприятностей и горестей словно ходит за человеком по пятам. Например:

«Як ғам сабуктар аз дуто» [Раҳимов: 2012, с. 14]. – *«Одно горе не горе, как бы с два не было».*

«Ғами тоза ғами пешинаро фаромӯш мекунонад» [Раҳимов: 2012, с. 31]. – *«Новое горе заставляет забыть старое».*

«Як бадбахтиро наси сар мекунӣ, дигараш меояд» [Раҳимов: 2012, с. 34]. – *«Лиха беда одну беду нажить, другая сама придет».*

Третья группа пословиц отражает идею **«Печаль и радость – две стороны жизни»**, в которых выражается идея чередования жизненных состояний – после

печали приходит радость, а в радости скрывается зародыш будущих испытаний. Например:

«Ҳар замиро шодӣ дар неш аст» [Калонтаров: 1989, с.95]. – *«За каждым горем приходит радость»*.

«Дар хурсандӣ тухми зам ва дар замгинӣ тухми шодӣ кошта мешаванд» [Раҳимов: 2012, с. 98]. – *«В радости есть семя печали, в печали – семя радости»*.

«Пас аз азобу мушкилиҳо хушбахтӣ меояд» [Раҳимов: 2012, с. 37]. – *«После страданий всегда приходит счастье»*.

Четвертая группа пословиц транслирует идею **«Печаль в душе»**; они подчеркивают, что явление тоски и печали характерно для человека так же, как и радость, любовь и ненависть. Печаль сопровождает человека в жизни, помогая глубже осознать свои чувства и переживания. Например:

«Кӯли бе қамиш нест, диле бе зам» [Раҳимов: 2012, с. 25]. – *«Озеро не бывает без камыша, душа – без тоски и печали»*.

«Дили безам нест» [Калонтаров: 1989, с.325]. – *«Нет сердца без заботы»*.

«Ҳар касе дар дили замгин дорад, аз ҳама беш ҳарф мезанад» [Раҳимов: 2012, с. 37]. – *«Каждый, у кого есть печаль в сердце, говорит больше, чем кто-либо»*.

Пятая группа пословиц таджикского языка **«Чрезмерная радость влечет за собой горе»** означает то, что как только человек достигает наивысшей точки радости, она сразу же превращается в глубочайшую печаль. Это является универсальным законом жизни. Такая переменчивость эмоций напоминает нам о необходимости сохранять внутреннее равновесие и умеренность в чувствах. Например:

«Хурсандии барзиёд заму кулфатро ба вуҷуд меорад» [Раҳимов: 2012, с. 29]. – *«Избыток радости влечет за собою порождаемую им печаль»*.

«Хурсандии аз ҳад зиёд касро ба заму гусса меорад» [Раҳимов: 2012, с. 97]. – *«Если сильно чему-то радуешься, то будешь потом горько плакать»*.

Шестая группа **«Причина появления бед и несчастий»** подчеркивает, что в жизни каждого человека бывают трудные моменты и несчастья. Чаще всего они

возникают из-за небольших на первый взгляд причин. В таджикской народной мудрости есть пословицы, которые говорят о том, что именно мелкие причины приводят к большим бедам, а также предупреждают о силе и опасности слова. Например:

«Бадбахтии калон аз сабабҳои хурд сар мезанад» [Раҳимов: 2012, с. 98]. – *«Большие несчастья от малых причин исходят».*

«Ҳамаи бадбахтиҳои одам аз забонаш сар мезананд» [Раҳимов: 2012, с. 58]. – *«Все беды от языка».*

Последняя группа пословиц несет в себе глубокие жизненные наставления, которые помогают человеку правильно ориентироваться в радостях и печали жизни. Эти пословицы являются мудрыми советами, проверенными временем, они учат нас сохранять баланс, внутреннюю силу и стойкость в любых обстоятельствах. Например:

«Дар ифтихор шармро фаромӯш макун, дар хушбахтӣ бадбахтӣ ба ёд ор» [Раҳимов: 2012, с. 53]. – *«В почете помни стыд, в счастье помни горе».*

«Дар рӯзҳои хушбахтӣ покдил бош, дар бадбахтӣ – сахтдил» [Раҳимов: 2012, с. 53]. – *«Будьте чистосердечны в счастливые дни и жестокосердны в плохие времена».*

«Дар хурсандӣ ҳадди худро бидон ва дар бадбахтӣ имонатро гум макун» [Раҳимов: 2012, с. 23]. – *«В радости знай меру, в беде не теряй веру».*

Стоит отметить, что в таджикской народной мудрости существует множество пословиц и поговорок, которые выражают национально-специфические особенности таджикской лингвокультуры и по-разному раскрывают тему печали, горя и жизненных трудностей. Каждая из них несет глубокий смысл и помогает лучше понять человеческие переживания. Например, пословица **«Ҳамаи замҳо фаромӯш мешаванд, ҳамаи бадбахтиҳо мегузаранд»** [Раҳимов: 2012, с. 27]. – *«Все печали забываются, все беды проходят»* означает, что несмотря на то, что человека могут постигнуть несчастья и беды, все же со временем все душевные и физические раны затягиваются, а боль притупляется.

Пословица *«Ғам дораму ғамхор надорам»* [Калонтаров: 1989, с.306]. – «У меня печаль, а сочувствующего мне человека нет» очень похожа на русскую пословицу, которая звучит так: *«В радости сыщут, а в горе забудут»*, т.е. люди перестают сочувствовать чужому горю, потому что им это неинтересно. И не имеет особого значения, пережили они сами подобное горе, или нет – ведь, как известно, болит только своя голова, а не чужая.

То же значение имеет пословица *«Ғами дигарон – баъди хӯроки нимрӯзӣ»* [Раҳимов: 2012, с. 78]. – «Чужое горе – после обеда», то есть на чужом горе никто долго не будет заикливаться, о нем могут вспомнить после решения собственных проблем.

Пословица *«Вақте ки хурсандӣ, меҳоҳӣ, ки умри дароз бинӣ, аммо вақте ки ғамгинӣ, пагоҳ мурдан меҳоҳӣ»* [Раҳимов: 2012, с. 28]. – «Когда весело – хочется жить долго, когда грустно – хочется умереть хоть завтра» говорит об относительности того, как человек переживает эмоции радости и печали. Радость приносит ощущение полноты и удовлетворения и может возникать из самых простых вещей: чья-либо улыбка, солнечный день, успех в работе и в личной жизни. Печаль, напротив, сопровождается потерями, изменениями, влекущими за собой беды и несчастья. Чувствительные люди переносят, переживают печаль сильнее и болезненнее, так как они остро ощущают несовершенство мира и временность всего сущего.

В пословице *«Дар соати вақтхушӣ, ғамҳо дар кунҷи фаромӯшӣ»* [Раҳимов: 2012, с. 75]. – «В радостный миг все печали загнаны в угол забвения» говорится о том, что когда человека охватывает чувство эйфории и он счастлив, то в этот момент он забывает, хоть и на время, о всех своих проблемах и заботах.

Пословица *«Бадбахтӣ омӯзгори хуб аст»* [Раҳимов: 2012, с. 8]. – «Несчастье – хороший учитель» означает, что беды и препятствия могут стать для человека источником силы и опыта, на которых можно вырасти и достичь высокого уровня осознанности.

Пословица *«Дар ишқи калон азият бисёр аст»* [Раҳимов: 2012, с. 29]. – «От большой любви много страданий» предупреждает, что чрезмерная любовь может

привести к страданиям и разрушению отношений, так как она может быть эгоистичной и оказывать эмоциональное давление на партнера. Человек, испытывающий сильное и неконтролируемое чувство любви, сильно зависим от своих чувств и желаний, игнорируя и не осознавая интересы и потребности своего избранника.

Что касается паремиологического фонда английского языка, в качестве основных источников были использованы следующие работы: «Тематический словарь русских и английских пословиц и поговорок» под редакцией Е.Ю. Шацкой [Шацкая: 2013], «Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги» под редакцией Ю.В. Бодровой [Бодрова: 2007], сборник английских пословиц и поговорок под редакцией И.С. Гварджаладзе [Гварджаладзе: 1971] и другие справочные материалы [Collis: 1992].

Во многих сборниках пословиц и поговорок английского языка было отмечено, что в большинстве случаев для выражения эмоциональной лексемы «Печаль» в английском языке используются следующие лексемы: ***misery*** (несчастье, невзгода, напасть), ***misfortune*** (беда, неудача, несчастье, злоключение), ***sorrow*** (горечь, печаль, скорбь, грусть, сожаление), ***trouble*** (беспокойство, волнение, тревога, беда), ***adversity*** (бедствия, неприятности, несчастья), ***grief*** (горе, скорбь, печаль, боль, страдание), ***woe*** (горе, напасть, несчастье), ***worry*** (беспокойство, тревога, волнение).

В ходе тщательного отбора практического материала для классификации английских пословиц и поговорок, отражающих лингвоконцепт «Печаль», были выделены тематические группы, которые не только совпадают с классификацией, применяемой в таджикском языке, но и отличаются более обширной дифференциацией:

1. Беда и ее природа: когда и как приходит горе.
2. Друзья и поддержка в трудные времена.
3. Горе и его влияние на человека.
4. Горе как путь к мудрости.
5. Лечение горя временем.

В английском языке существует ряд пословиц, отражающих идею «**Бед**а и ее природа: когда и как приходит горе». Эти паремии выражают мысль о том, что несчастья часто приходят неожиданно. Бед

а может прийти к каждому, но не стоит её провоцировать. Например, английская пословица «***Don't trouble trouble until trouble troubles you!***» [Бодрова: 2007, с. 85] – «*Не тревожь беду, пока она сама тебя не потревожит*» перекликается с русской пословицей «*Не буди лихо, пока оно тихо*». Обе пословицы предостерегают от необдуманных действий, учат нас думать о последствиях своих поступков, не лезть на рожон и соблюдать осторожность.

Другая английская пословица «***Misfortunes never come alone***» [Гварджаладзе: 1971, с. 17-18]. – «*Беды никогда не ходят поодиночке*» передает идею русской пословицы «*Бед*а не приходит одна», указывая на то, что несчастья обладают свойством следовать друг за другом, выстраиваясь в трагическую цепочку, что усиливает взаимосвязанность жизненных трудностей.

Также пословица «***Misfortune arrives on horseback but departs on foot***» [Гварджаладзе: 1971, с. 17] отражает распространенную мысль о том, что горе приходит стремительно, словно на быстром коне, а уходит медленно и с большим трудом – как и в русской пословице: «*Бед*а к нам приходит верхом, а от нас уходит пешком».

Вторая группа пословиц английского языка также отражает идею дружбы и поддержки в трудные времена. Настоящая дружба проявляется в трудных жизненных обстоятельствах – именно тогда, когда человек нуждается в поддержке, можно понять, кто его настоящий друг. Эти пословицы подчёркивают важность верности, поддержки и взаимопомощи в моменты испытаний. Например, пословица «***A friend in need is a friend indeed***» [Комаров: 2008, с. 10] имеет русский аналог «*Друг познается в беде*», а выражение «***Prosperity makes friends, and adversity tries them***» [Гварджаладзе: 1971, с. 66] – «*Дружба рождается в благополучии и проверяется в несчастье*» также перекликается с русской пословицей «*В радости сыщут, а в горе забудут*». Эти пословицы раскрывают природу мнимой дружбы: когда дружба больше не приносит радости или выгоды,

многие решают разорвать отношения, но неизменно сожалеют впоследствии о потерянной дружбе.

Вместе с тем дружба раскрывается не только в испытаниях, но и в умении делить радость. Например, английская пословица **«A sorrow shared is half a trouble, but a joy that is shared is a joy made double»** [Гварджаладзе: 1971, с. 54] – *«Разделенная печаль – полпечали, разделенная радость – двойная радость»* близка по смыслу к русской: *«Горе на двоих – полгоря, радость на двоих – две радости»*. Пословицы также толкуются как если радоваться вдвоем, то это принесет большее удовлетворение, так как ты не один счастлив. А если горевать вдвоем, то, наоборот, это только половина горя: люди могут поддержать друг друга, могут помочь и выручить в трудную минуту.

Третья тематическая группа английских пословиц отражает идею **«Горе и его влияние на человека»**. Данные пословицы подчеркивают, как душевные страдания и утраты отражаются на внутреннем состоянии, поведении и восприятии жизни. Так, например, пословица **«Care brings grey hair»** [Гварджаладзе: 1971, с. 142] – *«Не время волос белит, а кручина»* выражает аналогичную с русской поговоркой идею *«Не годы старят, а горе»*. Она означает, что человек, переживший горе, помнит и часто возвращается в эту ситуацию в мыслях, занимается самобичеванием и винит себя в случившемся, не находя выхода из сложившейся ситуации. Именно такие внутренние переживания и тревоги отражаются на здоровье и внешнем облике, приводя к преждевременному старению.

В английском языке присутствует ряд пословиц, которые показывают разницу отношения к проблеме умных и глупых людей. Например, пословица **«Small sorrows speak; great ones are silent»** [Гварджаладзе: 1971, с. 25] – *«Легкое горе болтливо, тяжелое – молчаливо»* подчеркивает, что глубокая печаль обычно переживается молча, тогда как незначительные проблемы вызывают бурную реакцию. Если возникает какая-либо частная или общественная проблема, глупый человек начинает ворчать или жаловаться на жизнь, осуждать, ныть, искать виноватых, в то время как умный человек не станет говорить лишнего, а молча, но с максимальной пользой постарается решить возникшую проблему сам, или, видя,

что его сил для этого недостаточно, будет убеждать людей в необходимости действовать для разрешения проблемы.

Также есть пословицы английского языка означающие, что любой человек болезненно воспринимает всё, что связано с ним самим. Каждому мучительно переживать своё недомогание, причиняющее физические и моральные страдания. Мы воспринимаем свою боль острее, чем чужую, и у каждого — своя внутренняя борьба, о которой окружающим может быть неизвестно. Например, английская пословица «*Every heart knows its bitterness*» [Гварджаладзе: 1971, с. 220] или «*To everyone his own cross is heaviest*» [Гварджаладзе: 1971, с. 43] имеют русский аналог «У каждого свое горе» или «Каждому своя слеза солоня».

Четвертая тематическая группа английских пословиц объединена общей темой «Горе как путь к мудрости», то есть горе не только приносит страдание, но и побуждает к переосмыслению, обучает, закаляет характер и часто становится источником новых сил и понимания жизни. Так, пословица «*It is no use crying over the split milk*» [Шацкая: 2013, с. 30] или «*Crying will not mend matters*» [Гварджаладзе: 1971, с. 172] аналогичны русской пословице «Слезам горю не поможешь». Такие пословицы подчеркивают важный жизненный урок: плач и жалобы не способны изменить ситуацию к лучшему. Важно не только переживать трудности, но и предпринимать какие-либо действия для их преодоления.

Пословицы «*Adversity is a good teacher*» [Гварджаладзе: 1971, с. 54] — «Несчастье — великий учитель» и «*Misfortunes make us wise*» [Гварджаладзе: 1971, с. 19] — «Беды мучат, уму учат» отражают важную жизненную истину: беда — явление тяжелое, но из каждой такой ситуации нужно извлекать уроки, чтобы не допустить повторения в дальнейшем. Неприятности учат человека делать выводы, анализировать каждый свой поступок, помогают формировать характер, развивают терпение и мудрость. Через страдание приходит понимание, как избежать подобных ситуаций в будущем.

Также в английском языке, как и в таджикском, широко распространена философская мысль, выраженная пословицей «Нет худа без добра». Эта группа пословиц отражает глубокое понимание жизни, согласно которому радости и

невзгоды неизменно связаны между собой. В каждом испытании, каждой горечи скрывается зерно добра, а за трудностями всегда следует облегчение и счастье. Например, английская пословица *«Every cloud has a silver lining»* [Бодрова: 2007, с. 96] отражает ту же идею: даже в тяжёлых жизненных ситуациях можно найти положительное – опыт, новые возможности, внутреннюю силу.

Последняя тематическая группа английских пословиц *«Лечение горя временем»* излагает идею того, что с течением времени боль утихает, а острые переживания становятся менее тяжелыми. Английская пословица *«Time tames the strongest grief»* [Бодрова: 2007, с. 19] или *«Time is a great healer»* [Гварджаладзе: 1971, с. 37] выражает мысль о том, что со временем проходит душевная боль, страдание становится менее острым, а переживания – не такими мучительными. Даже самые глубокие утраты и сильные горести с течением времени теряют свою разрушительную силу. Время помогает человеку справиться с любыми эмоциональными потрясениями, пережить утраты, измены, разочарования и вновь обрести душевное равновесие.

Пословица *«For in much wisdom is much grief»* [Шацкая: 2013, с. 39] также имеет русский аналог *«Кто умножает познание, умножает скорбь»*. Автором этих строк был царь Соломон, который опираясь на собственный опыт, говорил, что приобретение новых знаний оказалось для него такой же суетой, что и погоня за ветром. С увеличением понимания мира возрастает и осознание его несовершенства, страданий и тщетности – отсюда и скорбь.

Таким образом, обращение к пословично-поговорочному фонду двух языков показало, что концепт «Печаль» глубоко укоренен в духовной культуре обоих этносов. В паремийном корпусе данный концепт реализует свой семантический потенциал преимущественно через дидактические контексты, транслируя нормативные предписания относительно способов переживания и преодоления горестных состояний.

Перевод и последующий анализ паремиологических единиц, реализующих концепт «Печаль», выявили, что репрезентация эмоции печали в пословицах и поговорках таджикского и английского языков осуществляется посредством

лексических единиц, передающих значение «тоски», «беды», «несчастья», «горя», «страдания».

Интересно отметить, что при формировании тематических групп таджикских и английских пословиц и поговорок хоть и проводилось по отдельности, все же наблюдается некоторое сходство в создании образов и способах построения многих пословиц и поговорок: *Дӯстонро дар бадбахтӣ мешиносанд. – A friend in need is a friend indeed. – Друг познается в беде. Бадбахтӣ ҷуфт шуда меояд. – Misfortunes never come alone. – Беда не приходит одна. Хушбахтию бадбахтӣ ҳамсои ҳамдигаранд. – Happiness and grief follow one another. – Где радость, там и горе. (Радость и горе рядом ходят.)*

Национально-культурная картина мира таджикского и английского народов отражается именно на паремиологическом уровне. Паремии обращены не столько в мир, сколько на самого субъекта, т.е. они изначально создаются не для того, чтобы описывать мир, а для того, чтобы интерпретировать его в культурно-национальном диапазоне, выражать субъективное и эмоционально-окрашенное отношение человека к миру. Незнание данного лексического пласта затрудняет общение, препятствует акту коммуникации, мешает правильному восприятию литературных текстов. Из чего следует, что изучение пословиц и поговорок должно быть обязательным в изучении лексики и фразеологии языка в целом. Человеку, желающему усвоить иностранный язык, необходимо ознакомиться и с национально-культурной семантикой данного языка.

Выводы по третьей главе

Сопоставительный анализ языкового материала таджикского и английского языков, полученный из лексикографических источников, а также сборников фразеологических сочетаний и паремиологических выражений, дал возможность определить, что сопоставляемые фразеологические и паремиологические единицы имеют схожие характеристики и ряд отличительных, культурно-маркированных признаков. При сравнении объема фразеологических сочетаний некоторых групп,

отражающих эмоциональный концепт «Печаль» в таджикском и английском языках, обнаруживается некоторая неравномерность, которая обусловлена несовпадением способов концептуализации повседневного опыта, социальных ориентиров и ментальных установок в разных лингвокультурах. Сопоставительный анализ позволил выявить ряд закономерностей, характеризующих фразеологический фонд двух языков в аспекте репрезентации эмоции печали. Примечательно, что таджикский язык демонстрирует более разветвленную систему подгрупп, включающую фразеологизмы со значениями «страдание», «мучение», «беспокойство», «волнение», «душевная боль», «вымещение злобы», «сочувствие», «жалость», «сострадание», «раздражение», «сожаление», «раскаяние», тогда как в английском языке активно представлены групповые категории фразеологических единиц, обозначающих «подавление чувства печали», «горе», «тоска», «подавленность», «жалость», «отчаяние», «разочарование».

Исследование пословиц и поговорок таджикского и английского языков позволяет утверждать, что концепт «Ғам» – «Sadness» (Печаль) интегрирован в духовную культуру обоих этносов и актуализирован главным образом через назидательные контексты, транслирующие народную мудрость относительно осмысления горестных состояний. Перевод привлеченного паремиологического корпуса выявил, что семантическое поле печали представлено лексемами, передающими значения «тоски» «беды», «несчастья», «горя», «страдания».

Национально-культурная картина мира таджикского и английского народов наиболее ярко отражается именно в паремиях, которые интерпретируют действительность через субъективное, эмоционально окрашенное восприятие человека. Незнание этого лексического пласта затрудняет коммуникацию и понимание литературных текстов, что делает изучение пословиц и поговорок обязательным компонентом освоения лексики и фразеологии иностранного языка. Человеку, овладевающему языком, необходимо постигать и его национально-культурную семантику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного комплексного сопоставительного исследования системы языковых средств, репрезентирующих концепт «Печаль» было установлено, что эмоция печали, несмотря на свою отрицательную природу, занимает значимое место в системе ценностей каждого этноса, обнаруживая при этом ярко выраженное национально-культурное своеобразие в способах своей вербализации и осмысления. Она отражается в языке через различные лексические, фразеологические, метафорические и паремиологические средства, которые передают не только базовые свойства печали как эмоционального состояния, но и сложный и многогранный спектр ее образных и культурных интерпретаций.

Эмоциональная сфера человека не существует вне языка, который выполняет функцию оформления, структурирования и трансляции внутренних переживаний. Благодаря языку эмоции становятся доступными для понимания в различных семиотических системах – от устной речи и письменных текстов до мимики, жестов и визуальных образов. Язык не только придает эмоциям форму, но и обеспечивает их социальное бытование, превращая индивидуальные переживания в факт социального опыта и часть общественной жизни.

Исследование эмоционального концепта «Печаль» выступает объектом изучения для ученых различных специальностей – психология, культурология, антропология, нейронаука, информатика, философия и даже биология. Это взаимодействие позволяет раскрыть глубинные механизмы формирования эмоции печали в человеческом сознании, проследить ее когнитивные, культурные и биологические основы.

В ходе настоящего исследования был проведен комплексный анализ системы языковых средств, репрезентирующих эмоциональный концепт «Печаль», а также были изучены сферы его экспликации в таджикской и английской языковых картинах мира. Это позволило выявить и систематизировать обширный практический материал, отражающий различные способы выражения эмоции печали. Основное внимание было уделено лексическому, лексикографическому,

корпусному, синонимическому, фразеологическому и паремиологическому аспектам, что способствовало более глубокому пониманию лингвокогнитивной репрезентации эмоции печали. Полученные результаты исследования подтверждают интерес изучения эмотивных концептов, которые могут быть применены при разработке курсов лингвоконцептологии, эмотиологии, а также современных проблем когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Аналитический обзор научной литературы послужил основой для формирования теоретической базы научного исследования. Был выделен ряд подходов к пониманию и изучению концепта – когнитивный, лингвоконцептологический, лингвокогнитивный, лингвокультурологический. Каждый из них формирует собственное представление о природе концепта, определяет методы его анализа и рамки интерпретации. Были обозначены ключевые направления когнитивной лингвистики, такие как концепт, концептосфера, концептуальная метафора, категория. Установлено, что язык тесно связан с историей, культурой, традициями и духом народа.

Использование комплекса методов исследования (метод лексикографического анализа, метод корпусного анализа, метод компонентного анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа и др.) обеспечило возможность для детального изучения лексических и фразеологических средств вербализации концепта «Печаль» в таджикском и английском языках, а также для фиксации как универсальных закономерностей, присущих обоим языкам, так и культурно-обусловленных особенностей, отражающих национальное своеобразие восприятия и интерпретации эмоции печали.

Метод лексикографического анализа показал, что данная эмоция печали раскрывается по-разному в зависимости от языковой и культурной традиции. Материалом исследования послужили толковые и синонимические словари таджикского и английского языков.

На материале лексикографических источников таджикского языка было установлено, что ключевым словом-репрезентантом понятия «Печаль» выступает

лексема «Ғам», служащая центральной номинативной единицей вербализации данного эмоционального концепта.

Анализ толкований лексики «Ғам» в специализированных лексикографических ресурсах таджикского языка, а именно в толковых словарях С. Назарзода, М.Ш. Шукурова, Я. Калонтарова и Д. Саймиддинова, показал, что его семантическая структура носит многокомпонентный характер. Во всех проанализированных лексикографических источниках эмоция печали интерпретируется как отрицательное внутреннее эмоциональное состояние, переживание грусти и печали. Семантическое поле концепта расширяется за счет лексем-синонимов *гусса, андӯх, хафагӣ*, отражающих самые разные оттенки тоски и внутреннего переживания.

Исследование синонимических словарей таджикского языка (М. Фазылов, С.Р. Али-заде, А. Исмаил-заде, В.А. Капранов, М.С. Асимов, М. Мухаммадиев) показало, что концепт «Ғам» представлен широким рядом синонимических единиц, охватывающим как внутренние эмоциональные состояния, так и оттенки душевного переживания. К ядерным лексемам концепта относятся – *гусса, андӯх, хафагӣ, алам, дард*. Ближнюю периферию концепта «Ғам» составляют лексем – *махзун, гамгин, гамангез, хузн, андӯховар, замовар, пуралам, бохузн*. Дальнюю периферию концепта «Ғам» образуют лексем *ноумед, рӯҳафтода*, выражающие дополнительные оттенки эмоции печали – от глубокой тоски до состояния полного душевного упадка или отчаяния.

На основе анализа лексикографических данных английского языка было определено ключевое слово для выражения понятия «Печаль» – лексема «Sadness».

В ходе анализа определений эмоционального концепта «Sadness», представленных в толковых словарях английского языка Longman, McCarthy, O'Dell, Merriam-Webster, TANDEL, Collins, Хокинса, было выявлено, что эмоция печали интерпретируется как отрицательное внутреннее состояние, связанное с ощущением несчастья, грусти или сожаления. Семантическое поле концепта «Sadness» формируется лексемами *unhappy, sorrow, causing grief, expressive of sorrow*. Проанализированные дефиниции охватывают как внутреннее состояние

субъекта, так и его внешнее проявление или влияние на других, тем самым подчёркивая многогранность концепта «Sadness» в лингвокультурном пространстве английского языка.

Анализ данных синонимических словарей английского языка Fallows, Sargeant, Urdang, CACD, TAHDEL и Longman показал, что концепт «Sadness» представлен сложной и иерархически организованной системой синонимических рядов, отражающих различные аспекты эмоционального переживания печали. К ядерным лексемам концепта «Sadness» относятся лексемы, обозначающие общее состояние эмоционального неблагополучия – *unhappy, miserable, sorrow, sorrowful*, транслирующие общее состояние эмоционального неблагополучия. Ближнюю периферию концепта составляют лексемы *melancholy, depressed, low, despondent, heartbroken, grief, misery*, передающие интенсивность и глубину эмоционального состояния. Дальнюю периферию концепта «Sadness» образуют лексемы *mournful, gloomy, doleful, weebegone, heartache, broken-hearted*, отражающие внешнее проявление печали и ее социально-экспрессивные последствия. К крайней периферии концепта «Sadness» относятся лексемы *despondency, despair, depression*, а также разговорные и стилистически маркированные лексемы *blue, down, fed up*, репрезентирующие состояние эмоционального истощения и выходящие за пределы базовой эмоции печали.

Сопоставительный анализ показывает, что концепт «Ғам» в таджикской языковой традиции выражает внутренний эмоциональный опыт, в то время как в английской концепт «Sadness» сочетает внутренние переживания с социальными и внешними проявлениями.

В ходе исследования эмоционального концепта «Печаль» («Ғам – Sadness») с использованием метода корпусного анализа была сформирована обширная эмпирическая база, данные которой позволили выявить большое количество устойчивых сочетаний слов, метафор, фразеологических выражений с лексемой «Печаль» («Ғам – Sadness»), а также определить частотность их употребления в современном таджикском и английском языках.

Анализ показал, что ключевая лексема «Ғам» широко употребляется в современном таджикском языке. По данным НКТЯ, лексема «Ғам» в своей прямой номинации охватывает около 70% всех случаев репрезентации одноименного концепта, что указывает на ее доминирующую роль в вербализации эмоции печали. Рассмотрение фразеологического материала, включающего устойчивые словосочетания и выражения с лексемой «Ғам», раскрыло национально-культурное своеобразие ее реализации в таджикской языковой картине мира. Приведенные данные были получены путем расчета относительно совокупного количества всех сочетаний и выражений с участием данной лексемы. **К ядерным единицам концепта** относятся наиболее частотные и широко употребляемые сочетания, отражающие базовые аспекты эмоционального переживания печали: *ғаму андӯх* (16,85%), *ғаму ғусса* (10,42%), *дарду ғам* (10,37%), *ғам махӯр* (7,90%), *ғаму шодӣ* (7,03%), *ғаму дард* (6,79%), *ғам нахӯр* (5,99%). Эти словосочетания формируют ядро концепта, демонстрируя его центральное значение в таджикской языковой и культурной традиции.

Ближнюю периферию концепта составляют сочетания, частотность которых колеблется в пределах 50 – 75% от суммарного употребления: *ғам хӯрдан* (2,89%), *ғаму ташвиш* (2,73%), *ғами ишқ* (2,62%), *ғаму ҳасрат* (2,05%), *шодию ғам* (2%), *бисёр ғам* (1,90%), *оташи ғам* (1,67%), *пур аз ғам* (1,54%), *ғаму кулфат* (1,49%), *ашки ғам* (1,30%), *андӯху ғам* (1,26%), *ғам хӯрда* (1,23%), *ғубори ғам* (1,23%), *дуди ғам* (1,18%), *ранҷу ғам* (1,17%), *манзили ғам* (1,08%). Эти единицы передают более разнообразные оттенки печали, отражая интенсивность и глубину эмоционального состояния.

Дальняя периферия включает менее частотные сочетания и выражения: *ғами зиндагӣ* (0,82%), *сад ғам* (0,80%), *ғаму андеша* (0,76%), *ғуссаву ғам* (0,75%), *зиёд ғам* (0,63%), *соҷи ғам* (0,60%), *сиришки ғам* (0,57%), *ҳасрату ғам* (0,56%), *ташвишу ғам* (0,41%), отражающие дополнительные оттенки эмоционального состояния.

К крайней периферии относятся редкие, метафорические и стилистически окрашенные сочетания с лексемой «Ғам» и ее синонимами: *аламу ғам* (0,19%),

дилтангиву гам (0,19%), *борони гам* (0,18%), *сӯзу гам* (0,13%), *заҷру гам* (0,07%), *огӯши гам* (0,07%), а также сочетания с производными: *гаму мусибат* (0,32%), *гаму гиря* (0,28%). Эти единицы отражают редкие или специфические проявления эмоции печали и выходят за пределы базового значения концепта.

Указание частотности и разнообразия выражений свидетельствует о том, что эмоциональный концепт «Гам» играет очень важную роль в народной психологии и сознании таджикского народа, отражая как прямое значение (*гам хӯрдан*, *дилтангиву гам*, *гаму гусса*, *гаму шодӣ*), так и метафорическое (*оташи гам*, *манзили гам*, *гами ишқ*), что подтверждает богатство семантических и стилистических возможностей языка.

Анализ синонимического поля концепта «Гам» показал, что его структура характеризуется широкой системой лексем-репрезентантов, которые образуют ядро и периферию поля. Для исследования были выделены ключевые синонимы, непосредственно передающие базовое эмоциональное состояние печали: *азоб*, *алам*, *андӯх*, *ҳасрат*, *гусса*. Остальные синонимы не включались, так как отражают периферийные или метафорические оттенки эмоции.

По данным Национального корпуса таджикского языка, процентное соотношение этих лексем относительно суммарного употребления всех выражений с лексемой «Гам» составляет: *азоб* (14,6%), *алам* (6,6%), *андӯх* (4,8%), *ҳасрат* (4,1%), *гусса* (2,5%). Эти лексемы формируют центральное ядро концепта «Гам», демонстрируя его основное значение в таджикской языковой и культурной традиции и отражая ключевые эмоциональные переживания, связанные с печалью. Указанные данные процентного соотношения показывают долю каждой лексемы относительно суммарного употребления всех выражений с лексемой «Гам», что подтверждает доминирующее значение этих единиц в выражении эмоции печали в современном таджикском языке.

Исследуя ключевую лексику «Sadness» на базе Британского национального корпуса (BNC), мы также зафиксировали суммарную частотность – **747 вхождений**.

Кроме того, были выявлены устойчивые сочетания с данной лексемой и их статистическая частотность употребления в языке с указанием процентной доли от общего числа зафиксированных вхождений: *great sadness* (5,36%), *deep sadness* (2,14%), *tinged with sadness* (1,34%), *feeling of sadness* (1,21%), *expression of sadness* (1,07%), *some sadness* (0,94%), *twinge of sadness* (0,94%), *full of sadness* (0,80%), *hint of sadness* (0,80%), *tinge of sadness* (0,67%), *certain sadness* (0,67%), *to cause sadness* (0,67%), *real sadness* (0,54%), *aura of sadness* (0,40%).

На основе составленного списка устойчивых сочетаний с лексемой «Sadness» были сформированы шесть тематических групп в зависимости от контекста использования концепта: *глубокое внутреннее отрицательное чувство* – 69 предложений (9,2%); *печаль, связанная с кончиной или потерей* – 26 предложений (3,5%); *внешнее проявление печали* – 23 предложения (3,1%); *выражение печали через речь или голос* – 13 предложений (1,7%); *эмоциональная окраска через цвет или атмосферу* – 12 предложений (1,6%); *печаль, окутывающая человека, или пространство* – 5 предложений (0,7%).

Суммарно, ядро концепта «Sadness» в английском языке формируют группы с наибольшей долей предложений, то есть «глубокое внутреннее отрицательное чувство» (9,2%) и «печаль, связанная с кончиной или потерей» (3,5%). Эти категории отражают наиболее типичные и частотные проявления эмоции печали.

Ближняя периферия включает группы с умеренной долей предложений: «внешнее проявление печали» (3,1%) и «выражение печали через речь или голос» (1,7%), отражая менее частые, но устойчивые способы выражения печали.

Дальняя периферия формируется группами с минимальным числом примеров: «эмоциональная окраска через цвет или атмосферу» (1,6%) и «печаль, окутывающая человека или пространство» (0,7%), которые представляют редкие или контекстуально специфические проявления концепта.

Таким образом, распределение устойчивых сочетаний лексики «Sadness» по тематическим группам наглядно демонстрирует семантическое разнообразие

концепта и позволяет выделить его ядро и периферию в современном английском языке.

В рамках исследования было проанализировано синонимическое поле концепта «Sadness». На основании данных, полученных из корпуса BNC, наиболее частотными лексемами являются следующие синонимы: *pain* (33,8%), *hurt* (20,6%), *suffering* (19,9%), *upset* (14,6%), *anxiety* (12,4%), *depression* (10,8%). Данные показатели частотности помогают выделить наиболее употребляемые лексемы, отражающие ключевые значения эмоционального состояния печали, и позволяют определить ядро синонимического поля концепта «Sadness» в современном английском языке. В него входят *pain*, *hurt* и *suffering*, как наиболее часто употребляемые и семантически центральные единицы. Остальные лексемы, такие как *upset*, *anxiety* и *depression*, составляют периферию синонимического поля, отражая менее частые или контекстуально специфические оттенки печали.

Корпусный анализ позволяет выявить семантическое разнообразие концепта «Печаль – Sadness», его ядро и периферию в современном таджикском и английском языках, а также особенности употребления лексем и устойчивых сочетаний, отражающих ключевые эмоциональные состояния.

Исследуя фразеологический фонд таджикского и английского языков, была предпринята попытка разработать систему тематической классификации фразеологических оборотов, отражающих эмоциональный концепт «Печаль» в исследуемых языках.

Широкий спектр устойчивых сочетаний и выражений, включающих синонимичные лексемы для передачи различных граней печали, был выявлен в таджикском языке благодаря обращению к авторитетному лексикографическому источнику – двухтомному «Фразеологическому словарю таджикского языка» под редакцией М. Фозилова, материалы которого составили эмпирическую базу исследования.

Исследование фразеологического фонда таджикского языка, связанного с репрезентацией концепта «Печаль», позволило систематизировать выявленные единицы по девяти тематическим рубрикам, в которых находит отражение

многообразие проявлений данного эмоционального переживания. В количественном соотношении преобладает **группа фразеологизмов, описывающих утрату сил от страданий** (*заққуму зардоб шудан, алам кашидан, кабоб шудан, дили касе об шудан, ҷони касе дар азоб шудан*), что говорит о преобладании представления о печали как состояния истощения и ослабления жизненных сил в таджикской лингвокультуре.

Также значительную часть практического материала составляют **фразеологизмы с использованием соматизмов** (*дарди дил, дили касе нимта шудан, бо хуни дил навиштан, қавоқи касе овезон (будан), хунобаи дил хӯрдан*), отражающие метафоризацию состояния печали и его реализацию в таджикском языке.

Наименьшее количество фразеологических сочетаний, отражающих эмоцию печали, составляют **группы, репрезентирующие страдание и боль, обусловленные внешними источниками** (*дили касеро кабоб кардан, ҷони касеро дар азоб монондан, дили касеро обу адо кардан, дили касеро об кардан, дил хун кардан*), а также **группы, связанные с потребностью к сочувствию** (*бухси (бугзи) дилро баровардан, дарду алами худро кафондан, дарди дил гуфтан, ба сари касе алами худро рехтан, дарду ҳасрат кардан*). Минимальное количество фразеологических выражений зафиксировано в **группе фразеологизмов, фиксирующей причинение душевной боли** (*алам кардан, гапи касе ба касе алам кардан, ба чароҳати касе намак (намакоб) пошидан (рехтан)*), **преодоление печали** (*дарди дили касе бартараф шудан, аз шастии чизе раҳой ёфтан, дар дили касе зангу губор намондан*), **огорчение и разочарование** (*дили касеро сиёх кардан, дили касе сиёх шудан (гаштан), хаёли касеро гурезондан*), а также **воспроизведение болезненных воспоминаний** (*заҳми дили касе тоза шудан, заҳми кӯҳнаи (дили) касеро тоза кардан (кофтан), алами (кӯҳнаи) касеро тоза кардан*) и **выражения, описывающие состояние поглощенности печалью и страданием** (*машғули дарди дил будан, гушти бадани худро хӯрдан*).

Полученные данные показывают, что фразеологический фонд таджикского языка отражает эмоцию печали преимущественно как длительное, душевно

переживаемое состояние, связанное с утратой энергии, внутренним напряжением и телесными проявлениями эмоционального состояния.

Классификация фразеологических единиц английского языка, выражающих концепт «Печаль», показала, что данный концепт также охватывает широкий диапазон семантических проявлений. Материалом для исследования и анализа фразеологических выражений послужили словари Л.Ф. Шитовой, Ю.В. Мюррея, Д. Сифринг, а также онлайн-ресурсы, посвященные идиомам, выражающим эмоции радости и печали.

Метод классификации позволил нам создать пять основных групп, отражающих концепт «Печаль». Наибольшее число единиц представлено в **группе фразеологизмов с использованием соматизмов** (*to break someone's heart, with a heavy heart, to cry one's eyes out, down in the mouth, one's heart bleeds for someone*), выражающих телесные проявления эмоции печали, что помогает ярче передать внутреннее состояние человека, визуализируя эмоцию через физические ощущения.

Следующие группы, отражают **глубокое состояние печали и подавленности** (*down in the dumps, feel blue, broken-hearted, be bummed out, low spirits*) и **преодоление и подавление печали** (*keep one's pecker up, bear up, through thick and thin, drown one's sorrow*). В двух оставшихся группах зафиксированы фразеологические единицы, **посвященные страданиям и боли от внешнего источника** (*cut to the quick, get somebody down, to give someone the hump, bring down*) и **ощущению тоски, отчаяния, разочарования** (*have a long face, a bitter pill to swallow, be bummed out, at the end of one's rope (or tether)*) и других негативных переживаний.

Полученные данные демонстрируют, что в английском языке концепт «Печаль» также отражается через разнообразные фразеологические модели, при этом ключевую роль играют метафоры и выражения внутреннего подавленного состояния.

Проведенный сопоставительный анализ языкового материала таджикского и английского языков, полученного из сборников фразеологических сочетаний и

выражений, позволяет отметить наличие как определенного сходства, так и некоторых различий в отражении эмоционального концепта «Печаль» в данных языковых картинах мира.

Исследование паремиологического фонда, репрезентирующего концепт «Печаль» в таджикском и английском языках, осуществлялось методом анализа словарей и сборников пословиц и поговорок таджикского и английского языков, включая классические и современные издания и онлайн-ресурсы.

Анализ паремиологических источников позволил выделить **семь ключевых тематических групп**, отражающих эмоцию печали в таджикском языке. Преобладающее количество единиц относится к группе о **противопоставлении печали и радости как неотъемлемых сторон жизни** («*Ҳар замо ро шодӣ дар неш аст*»; «*Пас аз азобу мушкилиҳо хушбахтӣ меояд*»; «*Дар хурсандӣ тухми ғам ва дар ғамгинӣ тухми шодӣ кошта мешаванд*»; «*Ғаму шодӣ ба ҳам аст*»; «*Хушбахтию бадбахтӣ ҳамсои ҳамдигаранд*»), фиксирующей философское восприятие эмоциональных переживаний.

Одинаковое количество единиц наблюдается в группах «**Социальный аспект печали**» («*Дӯсту душманро дар бадбахтӣ мешиносӣ*»; «*Дӯст ҳамонест, ки дар бадбахтӣ дап паҳлӯят бошад*»), «**Печаль, идущая одна за другой**» («*Як бадбахтиро паси сар мекуни, дигараш меояд*»; «*Бадбахтӣ ҷуфт шуда меояд*»), «**Печаль и радость – две стороны жизни**» («*Хушбахтию бадбахтӣ ҳамсои ҳамдигаранд*»; «*Дар хурсандӣ тухми ғам ва дар ғамгинӣ тухми шодӣ кошта мешаванд*»), «**Печаль в душе**» («*Кӯли бе қамиш нест, диле бе ғам*»; «*Ҳар касе дар дили ғамгин дорад, аз ҳама беш ҳарф мезанад*»), «**Чрезмерная радость влечет за собой горе**» («*Хурсандии барзиёд ғаму кулфатро ба вуҷуд меорад*»; «*Хурсандии аз ҳад зиёд касро ба ғаму ғусса меорад*»). Помимо этого, также были зафиксированы и отражены в таджикского языке **паремии, отражающие представления о причинах появления бед и несчастий** («*Бадбахтии калон аз сабабҳои хурд сар мезанад*»; «*Ҳамаи бадбахтиҳои одам аз забонаш сар мезананд*») и содержащие **жизненные наставления** («*Дар хурсандӣ ҳадди худро бидон ва дар бадбахтӣ имонатро гум макун*»; «*Дар ифтихор шармро фаромӯш макун, дар хушбахтӣ*

бадбахтӣ ба ёд ор»), формирующие отношение к переживанию печали. Такое распределение демонстрирует глубину и культурную значимость концепта печали в таджикской паремиологической традиции.

Анализ паремиологического фонда английского языка позволил выделить **пять тематических групп**, частично пересекающихся с таджикской классификацией, но имеющих собственную специфику. Английские поговорки отражают **представления о природе беды и о том, когда и каким образом приходит горе** («*Don't trouble trouble until trouble troubles you!*»; «*One misfortune comes on the back of another*»), подчёркивают **значимость друзей и поддержки в трудные периоды** («*Friends are made in wine and proved in tears*»; «*Prosperity makes friends, and adversity tries them*»), описывают **влияние горя на человека** («*Little griefs are loud, great griefs are silent*»; «*Crying will not mend matters*»), трактуют **страдание как источник жизненной мудрости** («*Adversity makes men wise*»; «*There is no education like adversity*»); а также подчёркивают **роль времени в исцелении душевной боли** («*Time heals all wounds*»; «*Time is the best healer*»). Данные группы показывают характерные способы концептуализации горя в английской культурной традиции. Данная классификация демонстрирует, как общие универсальные темы, присущие обеим языковым культурам, так и уникальные культурно обусловленные нюансы в осмыслении и выражении концепта «Печаль».

Проведение сопоставительного анализа эмоционального концепта «Печаль» в таджикской и английской лингвокультурах на основе анализа лексикографических, корпусных, фразеологических и паремиологических данных, позволило выявить универсальные и культурно-специфические способы выражения печали в таджикской и английской лингвокультурах, а также продемонстрировать тесную связь языковых средств с менталитетом носителей языка.

Выполненное исследование, как представляется, вносит определенный вклад в развитие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Применение комплексной методики позволило не только углубить существующие знания об

эмоциональном концепте «Печаль», но и предложить инструментарий, который может быть полезен при изучении других эмоциональных концептов в разных языках и культурных традициях.

Сфера применения результатов диссертации охватывает учебный процесс, где ее материалы, выводы и обобщения могут служить основой для разработки спецкурсов и спецсеминаров. Кроме того, полученные данные могут быть интегрированы в содержание учебных курсов по лингвоконцептологии, эмотиологии, а также по проблематике современной когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Полученные результаты акцентируют важность концепта «Печаль» как ключевого для понимания культурных и когнитивных особенностей таджикской и английской концептосфер. Одновременно с этим работа демонстрирует эффективность комплексного подхода к изучению эмоций в языке, обеспечивающего более полное раскрытие их лингвокогнитивной природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книги

1. Абрамов, Г.А. Семантические поля в лексической системе русского языка / Г.А. Абрамов. – М.: 1999. – 337 с.
2. Анохин, П.К. Очерки о физиологии функциональных систем / П.К. Анохин. – М.: Медицина, 1975. – 447 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
4. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 3-е изд. – 480 с.
5. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
6. Бородина, М.А. Лексико-семантические группы в современном русском языке / М.А. Бородина. – М., 1981. – 123 с.
7. Бюлер, К. Теория языка / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 1993. – 501 с.
8. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
9. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
10. Вилюнас, В.К. Психология эмоциональных явлений / В.К. Вилюнас. – М.: Изд-во Московского университета, 1976. – 142 с.
11. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
12. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
13. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 1997. – 331 с.
14. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
15. Гак, В.Г. Язык и культура: Лингвистические исследования / В.Г. Гак. – М.: Слово, 1998. – 336 с.

16. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
17. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 387 с.
18. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
19. Изард, К. Психология эмоций / К. Изард. – СПб., 2002. – 460 с.
20. Изард, К.Э. Психология эмоций / К. Изард. – СПб., 2003. – 384 с.
21. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
22. Колесов, В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
23. Колесов, В.В. О словообразовательных гнездах и семантических группах / В.В. Колесов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1980.
24. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 200 с.
25. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – М.: Гнозис, 2008. – 373 с.
26. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в английской и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2011. – 495 с.
27. Кубрякова, Е.С. Когнитивная наука: шаг к объединению знаний: Избранные труды / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
28. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
29. Левицкий, В.В. Семасиология: учебное пособие / В.В. Левицкий. – Винница: Нова Книга, 2006. – 508 с.
30. Майерс, Д. Психология / Д. Майерс. – Минск: ООО «Попурри», 2001. – 848 с.

31. Мещанинов, И.И. Членение предложения и части речи / М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 278 с.
32. Пешковский, А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы / А.М. Пешковский. – М.: Гос. академия художественных наук, 1927. – 68 с.
33. Покровский, М.М. Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский. – М., 1959. – 382 с.
34. Поливанов, Е.Д. Избранные статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 512 с.
35. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 314 с.
36. Реформатский, А.А. Введение в языкознание / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
37. Рябцева, Н.К. Концепт и значение слова в современном лингвистическом описании / Н.К. Рябцева. – М.: Изд-во МГУ, 2005.
38. Серебрянников, Б.А. Общее и типологическое языкознание / Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1970. – 356 с.
39. Серебрянников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
40. Симонов, П.В. Эмоциональный мозг / П.В. Симонов. – М.: Наука, 1981. – 224 с.
41. Степанов, Ю.С. Константы мировой культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1993 – 156 с.
42. Уорф, Б.Л. Язык, мышление и действительность: Избранные работы / Б. Л. Уорф. – М.: Прогресс, 1980. – 416 с.
43. Уфимцева, А.А. Лексическое значение : [Принцип семилогического описания лексики] / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
44. Уфимцева, А.А. Психолингвистические и когнитивные аспекты анализа языка / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1996. – 278 с.

45. Фёдоров, А.В. Сопоставительное изучение языков и проблемы перевода / А.В. Фёдоров. – Ленинград: Наука, 1973. – 320 с.
46. Фестингер, Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – СПб.: Речь, 2000. – 320 с.
47. Филин, Ф.П. Очерки по теории языкознания / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
48. Хомская, Е.Д., Батова, Н.Я. Мозг и эмоции. Нейропсихологическое исследование / Е.Д. Хомская. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 268 с.
49. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1987. – 208 с.
50. Шаховский, В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2013. – 128 с.
51. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 244 с.
52. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 278 с.
53. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Ленинград: Наука, 1974. – 400 с.
54. Экман, П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь / П. Экман. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 334 с.
55. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
56. Ярцева, В.Н. Типологическая характеристика языков различных систем / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1969. – 290 с.
57. Bally, Ch. Linguistique générale et questions de français. – Paris: Francke, 1951. – 276 p.
58. Bréal, M. Essai de sémantique. – Paris: Hachette, 1904. – 320 p.
59. Lacoff, G. Categories and cognitive models. – Berkeley, 1982. – 320 p.

60. Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 632 p.
61. Langacker, R.W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.
62. Langacker, R.W. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 2: Descriptive Application*. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 628 p.
63. Lutz, C. *Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and Their Challenge to Western Theory* – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – 286 p.
64. Malblanc, A. *Stylistique comparée du français et de l'allemand: essai de représentation du bilinguisme*. – Paris: Didier, 1948. – 312 p.
65. Rice, M. *Cognition to Language: Categories, word meanings and training*. – Baltimore, 1980. – 98 p.
66. de Saussure, F. *Cours de linguistique générale*. – Paris: Payot, 1916. – 315 p.
67. Sinclair, J. *Corpus, Concordance, Collocation*. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 179 p.
68. Talmy, L. *Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms*. – Berkeley, CA, USA: University of California at Berkeley, 1987. – 178 p.
69. Vinay, J.-P., Darbelnet, J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais: méthode de traduction*. – Paris: Didier, 1958. – 350 p.
70. Мачидов, Ҳ. *Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик : дастури таълимӣ / Ҳ. Мачидов*. – Душанбе: ТГУ, 1982. – 104 с.
71. Ҳасанов, И. *Лексика ва фразеология (дар асоси материали романи “Духтари оташ”-и Ҷ. Иқромӣ) / И. Ҳасанов*. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 157 с.

Диссертации

72. Азизов, Ф.Д. *Репрезентация концепта «Гнев» в лексико-фразеологической системе русского и таджикского языков: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / Азизов Фаррух Джурабоевич*. – Душанбе, 2023. – 155 с.

73. Давлатмирова, М.Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «Судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Давлатмирова Манижа Бораковна. – Душанбе, 2019. – 389 с.

74. Ионова, С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Ионова Светлана Валентиновна. – Волгоград, 1998. – 197 с.

75. Тхорик, В.И. Языковая личность: лингвокультурологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Тхорик Владимир Ильич. – Краснодар, 2000. – 304 с.

Авторефераты

76. Гулова, З.А. Концепт «Еда» в русском и польском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гулова Зевар Ахлиддиновна. – Душанбе, 2013. – 23 с.

77. Каримова, Н.И. Пространство как категория концептуализации языковой картины мира: на материале русского, польского и таджикского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхамбековна. – Душанбе, 2020. – 50 с.

78. Курбонова, Х.Х. Национально-специфические особенности концепта «Сабр» (Терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Курбонова Хафиза Халимовна. – Душанбе, 2021. – 24 с.

79. Махмудова, Ф.С. Лексико-семантическое поле «добро/зло» в таджикской и китайской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Махмудова Фарангис Сирожидиновна. – Душанбе, 2022. – 26 с.

80. Носкова, С.Э. Эмоциональный дискурс малых форм: семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Носкова Светлана Эдуардовна. – Краснодар, 2006. – 41 с.

81. Пак, А.О. Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пак Анна Олеговна. – Душанбе, 2009. – 24 с.

82. Романов, Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: на материале русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Романов Дмитрий Анатольевич. – Белгород, 2004. – 48 с.

83. Хушенова, С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка : автореф. дис. ... на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.00.00 / Хушенова Светлана Васильевна. – М., 1966. – 19 с.

84. Шамбезода, М.Х. Лингвокогнитивный анализ концепта «Мухочир/Мигрант» в таджикском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. / Шамбезода Мухайё Хусравовна. – Душанбе, 2025. – 24 с.

Статьи

85. Апресян, В.Ю. Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика. Вып. 34. – М., 1994. – С. 82-97.

86. Блинова, О.И. Лексикографический аспект сопоставительной мотивологии // Глагол и имя в русской лексикографии: Вопросы теории и практики. – Екатеринбург, 1996. – С. 14-24.

87. Блинова, О.И. Методы мотивологического исследования // Известия Томского политехнического университета. – 2003. – Т. 306, № 4. – С. 148-151.

88. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. Вып. 3. – М., 1993. – С. 185-206.

89. Воркачев, С.Г. «Куда ж нам плыть?» – Лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития. // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – С. 5-27.

90. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-83.
91. Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3: Аспекты мета-коммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С. 79-95.
92. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию: проф. Моск. ун-та акад. В.В. Виноградову / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – С. 103-124.
93. Гридин, В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – С. 113-119.
94. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
95. Джидарьян, И.А. О месте потребностей, эмоций и чувств в мотивации личности // Теоретические проблемы психологии личности. – М.: Наука, 1974. – С. 145-170.
96. Залевская, А.А. Специфика единиц и механизмов индивидуального лексикона // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – С. 5-15.
97. Искандарова, Д.М. Актуальные проблемы языкознания в РТ: состояние, задачи. Перспективы// Материалы круглого стола «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в РТ». – Душанбе, 2011. – С. 6-10.
98. Искандарова, Д.М. Проблемы создания Национального корпуса таджикского языка // Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в РТ. – Душанбе, 2020. – С. 26-39.
99. Каган, М.С. Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI в.: к 80-летию проф. М.С.

Кагана: материалы междунар. науч. конф. (СПб., 18 мая 2001 г.) – СПб.: 2001. – С. 9-14.

100. Калимуллина, Л.А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки. – 2006. – № 5. – С. 71-79.

101. Козырев, В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. – 2014. – № 1 (5). – С. 5-15.

102. Копыленко, М.М. Государственный язык и официальный язык: разграничение понятий // Актуальные проблемы лингвистики. – Алматы, 1998. – С. 239-243.

103. Кубрякова, Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные теории как их составляющие // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 65, № 2. – С. 3-14.

104. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формирование языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 141-172.

105. Кубрякова, Е.С. Смена парадигм знания в лингвистике XX века // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы Междунар. конф. – М.: МГУ, 1995. – Т. 1. – С. 278-280.

106. Кубрякова, Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: международная конференция: сб. материалов. Ч. 3 / Тамбов. гос. ун-т. – Тамбов, 1999. – С. 6-13.

107. Мезенцева, Е.С. Пословичный фонд языка как фрагмент языкового сознания этноса // Вестник КазНУ. – 2005. – №2. – С. 23-26.

108. Мокрова, О.Р. Полистатусная презентация категории эмотивности в эмотиологии // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. №3 – С. 559-561.

109. Палеева, Е.В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований // Вестник Курского государственного университета. – 2008. – №11. – С. 45-51.

110. Палеева, Е. В. Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2010. – №2(8). – С. 61-65.
111. Селиверстова, О.Н. Некоторые принципы организации семантических систем и роль компонентного анализа // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6.
112. Сорокин, Ю.С. О структуре лексико-семантических групп // Вопросы языкознания. – 1974. – №3. – С. 25-34.
113. Тагаева, Т.Р. Объективация эмоционального концепта «Ғам» (Печаль) в таджикском языке на материале Национального корпуса таджикского языка // Казанская наука. – №10. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2023. – 366 с. – С. 316-319.
114. Тагаева, Т.Р. Реализация синонимического поля эмоционального концепта «Ғам» (Печаль) в таджикском языке (на материале Национального корпуса таджикского языка) // Вестник университета. – 2024. – №2 (84). – Душанбе: Изд-во Российско-Таджикского (Славянского) университета, 2024. – С. 276-288.
115. Тагаева, Т.Р. Репрезентация эмоционального концепта «Sadness» (Печаль) в английском языке на материале Британского национального корпуса (British National corpus) // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – № 2. – С. 118-135.
116. Тагаева, Т.Р. Специфические особенности отражения эмоции «Ғам» («Печаль») во фразеологическом фонде таджикского языка // Вестник университета. – 2025. – №2 (88). – Душанбе: Изд-во Российско-Таджикского (Славянского) университета, 2025. – С. 240-254.
117. Тагаева, Т.Р. Языковая объективация эмоционального концепта «печаль» на материале лексикографических источников английского языка // Материалы Международной научно-практической конференции «XIII Ломоносовские чтения, посвященной 115-летию академика Бободжона Гафурова. – Часть 1. – Душанбе, 2023. – С.281-288.

118. Телия, В.Н. Эмотивность и стилистические функции коннотации // Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – С. 121-132.
119. Фрумкина, Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 55-67.
120. Шаховский, В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: сб. науч. трудов / Волгоградский гос. пед. университет. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 3-15.
121. Шаховский, В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: Волгоградский пед. ин-т, 1990. – 349 с.
122. Щерба, Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. – Ленинград, СССР: Наука, 1974. – С. 24-39.
123. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
124. Cannon, W.B. The James-Lange Theory of Emotions: A Critical Examination and an Alternative Theory // American Journal of Psychology. – 1927. – Vol. 39, №1/4. – P. 106-124.
125. Danes, F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary-Survey of the Field // Preprints of the Plenary Session papers of the XIV-th International Congress of Linguists. – Berlin, 1987. – P. 272-291.
126. Fillmore, Ch.J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semantica. – 1985. – Vol. 6, № 2. – P. 222-254.
127. James, W. What is an emotion? // Mind. – 1884. – Vol. 9, №34. – P. 188-205.
128. Lacoff, G. Instrumental adverbs and the concert of deep structure // F.L. – 1968 – Vol .4. – P. 4-29.
129. Lacoff, G. Linguistic gestalts // CLS. – 1977. – Vol. 13. – P. 236-287.

130. Lange, C.G. The mechanism of the emotions // The Classical Psychologists. – Vol. II, 1885.
131. Oatley, K., Johnson-Laird, P.N. Towards a Cognitive Theory of Emotions // Cognition and Emotion. – 1987. – Vol. 1, № 1. P. 29-50.
132. Papez, J.W. A proposed mechanism of emotion. // Archives of Neurology and Psychiatry. – 1937. – Vol. 38, №4. – P. 725-743.
133. Schachter, S., Singer, J.E. Cognitive, social, and physiological determinants of emotional state. // Psychological Review. – 1962. – Vol. 69, №5. – P. 379-399.
134. Talmy, L. Force dynamics in language and cognition // Cognitive Science. – 1988. – Vol. 12, Issue 1. – P. 49-100.

Коллективные монографии

135. Гак, В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В.Г. Гак // Языковая номинация (Общие вопросы) / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 230-293.
136. Горбунов, И.Ю. Тезаурусное моделирование лингвокультурологической терминологии. // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. Т. 3 : Культурная динамика / И. Ю. Горбунов. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 103-111.
137. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда : монография / Т.Н. Астафурова и др.; редкол.: В.И. Шаховский, С.В. Ионова, А.А. Дьякова. – Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2012. – 388 с.

Энциклопедии

138. Волков, Ю.Г., Поликарпова, В.С. Человек : энциклопедический словарь / под. ред. Ю.Г. Волкова, В.С. Поликарпова. – М.: Гардарики, 1999. – 518 с.
139. Кузнецов, А.М. Компонентного анализа метод // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.

Словари

140. Али-заде, С.Р., Исмаил-заде, А. Полный русско-таджикский словарь : Т. 2 (П-Я) / С.Р. Али-заде, А. Исмаил-заде. – Сталинабад: Таджикское государственное издательство, 1934. – 634 с.
141. Асимов, М.С. Русско-таджикский словарь. – М.: Рус.яз., 1985. – 1280 с.
142. Бодрова, Ю.В. Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги. = Russian proverbs and sayings and their English Equivalents. – М.: АСТ; Санкт-Петербург : Сова, 2007. – 159 с.
143. БПС – Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 4-е изд., расш. – Москва, СПб.: АСТ, Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
144. БФТ – Баёзи фолклори тоҷик : иборат аз шаш ҷилд. Ҷ. 2. Зарбулмасал, мақол, чистонҳо / мураттибон Б. Тилавов, Қ. Ҳисомов, Ф. Муродов, Ф. Зеҳниева ; АИ РСС Тоҷикистон, Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ. – Душанбе: Адиб, 1990. – 256 с.
145. Гварджаладзе, И.С., Мchedlishvili, Д.И. Английские пословицы и поговорки. – М.: Высшая Школа, 1971. – 76 с.
146. Жеребило, Т.В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: словарь-справочник. – Назрань, 2011. – 128 с.
147. Калонтаров, Я.И. Мудрость трех народов : (Тадж., узб., рус. пословицы, поговорки и афоризмы в аналогии). – Душанбе: Адиб, 1989. – 427 с.
148. Калонтаров, Я. Фарҳанги нави тоҷикӣ-русӣ. – Душанбе, 2008. – 320 с. / Новый таджикско-русский словарь. – Душанбе, 2008. – 320 с.
149. Капранов, В.А. Краткий русско-таджикский и таджикско-русский словарь синонимов. – Душанбе: Маориф, 1985. – 367 с.
150. Мухаммадиев, М. Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷикӣ. – Душанбе: Изд-во «Маориф», 1975. – 256 с.
151. Мюррей, Ю.В. Русские фразеологизмы и их английские аналоги = Russian Idioms and Their English Equivalents. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. — 251 с.

152. Писарчик, А., Тоҷиддинов, С., Ҳомидҷонов, М. Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ. – Сталинобод: Нашриёти Давлатии Тоҷикистон, 1961. – 226 с.
153. Раҳимов, Д. Гулчини зарбумасалу мақолҳои халқҳои ҷаҳон. – Душанбе: Истеъдод, 2012. – 136 с.
154. Саймиддинов, Д. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. 70 000 калима ва ибора / Зери таҳрири Д. Саймиддинов, С.Д. Холматова, С. Каримов. – Душанбе: Чопхонаи «Пайванд», 2006. – 815 с.
155. Снегирев, И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. – Нижний Новгород: Рус. Купец. – Братья славяне, 1996. – 620 с.
156. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
157. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академ-проект, 2001. – 990 с.
158. ФЗТ – Фарҳанги забони тоҷики. (аз асри X то ибтидои асри XX). Иборат аз ду ҷилд. Ҷилди I (А-О). Дар зери таҳрири М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ. – Нашриёти «Советская энциклопедия». – М., 1969. – 953 с.
159. ФЗТ – Фарҳанги забони тоҷики. (аз асри X то ибтидои асри XX). Иборат аз ду ҷилд. Ҷилди II (П-Ҷ). Дар зери таҳрири М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов, Р. Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ. – Нашриёти «Советская энциклопедия». – М., 1969. – 950 с.
160. ФТЗТ – Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷилд. Ҷилди I (А-Н). Зери таҳрири С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, М.Ҳ. Султон. – «Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ». – Душанбе, 2008. – 951 с.
161. ФТЗТ – Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷилд. Ҷилди II (О-Я). Зери таҳрири С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, М.Ҳ. Султон. – «Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ». – Душанбе, 2008. – 944 с.

162. ФТБР – Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. 70 000 калима ва ибора. Нашри дуввум бо илова, такмил ва ислоҳ. Зери таҳрири Д. Саймиддинов, С.Д. Холматова, С. Каримов. – Чопхонаи “Пайванд” – Душанбе, 2006. – 815 с.

163. Фозилов, М. Зарбулмасалу мақолҳо дар тамсилу ҳикояҳо. – Душанбе: Дониш, 1973. – 155 с.

164. Фозилов, М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ : Иборат аз се ҷилд. Ҷилди якум. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 368 с.

165. Фозилов, М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ : Иборат аз се ҷилд. Ҷилди дуюм. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 584 с.

166. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ). Ҷилди якум. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1963. – 971 с.

167. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ). Ҷилди дуюм. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1964. – 807 с.

168. Фазылов, М.Ф. Русско-таджикский словарь / под ред. М.Ф. Фазылова. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – 633 с.

169. Хокинс, Дж., Делахант, Э., Макдональд, Ф. Толковый словарь английского языка Oxford English : 40 000 слов и выражений современного английского языка. – М.: АСТ; Оксфорд: Астрель, 2008. – 556 с.

170. Шацкая, Е.Ю. Тематический словарь русских и английских пословиц и поговорок. – М.: Перо, 2013. – 157 с.

171. Шитова, Л.Ф. 350 Idioms with Their Origin, or The Idiomatic Cake You Can Eat and Have It Too = 350 идиом и их происхождение, или как невинность соблюсти и капитал приобрести. – СПб.: Антология, 2011. – 160 с.

172. Шитова, Л.Ф., Брускина, Т.Л. English Idioms and Phrasal Verbs = Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов. – 3-е изд. – СПб.: Антология, 2012. – 256 с.

173. CACD – Cambridge Academic Content Dictionary. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 1137 p.

174. Cambridge Advanced Learner's Dictionary / ed. by D. McCarthy, F. O'Dell. – 4th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 1174 p.
175. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary : 9th ed. – London : HarperCollins Publishers, 2018. – 6292 p.
176. Collins COBUILD English Language Dictionary. – London : HarperCollins Publishers ; Jakarta : Gramedia Pustaka Utama, 2016. – 1672 p.
177. Collis H. 101 American English proverbs. – New York: McGraw-Hill Professional, 1992. – 126 p.
178. Longman Collocations Dictionary and Thesaurus : New ed. – London : Pearson Longman, 2013. – 2448 p.
179. Fallows Samuel. A Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms, or Synonyms and Words of Opposite Meaning : with an appendix embracing a dictionary of Briticisms, Americanisms, Collouial Phrases, etc. – London; Edinburgh: Fleming H. Revell Company, 1898. – 516 p.
180. Howard Sargeant. Easier English Basic Synonyms : Pre-Intermediate. – 2004. – 129 p.
181. Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary. – Springfield, MA: Merriam-Webster, Incorporated, 2016. – 1994 p.
182. Siefring Judith. Oxford Dictionary of Idioms. – 2nd ed. — New York: Oxford University Press, 2004. – 340 p.
183. TAHDEL – The American Heritage Dictionary of the English language. – 3rd ed. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2016. – 8652 p.
184. The Oxford Thesaurus : An A-Z Dictionary of Synonyms. – 471 p.

Электронные ресурсы

185. 100 Best Idioms for Sad [Электронный ресурс] – URL: <https://enlightio.com/idioms-for-sad> (дата обращения: 17.08.2024)
186. 30 Idioms for Sadness [Электронный ресурс] – URL: <https://phrasedictionary.org/idioms-for-sadness/> (дата обращения: 18.08.2024)

187. Английские идиомы про эмоции. Радуемся и грустим по-английски [Электронный ресурс] – URL: <https://elf-english.ru/2020/05/idiomy-pro-emocii-raduemysya-i-grustim-po-anglijski/> (дата обращения: 18.08.2024)

188. Балакина, З.Ю. Средства языкового выражения эмоционального концепта «Гнев» в словарных статьях толковых словарей русского языка // Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко – URL: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2012/Philologia/7_108921.doc.htm (дата обращения: 22.06.2024).

189. Идиомы радости и печали на английском языке [Электронный ресурс] – URL: <https://engblog.ru/joy-and-sadness-idioms> (дата обращения:)

190. Калинина, Е. История и основные понятия корпусной лингвистики // Изучаем Digital Humanities. – URL: <https://dhumanities.ru/material/istoriya-i-osnovnye-ponyatiya-korpusnoj-lingvistiki/> (дата обращения: 30.06.2024).

191. Лыткина, О. И. Образ Америки в русской языковой картине мира // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. – Вып.4. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-ameriki-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 16.01.2024).

192. Небольсина, П.А. Языковая картина мира: определение понятия // XV Ежегодная богословская конференция. 2005. – URL: <http://pstgu.ru/download/1236686618.nebolsina.pdf> (дата обращения: 24.01.2024).

193. НКТЯ – Национальный корпус таджикского языка: [Электронный ресурс] – URL: <https://tajik-corpus.org/> (дата обращения: 24.04.2024)

194. BNC – British National Corpus [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 05.09.2024)

195. Idioms for Sadness : Expressing Sorrow in English [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.startswithy.com/idioms-for-sadness/#Idioms that Express Sadness with Meaning and Example](https://www.startswithy.com/idioms-for-sadness/#Idioms%20that%20Express%20Sadness%20with%20Meaning%20and%20Example) (дата обращения: 15.08.2024)

196. Idioms that express sadness [Электронный ресурс]. – URL: <https://blog.knudge.me/idioms-that-express-sadness-7132b9e39cd9> (дата обращения: 15.08.2024)

197. Talmy, L. Introspection as a Methodology in Linguistics // Paper distributed at 10th International Cognitive Linguistics Conference. – Kraków, Poland, July 2007. – URL: <https://www.acsu.buffalo.edu/~talmy/talmyweb/Handouts/introspection2.pdf> (дата обращения: 25.10.2024)

198. VK Wall-post Идиомы о грусти [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-4311205_7065 (дата обращения: 15.08.2024)